

УПРАВЛЕНИЕ НАУКОЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

**Science
Management:
Theory and Practice**

2025. Vol. 7. No. 1.

ISSN 2686-827X

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1

**Том 7
№ 1
2025**

Управление наукой: теория и практика

**Science Management:
Theory and Practice**

Рецензируемый научный журнал
Издается с 2019 г.
Выходит 4 раза в год

2025. Том 7, № 1.

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (117218, Москва, ул. Кржижановского,
д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор: Е. В. Семёнов

Заместители главного редактора: С. В. Егерев, В. Л. Тамбовцев, М. Ф. Черныш

Ответственный секретарь: Б. Н. Гайдин

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.
Freely available online. No charges for authors.

ISSN 2686-827X

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1

EDN: ZDYQMA

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ЭЛ № ФС77–76221 от 12 июля 2019 г.

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала
с момента публикации: <https://www.science-practice.ru>.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Управление наукой: теория и практика, 2025
© ФНИСЦ РАН, 2025
© Издательство РХГА, оригинал-макет, 2025

ЖУРНАЛ «УПРАВЛЕНИЕ НАУКОЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДСОВЕТА

ГОРШКОВ Михаил Константинович – доктор философских наук, академик РАН, научный руководитель, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва, Россия). E-mail: m_gorshkov@isras.ru

Члены Редаксовета

АБРАМСОН Чарльз – доктор философии (PhD in Psychology), профессор, Оклахомский университет (Стилуотер, США). E-mail: charles.abramson@okstate.edu

ГАБОВ Андрей Владимирович – доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН (Москва, Россия). E-mail: agabov@izak.ru

КОЗЛОВ Геннадий Викторович – доктор физико-математических наук, главный редактор, журнал «Вестник Концерна ВКО «Алмаз–Антей»» (Москва, Россия). E-mail: gvkozlov@mail.ru

КРЮКОВ Валерий Анатольевич – доктор экономических наук, академик РАН, директор, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: kryukov@ieie.nsc.ru

ЛЕНЧУК Елена Борисовна – доктор экономических наук, руководитель научного направления «Экономическая политика», Институт экономики РАН (Москва, Россия). E-mail: Lenalenchuk@yandex.ru

МАКАРОВ Валерий Леонидович – доктор физико-математических наук, академик РАН, научный руководитель, Центральный экономико-математический институт РАН (Москва, Россия). E-mail: makarov@cemi.rssi.ru

МАЛАГА Кристоф – доктор философии (PhD in Economics), профессор, Познаньский университет экономики и бизнеса (Познань, Польша). E-mail: krzysztof.malaga@ue.poznan.pl

РУФФ ЭСКОБАР Клаудио Альберто – доктор инженерных наук, ректор, Университет Бернардо О’Хиггинса (Сантьяго, Чили). E-mail: capacitacion@ubo.cl

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). E-mail: riazan@fnisc.ru

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). E-mail: zhantosch@mail.ru

ШАБУНОВА Александра Анатольевна – доктор экономических наук, директор, Вологодский научный центр РАН (Вологда, Россия). E-mail: aas@vscc.ac.ru

ШЕПЕЛЕВ Геннадий Васильевич – кандидат физико-математических наук, ведущий специалист, Научно-образовательный центр «Кузбасс» (Кемерово, Россия). E-mail: shepelev-2@mail.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

СЕМЁНОВ Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). E-mail: eugen.semenov@inbox.ru

Заместители главного редактора

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – доктор социологических наук, член-корреспондент РАН, директор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва, Россия). E-mail: mfche@yandex.ru

ЕГЕРЕВ Сергей Викторович – доктор физико-математических наук, зав. отделением, Акустический институт им. Н. Н. Андреева; профессор, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН; Почётный деятель науки и техники г. Москвы (Москва, Россия). E-mail: segerev@gmail.com

ТАМБОВЦЕВ Виталий Леонидович – доктор экономических наук, профессор, зав. лабораторией, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: vitalitytambovtsev@gmail.com

Ответственный секретарь

ГАЙДИН Борис Николаевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). E-mail: smtheorypractice@yandex.ru

Члены редколлегии

АРШИНОВ Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН (Москва, Россия). E-mail: varshinov@mail.ru

АЩЕУЛОВА Надежда Алексеевна – кандидат социологических наук, директор, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: asheulova_n@bk.ru

БАРАБАШЕВ Алексей Георгиевич – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: abarabashev@hse.ru

БОГАТЫРЁВ Дмитрий Кириллович – доктор философских наук, профессор, ректор, Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: rector@rhga.ru

ВАГАНОВ Андрей Геннадьевич – заместитель главного редактора, «Независимая газета»; ответственный редактор, приложение «НГ-Наука» (Москва, Россия). E-mail: andrew@ng.ru

ВАСИЛЬЕВ Антон Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

ВИЗГИН Владимир Павлович – доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Москва, Россия). E-mail: vlvizgin@gmail.com

ГУРЕЕВ Вадим Николаевич – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, заведующий информационно-аналитическим центром, Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука СО РАН; старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: gureyev@ngs.ru

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна – старший преподаватель, Государственный академический университет гуманитарных наук; научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; ответственный секретарь журнала «Социологические исследования» (Москва, Россия). E-mail: demidmsu@yandex.ru

ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич – доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова; главный научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия). E-mail: vdemiank@mail.ru

ДЕНИСОВ Виктор Иванович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Москва, Россия). E-mail: lavtube@yandex.ru

ДОНСКИХ Олег Альбертович – доктор философских наук, PhD, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Россия). E-mail: oleg.donskikh@gmail.com

ЗАХАРОВ Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия). E-mail: zakharov@petsu.ru

КИРИЛЛОВА Ольга Владимировна – кандидат технических наук, президент, Ассоциация научных редакторов и издателей (Москва, Россия). E-mail: kirillova@rasep.ru

КЛИСТОРИН Владимир Ильич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора, Институт социологии ФНИСЦ РАН; заведующая Центром лонгитюдных исследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: pkozyreva@isras.ru

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). E-mail: scan21@mail.ru

КУПЕРШТОХ Наталья Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: nataly.kuper@gmail.com

КУРДИН Александр Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заместитель декана экономического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: aakurdin@gmail.com

- ЛАЗАРЕВ Владимир Станиславович** – ведущий библиограф, Научная библиотека Белорусского национального технического университета (Минск, Беларусь). E-mail: vlas0070@yandex.ru
- ЛАПАЕВА Валентина Викторовна** – доктор юридических наук, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН (Москва, Россия). E-mail: lapaeva07@mail.ru
- МАЗОВ Николай Алексеевич** – кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН; ведущий научный сотрудник, Информационно-аналитический центр, Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: MazovNA@ipgg.sbras.ru
- МОСКАЛЁВА Ольга Васильевна** – кандидат биологических наук, советник директора, Научная библиотека Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: o.moskaleva@spbu.ru
- МОХНАЧЁВА Юлия Валерьевна** – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом, Библиотека по естественным наукам РАН (Москва, Россия). E-mail: j-v-m@yandex.ru
- ПЛУСНИН Юрий Михайлович** – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: jplusnin@hse.ru
- ПУТИЛО Наталья Васильевна** – кандидат юридических наук, зав. отделом, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия). E-mail: social2@izak.ru
- СКАЗОЧКИН Александр Викторович** – PhD (Engineering), кандидат физико-математических наук, кандидат технических наук, генеральный директор, ООО «Криокон» (Калуга, Россия). E-mail: avskaz@rambler.ru
- ФОНОТОВ Андрей Георгиевич** – доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: fonotov.ag@gmail.com
- ХОХЛОВ Юрий Евгеньевич** – кандидат физико-математических наук, доцент, зав. кафедрой, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Москва, Россия). E-mail: Hohlov.YE@rea.ru
- ШАСТИТКО Андрей Евгеньевич** – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, МГУ имени М. В. Ломоносова; директор, Центр исследований конкуренции и экономического регулирования, РАНХиГС (Москва, Россия). E-mail: aes@ranepa.ru
- ШУПЕР Вячеслав Александрович** – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН (Москва, Россия). E-mail: vshuper@yandex.ru
- ЮРЕВИЧ Андрей Владиславович** – доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора, Институт психологии РАН (Москва, Россия). E-mail: av.yurevich@mail.ru

EDITORIAL COUNCIL

CHAIRMAN

Mikhail K. Gorshkov, Doctor of Philosophy, Full Member of the RAS, Research Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: m_gorshkov@isras.ru

Members of the Editorial Council

Charles Abramson, PhD in Psychology, Professor, Oklahoma State University (Stillwater, USA). E-mail: abramson@okstate.edu

Andrey V. Gabov, Doctor of Law, Corresponding Member of the RAS, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: agabov@izak.ru

Gennady V. Kozlov, Doctor of Physics and Mathematics, Editor-in-Chief, Journal of Almaz-Antey Air and Space Defence Corporation (Moscow, Russia). E-mail: gvkozlov@mail.ru

Valeriy A. Kryukov, Doctor of Economics, Full Member of the RAS, Director, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: kryukov@ieie.nsc.ru

Elena B. Lenchuk, Doctor of Economics, Director of the Research Field "Economic Policy", Institute of Economics of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: Lenalenchuk@yandex.ru

Valery L. Makarov, Doctor of Physics and Mathematics, Full Member of the RAS, Research Director, Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: makarov@cemi.rssi.ru

Krzysztof Malaga, PhD in Economics, Professor, Poznań University of Economics and Business (Poznań, Poland). E-mail: malaga@ue.poznan.pl

Claudio A. Ruff Escobar, Doctor in Engineering Sciences, Rector, Bernardo O'Higgins University (Santiago, Chile). E-mail: capacitacion@ubo.cl

Sergey V. Ryazantsev, Doctor of Economics, Corresponding Member of the RAS, Chief Researcher, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: riazan@fnisc.ru

Alexandra A. Shabunova, Doctor of Economics, Director, Vologda Research Center of the RAS (Vologda, Russia). E-mail: aas@vscc.ac.ru

Gennady V. Shepelev, Candidate of Physics and Mathematics, Leading Specialist, Research and Academic Centre "Kuzbass" (Kemerovo, Russia). E-mail: shepelev-2@mail.ru

Zhan T. Toshchenko, Doctor of Philosophy, Corresponding Member of the RAS, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: zhantosch@mail.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Evgeny V. Semenov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: semenov@inbox.ru

Deputy Editors

Mikhail F. Chernysh, Doctor of Sociology, Corresponding Member of the RAS, Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: mfche@yandex.ru

Sergey V. Egerev, Doctor of Physics and Mathematics, Sector Head, Andreyev Acoustics Institute; Chief Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS; Honorable Worker of Science and Technology of Moscow (Moscow, Russia). E-mail: segerev@gmail.com

Vitaly L. Tambovtsev, Doctor of Economics, Professor, Laboratory Head, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: vitalytambovtsev@gmail.com

Executive Editor

Boris N. Gaydin, Candidate of Philosophy, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: smtheorypractice@yandex.ru

Members of the Editorial Board

Vladimir I. Arshinov, Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: varshinov@mail.ru

Nadezhda A. Asheulova, Candidate of Sociology, Director, St. Petersburg Branch of Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS (St. Petersburg, Russia). E-mail: asheulova_n@bk.ru

Alexey G. Barabashev, Doctor of Philosophy, Professor, HSE University (Moscow, Russia). E-mail: abarabashev@hse.ru

Dmitry K. Bogatyrev, Doctor of Philosophy, Professor, Rector, Russian Christian Academy for the Humanities (St. Petersburg, Russia). E-mail: rector@rhga.ru

- Valery Z. Demiankov**, Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; Chief Researcher, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: vdemiank@mail.ru
- Svetlana Yu. Demidenko**, Senior Lecturer, State Academic University for the Humanities; Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Executive Editor, Journal "Sociological Studies" (Moscow, Russia). E-mail: demidsu@yandex.ru
- Victor I. Denisov**, Doctor of Economics, Chief Researcher, Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: lavtube@yandex.ru
- Oleg A. Donskikh**, Doctor of Philosophy, PhD, Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia). E-mail: donsikh@gmail.com
- Andrey G. Fonotov**, Doctor of Economics, Professor, HSE University (Moscow, Russia). E-mail: fonotov.ag@gmail.com
- Vadim N. Gureev**, Candidate of Pedagogy, Senior Research Scientist, Head, Information Analysis Center, Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics, SB RAS; Senior Researcher, State Public Scientific Technological Library, SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: gureyev@ngs.ru
- Yuri E. Hohlov**, Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Department Head, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia). E-mail: YE@rea.ru
- Olga V. Kirillova**, Candidate of Technical Sciences, President, Association of Science Editors and Publishers (Moscow, Russia). E-mail: kirillova@rasep.ru
- Vladimir I. Klistorin**, Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru
- David L. Konstantinovskiy**, Doctor of Sociology, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, (Moscow, Russia). E-mail: scan21@mail.ru
- Polina M. Kozyreva**, Doctor of Sociology, First Deputy Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Director, Center for Longitudinal Studies, Institute for Social Policy, HSE University (Moscow, Russia). E-mail: pkozyreva@isras.ru
- Natalya A. Kupershtokh**, Candidate of History, Senior Researcher, Institute of History, SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: kuper@gmail.com
- Alexander A. Kurdin**, Candidate of Economics, Senior Researcher, Deputy Dean, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: aakurdin@gmail.com
- Valentina V. Lapaeva**, Doctor of Law, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: lapaeva07@mail.ru
- Vladimir S. Lazarev**, Leading Bibliographer, Scientific Library, Belarusian National Technical University (Minsk, Belarus). E-mail: vlas0070@yandex.ru
- Nikolay A. Mazov**, Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, State Public Scientific Technological Library, SB RAS; Leading Researcher Scientist, Information Analysis Center, Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics, SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: MazovNA@ipgg.sbras.ru
- Yuliya V. Mokhnacheva**, Candidate of Pedagogy, Leading Researcher, Department Head, Library for Natural Sciences of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: j-v-m@yandex.ru
- Olga V. Moskaleva**, Candidate of Biology, Director Advisor, Scientific Library, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: moskaleva@spbu.ru
- Juri M. Plusnin**, Doctor of Philosophy, Professor, HSE University (Moscow, Russia). E-mail: jplusnin@hse.ru
- Natalia V. Putilo**, Candidate of Law, Department Head, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: social2@izak.ru
- Andrey E. Shastitko**, Doctor of Economics, Professor, Department Head, Lomonosov Moscow State University; Director, Center for Competition and Economic Regulation Research, RANEPa (Moscow, Russia). E-mail: aes@ranepa.ru
- Vyacheslav A. Shuper**, Doctor of Geography, Professor, Leading Researcher, Institute of Geography of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: vshuper@yandex.ru
- Aleksandr V. Skazochkin**, PhD (Engineering), Candidate of Physics and Mathematics, Candidate of Technical Sciences, CEO, LLC "Kryokon" (Kaluga, Russia). E-mail: avskaz@rambler.ru
- Andrey G. Vaganov**, Deputy Editor-in-Chief, Nezavisimaya Gazeta; Executive Editor, NG-Nauka Supplement (Moscow, Russia). E-mail: andrew@ng.ru
- Anton A. Vasiliev**, Doctor of Law, Professor, Department Head, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: anton_vasiliev@mail.ru
- Vladimir P. Vizgin**, Doctor of Physics and Mathematics, Chief Researcher, Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: vlvizgin@gmail.com
- Andrey V. Yurevich**, Doctor of Psychology, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia). E-mail: yurevich@mail.ru
- Vladimir N. Zakharov**, Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia). E-mail: zakharov@petsu.ru

СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- 9** Семёнов Е. В. Глобалистскую идеологию в научно-технологической политике России ещё только предстоит преодолеть

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

- 13** Черныш М. Ф. Научно-исследовательский институт как функциональная единица научной деятельности
- 29** Ракин В. И. 2024 – год завершения национального проекта «Наука» («Наука и университеты»)
- 39** Дежина И. Г. Формирование мобилизационного режима управления наукой в России

МЕХАНИЗМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРОЙ

- 55** Лопухин А. М. Эффективность оценки учреждений высшего образования на примере университета в моногороде
- 67** Омельянская О. В. Нормирование научно-исследовательского труда: проблемы и перспективы

НОРМАТИВНАЯ ПРАВОВАЯ БАЗА НАУКИ

- 83** Салицкая Е. А., Амелина К. Е. Использование российскими университетами ноу-хау в качестве формы правовой охраны научных результатов
- 100** Чекалкин В. Д. Проблемы правового регулирования ответственности информационных посредников в контексте научной и образовательной деятельности

ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА И ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

- 116** Ударцева О. М. Перспективные возможности информационной платформы Dimensions
- 133** Лазарев В. С. Из истории наукометрических классификаций цитирований. Первые две работы и русскоязычные публикации. Часть 2
- 147** Осадчук Е. В. Об основных направлениях развития технологий искусственного интеллекта как инструмента научных исследований

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО

- 158** Кононенко Е. И. Китайские гуманитарии в российской аспирантуре: ожидания и реалии
- 177** Валеева М. В., Левченко И. Е. Становление и развитие социологических ассоциаций в России

НАУКА И ПСЕВДОНАУКА

- 192** Ваганов А. Г. Наука и политика: риски возможного симбиоза

РЕЦЕНЗИИ

- 206** Зырянов В. В. К такому опыту стоит вернуться... Рецензия на книгу В. А. Выборновой, М. П. Федорука «Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968)»
- 220** Егерев С. В. «Герасим-на-дому» и перспективы отечественной CS-платформы. Рецензия на книгу «Научное волонтерство: Делаем науку вместе»

EDITOR-IN-CHIEF'S NOTES

Semenov E. V. The globalist ideology in Russian science and technology policy has yet to be overcome . . . 9

SCIENCE AND TECHNOLOGY POLICY

Chernysh M. F. Research institute as a functional unit of scientific activities 13

Rakin V. I. 2024: The year of completion of the national project "Science" ("Science and Universities") . . . 29

Dezhina I. G. Formation of a mobilization mode of science management in Russia 39

MECHANISMS AND TOOLS FOR STATE REGULATION IN SCIENCE AND TECHNOLOGY SECTOR

Lopukhin A. M. Effectiveness of the assessment of higher education institutions:
The case of a university in a single-industry town 55

Omelyanskaya O. V. Research and development labor rationing: Problems and perspectives 67

NORMATIVE LEGAL FRAMEWORK OF SCIENCE

Salitskaya E. A., Amelina K. E. Know-how as a form of legal protection of scientific results
in Russian universities 83

Chekalkin V. D. Issues of legal regulation of information intermediaries' responsibilities in the context
of research and educational activities. 100

INFORMATION ENVIRONMENT AND ISSUES OF DIGITALIZATION

Udartseva O. M. Prospective capabilities of the Dimensions information platform 116

Lazarev V. S. From the history of scientometric citation classifications.
The first two works and Russophone publications. Part 2 133

Osadchuk E. V. On the main trends for the development of artificial intelligence technologies
as a research tool 147

ACADEMIC COMMUNITY

Kononenko E. I. Chinese humanities scholars in Russian postgraduate education:
Expectations and realities 158

Valeeva M. V., Levchenko I. E. The formation and development of sociological associations in Russia . . 177

SCIENCE AND PSEUDOSCIENCE

Vaganov A. G. Science and politics: Risks of possible symbiosis 192

BOOK REVIEWS

Zyryanov V. V. It is an experience worth revisiting... Review of the book "Novosibirsk State University.
The First Decade (1959–1968)" by V. A. Vybornova and M. P. Fedoruk 206

Egerev S. V. "Gerasim-at-home" and prospects for a national CS platform. Review of the book
"Citizen Science: Let's Do Research Together" 220

EDN: XZIOAD

Редакторская заметка

Editorial

ГЛОБАЛИСТСКУЮ ИДЕОЛОГИЮ В НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ ЕЩЁ ТОЛЬКО ПРЕДСТОИТ ПРЕОДОЛЕТЬ

Прошёл первый год после утверждения обновлённой версии Стратегии научно-технологического развития России¹. О результатах говорить рано, но о несовершенстве замысла, которое во многом может предопределить будущие результаты, говорить необходимо. В Стратегии содержится глубокое противоречие между заявленной целью достижения страной технологического суверенитета и остаточной глобалистской идеологией её научно-технологического развития. Документ нуждается в коренной переработке с позиций национальных интересов России, что предполагает отказ от глобалистской идеологии.

Из любого документа, как из исторического источника, можно узнать не только о том предмете, о котором он повествует, но и об авторе документа – о его мышлении и понимании им рассматриваемого события, процесса, явления. Стратегия чрезвычайно информативна в этом отношении, она позволяет увидеть то, как авторы документа понимают научно-технологическое развитие России. Первоначальный вариант Стратегии образца 2016 г.² был последовательно глобалистским по идеологии. Но и последний вариант Стратегии (2024 г.) лишь косметически затронул её концептуально-идеологическую основу. Это видно по логике и фразеологии документа, по его конструкции и по сути содержащейся в нём концепции научно-технологического развития страны³.

В Стратегии образца 2016 г. назначение и развитие российских науки и технологии связываются с «большими вызовами» – глобальными проблемами человечества и цивилизации, а не с решением проблем страны, хотя любое государство может участвовать в решении глобальных проблем прежде всего с учётом их преломления к этой стране. Россия и Уганда ощущают глобальные проблемы

¹ Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Гарант.ру : [сайт]. URL: <https://garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (дата обращения: 24.02.2025).

² Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 24.02.2025).

³ См. об этом: Семёнов Е. В. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: качество документа // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 3. С. 53–62. DOI 10.19181/smtpr.2024.6.3.5. EDN GAVOMY.

(климатические, демографические и др.) очень неодинаково, их возможности в решении локальных и глобальных проблем тоже неодинаковы. Но в Стратегии 2016 г. проблемы страны, состояние отечественной научно-технологической сферы, имеющийся в России потенциал, обеспеченность поставленных задач ресурсами не рассматриваются. Цели научно-технологического развития страны выводятся не из её проблем и возможностей, а из достаточно абстрактно сформулированных глобальных угроз человечеству и цивилизации, будто документ изготовлен не в России и для России, а в каком-либо аналитическом центре по заданию международной организации.

«Большие вызовы» и в первой, и в последней редакциях Стратегии формулируются без учёта специфики их проявления применительно к России. Это именно глобальные вызовы для человечества. В соответствии с таким подходом научно-технологическое развитие России растворяется в развитии человечества и цивилизации. По логике обеих версий Стратегии – 2016 г. и 2024 г., развивая человечество и цивилизацию, российская наука и технологии в том числе, среди прочего служат и стране тоже. Такая реинкарнация «открытой России» и «открытой науки» из 1990-х гг. странно смотрелась в 2016 г. и тем более в 2024 г. В документе ООН такая логика и глобалистская идеология были бы уместны, в национальной же стратегии они должны быть противоположными. Национальные наука и технологии являются важнейшим ресурсом развития прежде всего страны. При этом, развивая страну, решая её проблемы, национальные наука и технологии тем самым одновременно, конечно, вносят вклад также в развитие человечества и цивилизации. Но Стратегия научно-технологического развития России должна быть направлена на решение именно и прежде всего проблем страны, поскольку это стратегия развития не всего человечества, а конкретного государства.

Научно-технологическое развитие России в Стратегии образца 2016 г. и образца 2024 г. понимается как ответ на «большие вызовы». В откровенно глобалистской по духу Стратегии 2016 г. (п. 14) прямо говорится: «При этом наука и технологии являются одним из инструментов для ответа на эти вызовы, играя важную роль не только в обеспечении устойчивого развития цивилизации, но и в оценке рисков и возможных опасностей для человечества». Согласно этому документу, российская наука и технологии должны служить не только цивилизации, но и человечеству. В чём, кстати, здесь разница? Нацеленность отечественных науки и технологий на проблемы и интересы страны в этой формуле даже не упоминается. Документ и структурно, и содержательно выдержан в рамках этого глобалистского подхода к использованию страны в интересах человечества и цивилизации. Через восемь лет в обновлённой Стратегии 2024 г. (п. 14) эта формулировка подверглась некоторому редактированию и при сохранении её конструкции, но уже с упоминанием национальных интересов изложена в такой редакции: «При этом российская наука и технологии являются ключевым инструментом для ответа на эти вызовы, играя важную роль не только в обеспечении национальных интересов, но и в решении глобальных проблем человечества». Это уже близко к тому, что должно быть в национальной стратегии, но и здесь самой конструкцией прежней фразы, выражавшей глобалистское видение, документ будто бы извиняется перед человечеством

и цивилизацией за то, что допускает служение национальных науки и технологий интересам страны.

Это объясняет факт отсутствия и в обновлённой версии Стратегии анализа состояния, проблем и потребностей научно-технологической сферы страны, оценки её возможностей и ресурсного потенциала. Хотя между первоначальной и последней версиями Стратегии – соответственно 2016 и 2024 гг. – лежит достаточно продолжительный период, в последней редакции документа отсутствуют также анализ и оценка того, что сделано за прошедшие годы, как проявили себя используемые механизмы и инструменты, в т. ч. основной профильный национальный проект (первоначально «Наука», затем «Наука и университеты»), что удалось и что не удалось, как в соответствии с этим нужно уточнить цели и задачи, методы и мероприятия. Вместо этого вновь повторены чуть подредактированные «большие вызовы» и задачи. Исходное несовершенство замысла, связанное с глобалистским взглядом на страну и её научно-технологический потенциал, в документе сохранено, хотя и в несколько приглаженном виде.

Но России, её науке и технологиям для их успешного развития необходим совсем другой взгляд и другое отношение к ним. Стратегия научно-технологического развития России нуждается в кардинальной переработке с позиций коренных интересов национального развития и с учётом исторической конкретности переживаемого страной периода, актуальных внутренних вызовов (невосприимчивость реального сектора экономики к научно-технологическим достижениям, бюрократия, коррупция и др.) и внешних угроз (санкционная агрессия и война коалиции полусотни стран, направленные на нанесение России стратегического поражения). Требуется и трезвая без показухи и похвальбы оценка ресурсных возможностей национального научно-технологического потенциала. При переработке Стратегии полезным было бы обращение к основательному отечественному опыту научно-технического прогнозирования в последние два десятилетия советской истории, в первую очередь опыту подготовки и интеграции в систему государственного управления «Комплексной программы научно-технического прогресса».

При обрушении советской системы в 1991–1992 гг. и погружении России в затяжной «переходный период» в обществе и во власти радикально изменились в худшую сторону понимание роли национальной научно-технологической сферы в развитии страны, а наряду с этим место научно-технологической политики в стратегической государственной политике и место управления научно-технологической сферой в системе государственного управления. В итоге изменились роль и место самой научно-технологической сферы в жизнедеятельности российского общества, включая материальное производство, образование, здравоохранение, государственное управление. Поскольку новый правящий класс, сформировавшийся за счёт приватизации государственной собственности и власти в разрушенной стране, мыслит не категориями развития страны, а категориями частного интереса и собственной интеграции в глобальную систему, то с начала 1990-х гг. на десятилетия вперёд произошёл отказ от самостоятельной постановки целей и самостоятельного решения стратегических

вопросов развития. Произошло полное признание стратегических решений, принимаемых в других мировых центрах, и возникло согласие следовать за странами-лидерами. Ответственность за развитие собственной страны была фактически делегирована внешним центрам могущества. Хочется надеяться, что 2022 г. положил начало кардинального пересмотра такого положения дел, хотя по Стратегии в её редакции 2024 г. этого сказать нельзя.

Е. В. Семёнов

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.1

EDN: OIKYXK

Научная статья

Research article

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Черныш
Михаил Федорович¹**

¹ Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН, Москва, Россия

Для цитирования: Черныш М. Ф. Научно-исследовательский институт как функциональная единица научной деятельности // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 13–28. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.1. EDN OIKYXK.

Аннотация. В российской науке сложилась система учреждений, имеющая значительные отличия от базирующейся в университетах западной науки. Основным элементом этой системы является научно-исследовательский институт. В советское время создание НИИ, подчинённых Академии наук, считалось оптимальной формой её организации, сосредоточивающей имеющиеся кадровые и материальные ресурсы на выбранных направлениях. Научные исследования велись и в вузах, но основная задача вузовской системы виделась в подготовке кадров для быстро развивающейся советской экономики. В общественном сознании и российской культуре в целом научный институт являлся в советском прошлом и является сейчас ключевым элементом производства научного знания, тем местом, где работают настоящие учёные, связавшие с наукой всю свою биографию. В институциональном порядке, который сложился в постсоветское время, институт реализует ряд важных функций. Первая из них заключена в производстве истинного знания в рамках верифицируемых процедур с применением традиционных для науки методов. Вторая функция заключена в воспроизводстве сообщества учёных, причём не только демографически, но и идейно, как совокупности людей, разделяющих ценности науки. Третья функция института в том, чтобы коммуницировать с обществом, донося до него суть научных достижений. Реформы науки в рамках общей политики разрушения старых институтов не только не привели к улучшениям, а, напротив, нанесли российской науке непоправимый ущерб.

Ключевые слова: научный институт, наука, воспроизводство научных кадров, Академия наук, реформы, образование

RESEARCH INSTITUTE AS A FUNCTIONAL UNIT OF SCIENTIFIC ACTIVITIES

Mikhail F. Chernysh¹

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia

For citation: Chernysh M. F. Research institute as a functional unit of scientific activities. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):13–28. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2025.7.1.1.

Abstract. The development of Russian science gave birth to a system of organizations that were tangibly different from the institutions of science in the West embedded in universities. The main element of the system is a research institute. In the Soviet times founding the institutes under the auspices of the Academy of concentrating staff and material resources in the chosen directions. Higher education institutions were also engaged in research, but their main task consisted in training professional cadres for the rapidly expanding Soviet economy. The public consciousness and Russian culture as a whole viewed and keeps viewing a research institute as a key element in the production of scientific knowledge and a place that employs real researchers whose whole life is dedicated to science. In the institutional order that emerged in the post-Soviet times the institute fulfills a number of important functions. Firstly, the institute is engaged in the production of authentic scientific knowledge using traditional research methods to verify it through standard procedures. Secondly, the institute is charged with the task of reproducing the community of researchers “demographically” and ideologically as a group of people who share the values of scientific endeavor. Thirdly, the institute plays a decisive role in communication with society as a whole, passing on in abridged form the essence of scientific discovery. The reforms of Russian science as part of the general policy of destroying old Soviet institutions did not bring about any improvements in the Russian science complex. Their effects were opposite to what they were set to achieve inflicting heavy damage on the entire realm of research complex.

Keywords: research institute, science, reproduction of academic staff, Academy of Sciences, reforms, education

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Не только учёный, но и обыватель на вопрос о том, что такое «институт» и чем он занимается, немедленно ответит, что речь идёт об исследовательском или экспертном учреждении, основной целью которого является производство информации. Такое толкование данного понятие можно принять, но со множеством оговорок. В развитых западных странах научные исследования по сложившейся традиции проводятся прежде всего научными подразделениями крупных университетов. Прорывные научные открытия накрепко связаны с названиями ведущих мировых университетов, среди которых Кембридж и Оксфорд, Стэнфорд и Гарвард, Колумбийский университет и Гёттинген. В университетах сохраняются традиции и школы, функционируют порталы, позволяющие молодым талантливым учёным работать под руководством опытных наставников, перенимая у них не только методы, но и ценности,

направляющие научную деятельность. Длинная тысячелетняя история европейских университетов позволила им довести до совершенства процедуру воспроизводства научных кадров, обогатить этот процесс традициями и ритуалами, напоминая о той особой роли, которую наука играла и играет в современном обществе. В этом смысле университет принадлежит к числу ключевых социальных институтов (здесь, конечно же, тавтология, но неизбежная), о чём говорится подробно во многих трудах, посвящённых западной науке. Рассуждая о превосходстве западного мира над миром незападным, британо-американский историк Нил Фергюсон посчитал науку важнейшим фактором глобального доминирования, обретающим твёрдую почву только в условиях «декартовской» культуры сомнений, в атмосфере плодотворной дискуссии, критики и обмена мнениями [1]. Возникает закономерный вопрос: может ли западный университет иметь альтернативу в иных условиях, в иных обстоятельствах в обществах, где сильные, самостоятельные университеты исторически не возникли? Ведь если признать, что только университеты являются единственным по-настоящему прочным зданием современной науки, то общества и страны, где университеты слабы, могут рассчитывать разве что на роль вечно догоняющих, на второстепенную роль эпигонов того, что делается в крупнейших научных центрах.

У этого вопроса есть и прикладная сторона. Государства, не имевшие до второй половины XX в. развитого образования и науки, должны были выбрать для них оптимальные формы с тем, чтобы именно в них вкладывать инвестиции. Многие развивающиеся государства, к примеру, африканские, пошли традиционным путём, создавая и расширяя университеты, соединяя образование и первичные формы научной деятельности. В какой-то момент политика ускоренного развития университетов стала причиной внутреннего разлада: молодые выпускники считали, что, получив высшее образование, они вместе с ним получали пропуск в ряды местной элиты. В результате в 60-е гг. прошлого столетия, когда доля образованного населения в странах Африки быстро росла, правительства, желая избежать внутренних конфликтов, вынужденно раздували штаты высокооплачиваемых чиновников [2]. Одним из решений этой проблемы стало поощрение эмиграции образованной молодёжи в страны, где специалисты могли получить рабочие места, соответствующие их статусу. Но у этой политики были серьёзные ограничения: уровень квалификации обладателей африканских дипломов был существенно ниже тех требований, которые предъявлялись специалистам в странах Запада. Если оценивать результаты политики расширения университетов и всей системы образования в развивающихся странах, следует констатировать: ни в одной из развивающихся стран не удалось воспроизвести в рамках университетов научного комплекса, отмеченного значимыми достижениями. Исключение составили некоторые страны Азии, которым удалось благодаря политике модернизации и ускоренного развития кратно увеличить финансирование науки и существенно расширить её возможности. Однако, как показала практика, формы научной деятельности в этих странах имели существенные отличия от университетской формы организации науки в западных странах.

В дореволюционной России наука была неотъемлемой частью европейской науки и культивировалась прежде всего в университетах. Однако после революции старая система подверглась серьёзным реформам. Новая власть была заинтересована в скорейшей модернизации страны, а потому поставила целью максимальную концентрацию всех имеющихся ресурсов – материальных и интеллектуальных – на подготовке квалифицированных кадров и создании научного ресурса, способного обеспечить потребности оборонного комплекса. Спорным, но отвечающим духу времени решением было разведение образовательного и научного комплексов. Это разведение не было полным: университеты продолжали готовить кадры для науки, а учёные – преподавать в университетах и писать учебники. Но даже неполное разделение функций – учебной и научной – открывало возможность для концентрации усилий с максимальной отдачей по каждому из направлений. Отвечать за образование должны были университеты и учебные институты, а за науку и её развитие – Академии наук.

К недостаткам новой системы можно отнести уже упомянутый дефицит присутствия ведущих учёных в профильных учебных заведениях, а также учреждение тотального надзора государства над научной деятельностью. Огосударствление – это амбивалентный процесс, имеющий как положительные, так и отрицательные стороны. Адептам академической свободы необходимо помнить о том, что только благодаря государствам и их экономическим ресурсам стали возможны крупные прорывные проекты, такие как Манхэттенский в США, проект создания атомного оружия и космический проект в СССР. Однако активное вмешательство государства в научную деятельность имело и имеет свою оборотную сторону. В разные годы в СССР гонениям подвергались целые отрасли науки, в частности, генетика, кибернетика и социология. Люди, не имевшие прямого отношения к этим дисциплинам, принимали решение о том, насколько каждая из них враждебна по отношению к советской идеологии и строю. И хотя впоследствии выяснялось, что эти науки перспективны и за ними будущее, серьёзный урон им всё же был нанесён. Этот урон выражался прежде всего в потере ценных кадров, игравших ведущую роль в развитии названных научных направлений. В каких-то случаях учёных отправляли в лагеря или тюрьмы, в других, как это было с социологией, налагали внешние ограничения на научные изыскания. И это притом, что формально Академия наук обладала независимостью, наука признавалась важным государственным делом, а ведущие учёные имели немалое влияние в сфере принятия решений, касающихся государства и его политики.

Одним из следствий огосударствления стал более высокий уровень профессионализации науки и её институализации, наука превращалась в занятие, заполнявшее всё рабочее время специалиста без отвлечений на преподавание или иную деятельность. Новый уровень институализации науки имел подтверждение в высоком государственном статусе учёного и достойном уровне оплаты научного труда. Американский учёный Алекс Инкелес, изучавший социальную структуру советского государства, пришёл к выводу, что в СССР учёные располагаются на третьей или четвёртой ступеньке десятиранговой социальной лестницы [3]. Ведущие учёные входили в элиту советского государства, имели такой уровень оплаты труда и доступ к социальным и материальным

благам, на который не могли рассчитывать не только рабочие или крестьяне, но и специалисты, работавшие вне науки.

Как любой социальный метаинститут, советская наука имела в основе сложившуюся систему ролевых взаимодействий. Ключевую роль в них играла Академия наук и подчинённые ей научные институты. Были, разумеется, и другие научные институты, не обязательно академические. Научно-исследовательские, проектные институты создавались при крупных ведомствах и должны были решать те специфические задачи, которые эти ведомства перед ними ставили. Именно институт стал главной единицей научной деятельности в СССР, а затем и в постсоветской России, принявшей советское наследие практически в неизменном виде. Для того, чтобы понять, какую роль научные институты играют в российской науке, необходимо сфокусировать внимание на трёх аспектах их деятельности – культурном, структурном и функциональном.

КУЛЬТУРА НАУКИ И НАУЧНАЯ КУЛЬТУРА

Как уже говорилось выше, в советской идеологии наука рассматривалась как локомотив экономического и социального развития. Оставим в стороне вопрос о том, в каком случае признание роли науки в современном обществе носило декларативный характер, а в каких оно подразумевалось государственной политикой и решениями практического плана. В СССР идеология зачастую имела свойство быть директивой прямого действия, а это, как уже говорилось выше, могло иметь как положительную, так и отрицательную стороны. Сциентистская природа советской идеологии воплощалась в конкретных формах, например, в школьном образовании. Оно после нескольких лет экспериментирования в первые годы советской власти вернулось к меритократическим принципам и иерархическому устройству. Акцент делался на фундаментальных дисциплинах – математике, физике, химии, биологии. Считалось, что учащийся, освоивший эти дисциплины, сможет впоследствии, в рамках вузовской программы дополнять их специальными знаниями, а в том случае, если он займётся наукой, расширять полученные знания до уровня, которые требует его дисциплина. Как и следовало ожидать, меритократический принцип делил учащихся по уровню, снижая значимость позитивной дискриминации по отношению к выходцам из рабочих и крестьян. В учебных классах возникали «пирамиды» успеваемости, в верхней части которых находились «отличники», которые с высокой степенью вероятности получали аттестат о среднем образовании и поступали в вузы. В нижней части находились «отстающие», как правило, выходцы из рабоче-крестьянской среды, которые после восьмого класса поступали в школы ФЗО или позже ПТУ для того, чтобы приобрести рабочую специальность. Систему отличало неравенство, но она была по-своему логична, тем более что выпускникам профессионально-технических училищ путь в вузы не был заказан. Существовали втузы при заводах, где рабочие могли повысить свой уровень квалификации, получить диплом о высшем образовании и, благодаря этому, занять позицию мастера или инженера. И всё же прямой путь в науку лежал через школьные успехи, «пятерки» по большинству учебных предметов и поступление в вуз. Школьные учителя не скрывали, что гордятся

прежде всего теми выпускниками, которые смогли поступить в престижный вуз и заняться наукой.

Научные институты существенно отличались от других советских организаций. Учёные имели более высокую степень автономии и более высокую степень участия в принятии решений в тех пределах, где это было допустимо. Академическая культура сохранялась в той части, где предполагалась научная полемика, обсуждение планов проведения исследований и научных результатов. Учёные демонстрировали высокий уровень самоорганизации, причём не только на рабочих местах, но и в свободное время. Среди них было немало тех, кто собственным примером пропагандировал креативное, свободное отношение к досугу: альпинисты и туристы, барды, создававшие клубы самодеятельной песни, инициативники, организующие дискуссионные клубы, часто были выходцами из научной среды. Петр Вайль и Александр Генис, изучавшие культуру 1960-х гг., не могли пройти мимо феномена учёного в советском обществе: «В глазах общества учёные обладали решающим достоинством – честностью. Она же – искренность, порядочность, правдолюбие. Эпоха делала все эти слова синонимами и вкладывала в них мировоззренческий смысл. Дважды два обязано равняться четырём вне зависимости от принципов того, кто считает. После произвольного советского прошлого страна остро нуждалась в безотнositельном настоящем. Таблица умножения обладала качествами абсолютной истины. Точные знания казались эквивалентом нравственной правды. Между честностью и математикой ставился знак равенства. После того как выяснилось, что слова лгут, больше доверия вызывали формулы. Учёные жили рядом, учёные были простыми советскими людьми. И всё же – другими. Не зря на газетном жаргоне эпохи они назывались жрецами науки. Общество, постепенно освобождающееся от веры в непогрешимость партии и правительства, лихорадочно искало нового культа. Наука подходила по всем статьям. Она сочетала в себе объективность истины с непонятностью её выражения. Только посвящённые в таинства могут служить науке в её храмах. Например, в синхрофазотронах» [4, с. 100]. И, добавим, в научно-исследовательских институтах.

К 60-м гг. прошлого столетия советские учёные вышли из образа чудачковатого профессора, занимающегося досужим делом, интересным только ему одному. В научной среде появилась новая модель советского человека, не мускулистого, обветренного рабочего, а интеллектуала, умного, начитанного, ироничного. Именно таким он предстал в советских кинофильмах, ему посвящённых: Иннокентий Смоктуновский и Алексей Баталов в «Девять дней одного года», Александр Белявский, Василий Лановой и Ростислав Плятт в экранизации романа Даниила Гранина «Иду на грозу» и др. Учёные были представлены не только как специалисты, обладавшие уникальной, высочайшей квалификацией, но и как люди героической судьбы, делающие дело, от которого зависит будущее социалистического Отечества. Компания учёных в фильме Владимира Меньшова «Москва слезам не верит» должна была оттенять человеческие качества главного героя слесаря Гоши. Уважение, которым он пользовался в коллективе научного института, верифицировала его как человека, наделённого лучшими человеческими качествами – порядочностью, трудолюбием, пытливостью, эрудицией.

Институт вошёл в советскую культуру как символ науки и прогресса. Именно в институтах, а не в университетах работали ведущие учёные, делались открытия, велись споры по самым важным вопросам мироздания. В советское время никто не задумывался, что подобная организация научной деятельности может иметь существенные недостатки и должна быть реформирована. Между тем, такое решение постепенно готовилось, планы радикального реформирования российской науки в отдельных фрагментах выносились в публичное поле, где учёных рисовали не героями, а карикатурными иждивенцами, распивающими чай на государственные деньги. Поворотным пунктом в освещение труда учёных стал фильм Эльдара Рязанова «Гараж». В нём учёные изображались не как страстные искатели истины, а как мелочные обыватели, помышляющие только о земных благах и готовые ради этих благ совершать подлости против коллег. Зрителям внушалась мысль о том, что большая наука в той форме, в которой она представлена в институтах, обществу не нужна. О том, что необходимо обществу, не говорилось, но и без того было понятно: старые формы научной деятельности должны были отмереть, уступив место передовому мировому опыту.

Основные акценты критики и, соответственно, пункты грядущей реформы могут быть расположены в следующем порядке по степени важности. Во-первых, полагали критики существующей системы, необходимо ликвидировать Академию наук, оставив за ней одну функцию – отмечать заслуги маститых учёных, не имеющих административного влияния на работу научных институтов. Во-вторых, считали они, необходимо ликвидировать научные институты или перевести их в ведомство крупных университетов, где они, разумеется, уменьшатся в размерах и перестанут играть сколь-нибудь существенную роль в производстве научного знания. В-третьих, государственное финансирование науки должно быть сокращено, наука должна искать сторонние источники финансирования в бизнес-среде. В-четвёртых, российскую науку, вернее то, что от неё останется, необходимо по возможности интегрировать в зарубежные научные проекты. И если российские учёные сочтут возможным и необходимым эмигрировать за рубеж, то такое решение должно поощряться потому, что в результате, в конечном итоге выиграют все – и учёные, получившие признание и высокий доход, и зарубежные государства, укрепляющие свои научные комплексы, и российская наука, которая в какой-то неопределённый момент в будущем получит назад кадры, людей, работающих на самом высоком, мировом уровне. Трудно сказать, чего было больше в этом проекте – мстительного, злого умысла или досадной наивности. Надо признать, что этот проект получил поддержку не только в среде администраторов, но и в научном сообществе, особенно в той его прослойке, которая находилась в среднем звене научного администрирования. В грядущих реформах эта прослойка видела для себя новые возможности социальной мобильности. Реформирование науки поддержали и некоторые учёные, выехавшие за рубеж на постоянное место жительства. Они, как и свойственно эмигрантам, яростно отстаивали преимущества той системы, частью которой они стали, отказывая в достоинствах той системе, которая их взрастила.

ФУНКЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА

Согласно современным социологическим представлениям, социальный институт – это одна из форм социальной жизни, выполняющая ряд общественно значимых явных и латентных функций. Основной такой функцией является привнесение и поддержание порядка в какой-либо сфере социальной жизни. Наука относится к числу метаинститутов, т. е. опорных, сложных по конструкции социальных институтов, системно организующих работу подчинённых ей социальных образований. Какие из этих образований относятся к области науки? О некоторых из них уже говорилось выше. Это – университеты, научно-исследовательские институты, крупные проекты, имеющие в основании собственные правила жизнедеятельности, например, проекты мегасайнс. Важнейшей из тех задач, которые призвана решать наука, является производство истинного знания. Прилагательное «истинный» имеет значение потому, что производством знания в разных его формах занимается не только наука, но и другие социальные институты. К примеру, средства массовой информации с полным основанием можно считать машиной для производства информации, но, как правило, это формирующая картину текущих событий, быстро устаревающая информация. Наука производит не информацию, т. е. не описание событий, а знание, которое имеет общий фундаментальный и прикладной характер. Процесс производства знания не произволен, он подчинён определённым нормам, о роли которых немало сказано в работе Томаса Куна, посвящённой научным революциям [5]. Философ сознательно дистанцировался от рассуждений об истинности или ложности знания, о критериях истины, выводя на первый план социальный, институциональный аспект. Наука – это не то, что может быть понято механистически, это – сообщество учёных, имеющих высокий уровень квалификации, но, кроме того, разделяющих ценности той среды, в которой протекает их трудовая биография. Одной из ключевых задач и проблем социального института является воспроизводство. Речь идёт, во-первых, о воспроизводстве физическом или, иначе говоря, демографическом. Учёных надо готовить, делая это так, чтобы следующее поколение по меньшей мере не уступало предыдущему в количественном и качественном отношении. Воспроизводство регулируется нормативными порядками, которые имеют конкретные организационные границы. Иными словами, научные кадры невозможно готовить вне научных или образовательных учреждений, где собраны учёные соответствующей квалификации. Если уровень коллектива ниже необходимого, востребуемого наукой, то и кадры, которые готовит организация, будут иметь квалификацию ниже той, что необходима для работы в научных исследованиях. Один из видных математиков, долго сопротивлявшийся предложениям эмигрировать, в конце концов согласился. Его аргументы относятся не столько к содержательным вопросам, сколько к социальной подоплёке того, что происходило: «Уезжаю потому, что опустели коридоры института. Не с кем стало говорить» (речь идёт о Математическом институте имени В. А. Стеклова). Зависимость воспроизводства от качества научных кадров иллюстрируется, в частности, различиями в уровне диссертационных советов, работающих в вузах или научно-исследовательских институтах. Так исторически сложилось, что вузовские советы работают в основном на воспроизводство вузовского же

контингента, на подготовку преподавателей. Что касается диссертационных советов в научно-исследовательских организациях, то они по понятным причинам делают акцент на подготовку научной смены. Если таковой не будет, то наука отомрёт естественным путём, без вмешательства иностранных держав или лиц, желающих причинить максимальный вред Отечеству. Именно поэтому реформа научной аспирантуры, выводящая её из области подготовки научных кадров в область образования, причём не имеющая конкретной задачи, оказалась для российской науки столь разрушительной. Процесс воспроизводства учёных, по сути, остановился, выпускники получали вместо кандидатского диплома сомнительный с институциональной точки зрения документ, подтверждавший прохождение обучения, но не высокую научную квалификацию. Несмотря на то, что российские власти сдали назад и вернули аспирантуре функцию подготовки научных кадров и требования к защитам, последствия разрушительной реформы ещё долго будут сказываться на состоянии российской науки, добавляя с каждым годом скорости к и без того быстрой деградации научного сообщества.

Почему же крайне затруднительно, если вообще возможно перенести подготовку учёных в вузы? Рассуждая в терминах вероятности всего сущего, надо признать, что это возможно, но только если для этого будут созданы необходимые условия – многократное увеличение финансирования системы образования, переориентация некоторых образовательных учреждений на подготовку кадров для науки, создание в образовательных учреждениях развитой научной инфраструктуры, обеспечение для вузовской учёной доступности средств для проведения масштабных исследований. И самое главное. Необходимо разрушить существующую в вузах потогонную систему обучения, когда у молодых учёных нагрузка превышает 600, а то и 700 часов в семестр. Реализовать последнее требование представляется крайне маловероятным, если учесть, что дефицит квалифицированных кадров растёт не только в науке, но и в высших учебных заведениях. И в этой сфере с отчётливостью и чем дальше, тем больше ощущается нехватка молодых преподавателей, готовых посвятить себя не только работе в вузах, но и научной деятельности. В настоящее время перегруженные молодые преподаватели участвуют в научной деятельности «для галочки», для получения бонусов и прочих преимуществ, обусловленных формальными показателями. Но это далеко не то же самое, что работать в науке, производить уже упоминавшееся истинное знание. И в этом, в том числе, причина того, что численность научных кадров в стране сокращается, а всякие цифры, доказывающие обратное, производятся посредством несложных манипуляций с критериями, в которых поднаторела российская министерская бюрократия. Хотелось бы спросить российских чиновников, пробовали ли они в качестве эксперимента заниматься напряжённой научной деятельностью после двух или даже трёх полуторачасовых лекций или семинаров? С учётом сказанного прекрасноразумные рассуждения о том, что надо переводить науку в вузы и сделать всё, как в США, выглядят как очередная революционная утопия, обречённая на неудачу, но способная при этом принести огромный вред просто потому, что разрушать легко, а строить по-настоящему эффективные институты мы пока не научились, и пройдут долгие годы прежде, чем наощупь удастся создать в этой области что-то действительно значимое, основательное.

Вторая функция научно-исследовательского института может быть определена как воспроизводство сообществом ценностей и норм научной деятельности. Ценности воспроизводятся только в том случае, если их носители формируют сообщество, а в дальнейшем трансформируют это объединение в организацию или её подобие. Убедительный пример той схемы, в которой происходит, представил Артур Стинчкомб [6, р. 196–220]. Возьмём шахматный клуб, который возник по инициативе нескольких заинтересованных индивидов. Представим себе, что их энтузиазм был замечен другими людьми, также любящими играть в шахматы. Клуб начинает расти и по мере роста в нём происходит ролевая дифференциация. Те, кто создавал клуб, обретают статус почётных членов, старейшин, которым необходимо отдавать дань уважения. Но клуб имеет конкретную функцию – создавать условия для игры, организовывать турниры. Эти турниры выявляют самых сильных и талантливых игроков, и они тоже получают особый, предусмотренный уставом клуба статус. Как любая организация, клуб должен иметь управляющего, лиц, решающих прикладные вопросы организации, и тех, кто занимается финансами. И это тоже особые роли, которые обеспечивают работу клуба, умножение его ресурсов, приток новых членов. А теперь представим себе, что клуб мутирует в коммерческую организацию, торгующую, к примеру, спортивными товарами. В этой ситуации неизбежен явный или скрытый ролевой конфликт. Коммерческая деятельность для части функционеров клуба становится самодовлеющей, а шахматы – побочной, менее значимой. Закономерности существования полифункциональных организаций таковы, что исполняемые ими функции выстраиваются в иерархию значимости, при этом на первый план выходят функции, которые а) исторически определены как основные, б) поощряются политикой вышестоящего начальства и в) имеют достаточное кадровое и финансовое обеспечение, необходимое для успешной реализации. Возможны ли гибридные организационные формы, ориентированные не на одну функцию, а на несколько? Опыт западных университетов говорит о том, что возможны, но в том случае, если организация находится в особой категории, имеет уровень финансирования и статус, позволяющий существовать сложной, дифференцированной структуре, в которой кластеры ролей локализованы в одном из подразделений. К этой категории относятся, например, Массачусетский технологический институт, Стэнфордский университет, уже упомянутые Оксфорд и Кембридж, а в России – МГТУ имени Н. Э. Баумана или НИЯУ МИФИ. Как правило, существование сложной структуры подразумевает иной, чем для всех остальных организаций, правовой режим и нормативный порядок. В обычной организации умножение функций приводит к тому, что каждая из них реализуется на более низком уровне, чем в организациях с особым статусом. Эта закономерность известна всем покупателям аудиодевайсов – магнитола выполнит каждую из полагающихся ей функций хуже, чем отдельно магнитофон, приёмник или диктофон.

Третью функцию можно определить как внешнюю коммуникацию. Наука давно перестала быть делом, изолированным от большого общества, обсуждаемым только в узком кругу посвящённых. В эпоху модерна и постмодерна общество «сциентифицируется», проникается наукой как неотъемлемым элементом социальной и экономической жизни. В массовом сознании формируются

мемы, которые отражают то, как наука воспринимается доксой, как результаты научных исследований интерпретируются людьми, находящимися за её внешней границей. Как правило, усреднённый наблюдатель, находящийся за её пределами, судит о ней по результатам. И они выглядят с этой внешней стороны по меньшей мере противоречивыми. Одни учёные говорят о том, что происходит глобальное потепление и человечество ждёт катастрофа, другие – что так называемое глобальное потепление – это всего лишь короткий зигзаг на диаграмме климатических изменений в масштабе столетий или тысячелетий. Научные наблюдения неожиданным образом накладываются на устойчивые психокомплексы массового сознания. Ведь сказано в мудрых книгах, что человечество обречено, если только не оставит порочные пути и не обновится в этическом, моральном смысле, вот оно и происходит – час расплаты за причинённое людям и природе зло недалёк. И если речь идёт не о спекуляциях мистиков, а о научном результате, то от него невозможно отмахнуться, невозможно увидеть в нём очередной предрассудок. Научные результаты – это не только повод для апокалиптических спекуляций, но и платформы, на которых воздвигаются хилиастические конструкции. Кажется, что совсем скоро учёные разгадают самые сложные загадки, которые ставит перед ними природа, создадут условия, при которых станут возможными чудесные технологии в области энергетики, перемещение в пространстве и исцеление болезней. Большой адронный коллайдер – это, с одной стороны, способ проникновения в сокровенные тайны природы, а с другой – угроза непреднамеренных и непредсказуемых последствий, ведущих человечество к гибели.

Развиваясь как социальный институт, наука научалась коммуницировать с обществом, редуцировать сложность получаемых результатов к возможной общественной пользе или обращаться к общественным страхам и фобиям. В национальных контекстах сформированы разные агенты, доносящие до общества результаты научной деятельности. В западных странах агентами коммуникации между наукой и обществом становятся выдающиеся учёные, индивиды, обладающие именем и пользующиеся доверием средств массовой информации. Однако в большинстве случаев имя учёного – это лишь понятный, персонифицированный фасад, необходимый для того, чтобы агрегировать то, что сделано крупными институциями – университетами, лабораториями, научными институтами. Не умаляя вклад в науку конкретного учёного, надо понимать, что в текущей ситуации он – лишь внешний коммуникатор, за которым стоит машина производства научных истин, финансируемая государством или частными компаниями. Как правило, это легко распознать, наблюдая то, как представляет себя учёный. Не просто независимый исследователь, а сотрудник университета или института, представитель лаборатории, где ставился эксперимент и получены соответствующие результаты. Бруно Латур, изучавший каналы коммуникации науки и общества, пришёл к выводу, что агентом коммуникации является даже не столько конкретный учёный, а лаборатория: «Эксперимент в Пуийи ле Фор – самое знаменитое из открыто инсценированных Пастером доказательств за всю его карьеру. Представители основных средств массовой информации того времени были приглашены на три следующих друг за другом показа, чтобы убедиться в том, что рассматривалось как предсказание Пастера. “Инсценировка” здесь наиболее подходящее

слово, поскольку в действительности имеет место общественный показ того, что было много раз отрепетировано в лаборатории. Строго говоря, это повторение, но на этот раз в присутствии приглашённой публики, которая вложила так много интереса и теперь ожидает награды» [7, с. 11]. Так сложилось, что агентом коммуникации между наукой и обществом в России был и является в настоящее время учёный, представляющий научно-исследовательский институт, и лучше, если этот институт принадлежит к системе Российской академии наук. Уровень доверия Академии наук и результатам, которые получают курируемые этой организацией институты, выше, к примеру, чем доверие другим организациям. В российском массовом сознании научный результат может иметь позитивные последствия для общества только в том случае, если он сертифицирован, подтверждён и апробирован Академией наук, которая всей своей историей доказала, что опирается на стандартные процедуры верификации получаемых результатов с одной стороны и делает всё возможное, чтобы эти результаты послужили обществу с другой. В российской культуре научно-исследовательский институт – это образец, который прочно отождествляется с понятиями «наука», «всеобщее благо», «прогресс». Как любой образец, он является социальным конструктом, но было бы ошибочно считать, что конструкт и процесс конструирования протекает только в текущем моменте как продукция одной или нескольких заинтересованных элитных групп. Социальное конструирование развёрнуто во времени, в истории, где социальные реалии формируются по мере того, как в эволюционирующем обществе заявляют о себе новые функции. Глубина залегания конструктов тем больше, чем чаще они отождествляются с достижениями, успехами, победами. Российская наука имеет право гордиться многими достижениями, которые сделали бы честь любой культуре: российские и советские учёные создали мощный задел в тех направлениях, которые прочно отождествляются с прогрессом и надеждами на преодоление существующих проблем. В ходе реформ делалась попытка «приземлить» науку, сводя её только к прикладной, обслуживающей функции. Точно такой «лоботомической» операции реформаторы подвергали и образование, вписав его в сферу услуг. «Уловка-22» здесь такова, что занятые оказанием услуг не могут претендовать на производство смыслов поверх существующей в обществе структуры интересов. Аналогичным образом образование, пониженное в статусе, не может быть носителем ценностей за рамкой индивидуальной самореализации. Ни наука, ни образование в обществе, где смыслы определены только как индивидуальные, не способны к агентности, имеющей в основе ценности высшего порядка.

ФУНКЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА

Исследователь Джонатан Тёрнер ввёл в оборот понятие «институциональный порядок». Институциональный порядок – это следствие координации в работе социальных институтов, их взаимная «притирка» с тем, чтобы они не вступали друг с другом в конфликт, подрывая устойчивость социальной системы [8]. Социальный порядок подразумевает, во-первых, согласование ценностных позиций, а, во-вторых, непротиворечивость ролевых структур внутри каждого

института и в системе в целом. Если в первобытных племенах институциональный порядок, однажды возникнув, становился гарантом устойчивости социальной жизни на многие годы, то в сложных обществах институциональный порядок подвергается постоянной ревизии как по первому, так и по второму из названных выше пунктов. Ценностные комплексы в разных институтах разные, зачастую противоречащие друг другу, и необходимы усилия агентов порядка, которыми, как правило, являются элиты, для того чтобы удержать систему в состоянии равновесия. Подвержены изменениям и структурные ролевые распределения, причём агентами изменений являются, по выражению Дугласа Норта, институциональные предприниматели разного ранга [9]. В роли институциональных предпринимателей выступают самые разные агенты. Таковым, к примеру, может стать водитель, систематически нарушающий правила дорожного движения, провоцирующий на дороге опасные ситуации. Его действия и действия подобных ему накапливают напряжение, которое в конце концов выливается в закон или подзаконный акт, ужесточающий процесс регулирования движения. Однако наиболее влиятельными из институциональных предпринимателей являются клики (социологический термин, означающий замкнутую, сплочённую группу) внутри политической или экономической элит, стремящиеся к умножению своего влияния и контролю над процессом принятия решений. Как красноречиво показала новейшая российская история, преобразовательные планы отдельных клик могут иметь тяжёлые последствия для социальных институтов и институционального порядка в целом. Радикальные изменения, которые осуществлялись революционерами, будь то в 1917 или 1991 гг., приводили к разрушению сложившихся институциональных порядков, гигантским человеческим, экономическим и социальным потерям. И всё же даже в этих критических ситуациях сложившиеся структуры функциональных отношений сохранялись.

Реформы российской науки, ставшие частью радикальных преобразований начала 90-х гг. и далее, привели не только к сокращению финансирования науки и образования, но и к ликвидации сложившихся форм управления научной деятельностью. В результате крайне неудачной реформы Академии наук 2013 г., имевшей целью её ликвидацию, ролевая структура управления в чём-то изменилась, но во многих отношениях сохранилась. Академия более не руководит институтами напрямую, но институт как элемент структуры управления сохранился. И это не случайно: в отсутствие научно-исследовательского института как исполнителя научных проектов администрирование науки внешним регулятором утрачивало бы всякий смысл, а сама возможность научной деятельности оказывалась бы под вопросом. Более того, по мере того, как последствия управления наукой бюрократическими структурами становились всё очевиднее, причём не только учёным, но и руководителям, принимающим политические решения, наметилась тенденция восстановления, хотя бы частичного, статуса Академии наук как «квалифицированного администратора» в отличие от «неквалифицированных администраторов», которыми были назначаемые сверху чиновники, ни дня не работавшие в науке и не понимающие её специфики. Анализируя работу метаинститутов, будь то государство или наука, важно принимать во внимание момент их латентной устойчивости, противодействующей полному распаду и воцарению хаоса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВОЗМОЖНЫ ЛИ «МИЧУРИНСКИЕ» ЭКСПЕРИМЕНТЫ В РЕФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУТОВ?

Вопрос, который следовало бы обсудить: а возможно ли в принципе копирование удачных институциональных форм? Современные исследования не дают окончательного, однозначного ответа на этот вопрос. «Романтики», такие как Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон [10], а также Фрэнсис Фукуяма [11] полагают, что это возможно при условии, что копируется не точная форма, а один из вариантов, получивший распространение в наиболее успешных странах. Фукуяма, рассуждая об успешных и неуспешных государствах, выделяет необходимость институциональной формы, которая обеспечивала бы подотчётность власти и её прозрачность. В разных странах для реализации этих целей могут находиться разные механизмы, иногда несхожие, но существует условие *sine qua non* – разделение властей. Иными словами, есть метаформа, обеспечивающая развитие, а есть её конкретное воплощение, варианты которого разнятся в широких пределах. С этой позицией вряд ли согласился бы Уолтон Гамильтон, считавшей, что дееспособные институты могут вырастать только на национальной почве, а попытки «присаживать» чуждые формы приводят к тому, что при сохранении внешнего контура института его содержание радикально мутирует под влиянием национальной культуры [12]. В том же духе рассуждал и финский социолог Маркку Кивинен, предложивший социологическую трактовку ранней советской истории [13]. Институциональные реформы, имеющие в основе умозрительные модели, неизменно приводят к появлению химерических образований, похожих по форме на исходную схему, но по сути отличающихся от неё радикальным образом. Наилучшим образом копируемые институты приживаются на девственной почве там, где «местная почва» не проросла благородными растениями или «сорняками», укоренёнными в культуре, в системе базовых ценностей и установок. Там, где уже существует развитый институт, копирование предполагает целый ряд непреднамеренных последствий – снос уже существующих конструкций, высокий уровень сопротивления со стороны старых кадров, медленное восстановление, в ходе которого латентные образцы возвращают себе полностью или частично утраченное на короткий период влияние. Постсоветские реформы изобилуют яркими иллюстрациями этого паттерна: рыночные преобразования в той форме, в которой они были проведены, привели к утрате ценного, копившегося годами опыта, передовых технологий, кадрового потенциала, необходимого для последующего возрождения. Эксперименты по институциональной гибридизации дорого обошлись России, подтвердив то, что и так известно и адекватно сформулировано Карлом Поппером, – историцизм, выраженный в «кукуризации» политики, чреват огромными потерями, наилучшие результаты даёт эволюционный, «инженерный» способ усовершенствования института, сохраняющий лучшее, снимающий противоречия. Речь не идёт о реабилитации гегелевского принципа «всё действительное разумно, всё разумное действительно», а лишь об осторожном отношении к уже существующему, о необходимости чётко просчитывать последствия реформ, причём не только очевидные, но и непреднамеренные. Велика вероятность того, что научно-исследовательский институт и далее останется важнейшим элементом российского научного комплекса, что созданные

в институтах образцы научной деятельности продолжают воспроизводить себя, пока существует российская наука. Однако признание высокой вероятности этого не означает, что реформы – постепенные, выверенные – невозможны. Возможны и даже необходимы реформы управления научными институтами, разведение критериев индивидуальной и коллективной эффективности научных учреждений, установление принципов отношения между институтами и внешним регулятором научной деятельности. Возможно, что в будущем возникнут условия, при которых станет вероятным создание не на бумаге, а в реальности межинститутских научных коллективов, ставящих целью разработку научных тем в междисциплинарной перспективе. Альтернативы научным институтам, решающим практические задачи, возможны и в рыночной среде, как это происходит в США и других странах. Иными словами, успешная наука может делаться как в научно-исследовательских институтах, так и в других структурах, как в Академии, так и вне её. При этом важно избегать ситуации, в которой реформирование такой хрупкой сферы, как наука, будет вновь доверено лицам, желающим «разрушить до основания с тем, чтобы строить наш новый мир». Российская наука не в том состоянии, чтобы пережить ещё один период так называемого «креативного разрушения».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ferguson N.* Civilization: The West and the rest. London : Penguin Books, 2018. xxx, 402 p. ISBN 9780141987934.
2. *Smelser N. J., Lipset S. M.* Social structure, mobility and development // Social structure and mobility in economic development. Chicago : Aldine Publishing Co., 1966. P. 1–50.
3. *Inkeles A.* Social stratification and mobility in the Soviet Union // Class, status, and power: Social stratification in comparative perspective / ed. by R. Bendix, S. M. Lipset. New York : The Free Press ; London : Collier Macmillan Publishers, 1966. P. 516–526.
4. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М. : Новое литературное обозрение, 1998. 358 с. ISBN 5-86793-052-1.
5. *Кун Т.* Структура научных революций / пер. с англ. М. : АСТ, 2003. 605, [3] с. ISBN 5-17-010707-2. EDN QWFEIT.
6. *Stinchcombe A. L.* Stratification and organization : Selected papers. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. viii, 381 p. DOI 10.1017/CBO9780511570759.
7. *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–32.
8. *Turner J. H.* The institutional order: Economy, kinship, religion, polity, law, and education in evolutionary and comparative perspective. New York : Longman, 1997. xiii, 306 p. ISBN 9780673981257.
9. *North D. C.* Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. viii, 152 p. DOI 10.1017/CBO9780511808678.
10. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М : АСТ, 2015. 692, [1]с. ISBN 978-5-17-092736-4.
11. *Fukuyama F.* Political order and political decay: From the industrial revolution to the globalization of democracy. London : Profile Books, 2015. viii, 664 p. ISBN 9781846684371.
12. *Hamilton W. H.* The institutional approach to economic theory // The American Economic Review. 1919. Vol. 9, № 1 (Supplement). P. 309–318.
13. *Кивинен М.* Прогресс и хаос: социологический анализ прошлого и будущего России / пер. с англ.: М. Ф. Черныш. СПб. : Академический проект, 2001. 272 с. ISBN 5-7331-0246-2.

REFERENCES

1. Ferguson N. *Civilization: The West and the rest*. London : Penguin Books; 2018. xxx, 402 p. ISBN 9780141987934.
2. Smelser N. J., Lipset S. M. Social structure, mobility and development. In: *Social structure and mobility in economic development*. Chicago : Aldine Publishing Co.; 1966. P. 1–50.
3. Inkeles A. Social stratification and mobility in the Soviet Union. In: Bendix R., Lipset S. M., eds. *Class, status, and power: Social stratification in comparative perspective*. New York : The Free Press ; London : Collier Macmillan Publishers; 1966. P. 516–526.
4. Vail P., Genis A. The 60s. The world of the Soviet man [60-e. Mir sovetskogo cheloveka]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie; 1998. 358 p. (In Russ.). ISBN 5-86793-052-1.
5. Kuhn T. S. The structure of scientific revolutions. Transl. from English. Moscow : AST; 2003. 605, [3] p. (In Russ.). ISBN 5-17-010707-2.
6. Stinchcombe A. L. *Stratification and organization : Selected papers*. Cambridge : Cambridge University Press; 1986. viii, 381 p. DOI 10.1017/CBO9780511570759.
7. Latour B. Give me a laboratory and I will move the world. *Logos*. 2002;(5–6):1–32. (In Russ.).
8. Turner J. H. *The institutional order: Economy, kinship, religion, polity, law, and education in evolutionary and comparative perspective*. New York : Longman; 1997. xiii, 306 p. ISBN 9780673981257.
9. North D. C. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge : Cambridge University Press; 1990. viii, 152 p. DOI 10.1017/CBO9780511808678.
10. Acemoglu D., Robinson J. A. *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. Transl. from English. Moscow : AST; 2015. 692, [1] p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-092736-4.
11. Fukuyama F. *Political order and political decay: From the industrial revolution to the globalization of democracy*. London : Profile Books; 2015. viii, 664 p. ISBN 9781846684371.
12. Hamilton W. H. The institutional approach to economic theory. *The American Economic Review*. 1919;9(1):309–318.
13. Kivinen M. Progress and chaos: Russia as a challenge for the sociological imagination. Transl. from English by M. F. Chernysh. St. Petersburg : Akademicheskii proekt; 2001. 272 p. (In Russ.). ISBN 5-7331-0246-2.

Поступила в редакцию / Received 04.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Revised 17.02.2025.
Принята к публикации / Accepted 20.02.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Черныш Михаил Федорович *chernysh@fnisc.ru*

Член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия
SPIN-код: 7057-8292

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail F. Chernysh *chernysh@fnisc.ru*

Corresponding member of the RAS, Doctor of Sociology, Director,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8169-0933
Scopus Author ID: 55954329200
Web of Science ResearcherID: B-5133-2016

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.2

EDN: MRKFOL

Научная статья

Research article

2024 – ГОД ЗАВЕРШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «НАУКА» («НАУКА И УНИВЕРСИТЕТЫ»)

**Ракин
Владимир Иванович¹**

¹ Институт геологии имени академика Н. П. Юшкина Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия

Для цитирования: Ракин В. И. 2024 – год завершения национального проекта «Наука» («Наука и университеты») // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 29–38. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.2. EDN MRKFOL.

Аннотация. В декабре 2024 г. завершился национальный проект «Наука и университеты», к главным достижениям которого можно отнести программу обновления научного оборудования. Вместе с темстораживают сохраняющиеся негативные тенденции, отмеченные в Указе Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», среди которых – концентрация научно-технологического потенциала в ограниченном числе регионов страны. С учётом демографической ситуации в России принятая в национальном проекте «Наука и университеты» задача омоложения кадров исследователей, получившая продолжение в программах развития научных организаций, разработанных к концу 2024 г., приведёт, на наш взгляд, к усилению указанной негативной тенденции. Этому способствует также логика развития современной науки, подчиняющаяся закону, установленному В. В. Налимовым ещё в 1960-е гг.: каждые десять лет количество научной информации в отраслях естественных наук увеличивается вдвое. Ограниченными возможностями мозга скорость восприятия человеком новой информации вынуждает исследователя сужать область своих научных интересов. Но и тут информационный вал, усиленный продукцией «бумажных фабрик», производящих фальшивую науку, ставит трудноразрешимые проблемы анализа новых достижений. Бизнес издательских услуг уже выходит на автоматический режим производства околonaучной продукции, и пока оценка результативности исследователя будет определяться количеством статей, негативные тенденции, отмеченные Президентом России, будут только усиливаться.

Ключевые слова: национальный проект «Наука и университеты», наукометрия, демография, омоложение кадров исследователей, закон научной информации, фальшивая наука, платные издательские услуги, В. В. Налимов

2024: THE YEAR OF COMPLETION OF THE NATIONAL PROJECT “SCIENCE” (“SCIENCE AND UNIVERSITIES”)

Vladimir I. Rakin¹

¹ Institute of Geology, Komi Science Center, Ural Branch of the RAS, Syktyvkar, Russia

For citation: Rakin V. I. 2024: The year of completion of the national project “Science” (“Science and Universities”). *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):29–38. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.2.

Abstract. In December 2024, the national project “Science and Universities” was completed. Its main achievements include the scientific equipment upgrade program. At the same time, the continuing negative trends noted in the Presidential Decree “On the Scientific and Technological Development Strategy of the Russian Federation” (No. 145 of February 28, 2024) are alarming. They include the concentration of science and technology potential in a limited number of regions of the country. Taking into account the demographic situation in Russia, the task of rejuvenation of research personnel adopted in the national project “Science and Universities”, which has been continued in the programs for the development of research organizations, set up by the end of 2024, will lead, in our opinion, to the strengthening of this negative trend. This is also facilitated by the logic of the development of modern science, which obeys the law formulated by V. V. Nalimov back in the 1960s: every 10 years the amount of scientific information doubles in the branches of natural sciences. The limited capacity of the human brain to process new information forces researchers to narrow the field of their scientific interests. But even here, the information flood, reinforced by the products of “paper factories” producing fake science, poses intractable problems of analyzing new achievements. The business of publishing services is already entering the automatic mode of production of pseudoscientific output, and as long as the evaluation of a researcher’s performance is determined by the number of articles, the negative trends noted by the President of Russia will only intensify.

Keywords: national project “Science and Universities”, scientometrics, demography, rejuvenation of research personnel, law of scientific information, fake science, paid publishing services, V. V. Nalimov

ВВЕДЕНИЕ

Завершился срок реализации национального проекта «Наука и университеты» (с 1 октября 2018 по 31 декабря 2024 г.). Куратор проекта, заместитель Председателя Правительства России Д. Н. Чернышенко летом 2024 г. доложил, что национальный проект «Наука и университеты» исполнен на 100%¹. Но в начале прошлого года был подписан Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», в котором среди сохраняющихся негативных тенденций отмечены:

- «а) несогласованность приоритетов научно-технологического развития и инструментов его поддержки на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях;

¹ Петрова Е. Нацпроект «Наука и университеты» полностью выполнен // Российская газета : [сайт]. 2024. 19 июня. URL: <https://rg.ru/2024/06/19/programma-maksimum.html> (дата обращения: 16.01.2025).

- б) низкая восприимчивость экономики к технологическим инновациям... разомкнутость единого инновационного цикла проведения научных исследований, создания разработок и коммерциализации технологий;
- в) концентрация научно-технологического и образовательного потенциала в ограниченном числе регионов страны...»².

При этом ключевую роль в подготовке научно-технологического сектора страны к новым большим вызовам должна сыграть российская фундаментальная наука, обеспечивающая получение новых знаний и опирающаяся на внутреннюю логику своего развития.

Одной из главных задач проекта «Наука и университеты» было совершенствование сектора исследований и разработок путём увеличения публикационной активности исследователей, а также улучшение структуры численности исследователей – омоложение научных кадров [1].

ОМОЛОЖЕНИЕ КАДРОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Согласно прогнозу, к завершению проекта (31 декабря 2024 г.) молодые исследователи в возрасте до 39 лет должны составлять 50,1% от всего числа исследователей [1]. Известно, что разработчики Классификатора видов экономической деятельности включили в категорию исследователей работников, выполняющих:

- «1) фундаментальные научные исследования – экспериментальн[ую] или теоретическ[ую] деятельность, направленн[ую] на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, природы;
- 2) прикладные научные исследования – исследования, направленные преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач;
- 3) экспериментальные разработки – деятельность, основанн[ую] на знаниях, приобретённых в результате проведения научных исследований или на основе практического опыта и направленн[ую] на сохранение жизни и здоровья человека, создание новых материалов, продуктов, процессов, устройств, услуг, систем или методов и их дальнейшее совершенствование. Исследовательская и экспериментальная деятельность разделяются на две категории: естественные и технические науки, общественные и гуманитарные науки»³.

Таким образом, к исследователям в научных учреждениях относятся не только научные сотрудники, но и инженерные кадры, занятые разработкой, внедрением и обслуживанием научного оборудования и технологий, используемых в исследовательском процессе.

² Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003> (дата обращения: 16.01.2025).

³ 72 Научные исследования и разработки. «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 20.11.2024) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/4302034326d47cec63569d072888dc763deb535e/ (дата обращения: 16.01.2025).

Рассмотрим демографическую кривую населения России (рис. 1).

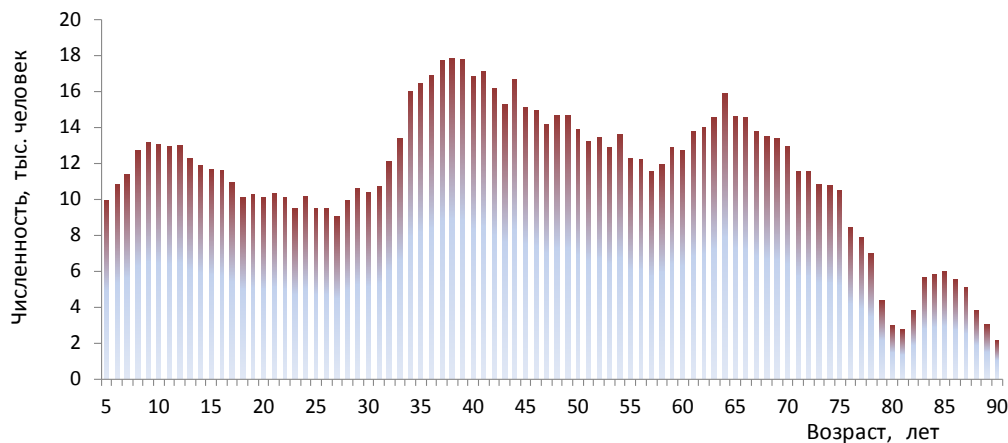

Рис. 1. Возрастная численность населения России в расчёте на 1 млн человек. Оценка на 2024 г. (данные Росстата на 01.01.2020 г. с пересчётом от итогов ВПН-2020⁴ сдвинуты нами на 4 года)

Fig. 1. The age distribution of the Russian population per 1 million people. An estimate for 2024 (Rosstat data as of 01.01.2020, recalculated from the results of the 2020 Russian census, have been shifted by 4 years)

Можно предположить, что приведённая гистограмма характеризует распределение исследователей по возрасту, работающих в крупной научной организации (в региональном федеральном исследовательском центре), занятой широким спектром исследований. Нетрудно оценить, что начиная с 25 лет до возраста выхода на пенсию в 65 лет доля исследователей (научных сотрудников и инженерно-технических работников) в возрасте до 39 лет составляет не более 38%, а только научных сотрудников (без учёта обучения в аспирантуре) начиная с 29 лет – 31%. Демографическая кривая предсказывает, что в скором будущем неизбежно произойдёт спад данного показателя. Если же учесть вполне трудоспособных и авторитетных, но достигших возраста 75–80 лет научных сотрудников, успешно продолжающих трудиться в обособленных научных подразделениях региональных ФИЦ, то данный показатель для научных сотрудников составит 20–25%. И тогда через 10 лет с учётом наблюдаемого минимума (рис. 1) он вполне может оказаться на уровне 15–18%.

Таким образом, приведённые оценки противоречат нормативному показателю – 50,1%, рассчитанному для 2024 г. и приведённому в прогнозе Минобрнауки – рис. 2. [1]. Но, несмотря на очевидное несоответствие демографических данных целевому показателю, обязательство о монотонном росте численности молодых исследователей остаётся одним из главных тезисов программ развития любой научной организации России с 2025 по 2030 г., принятых в конце ушедшего года.

В результате выполнения этого требования для регионального научно-учреждения взятое обязательство о повышении доли молодых исследователей хотя бы на 2% за указанный период приведёт к принудительному увольнению ежегодно до 5–6 вполне трудоспособных и желающих трудиться

⁴ Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 16.01.2025).

специалистов-исследователей в расчёте на 100 сотрудников, и это помимо одного-двух человек, уходящих по естественным причинам. Тогда со временем к 2030 г. научный коллектив потеряет до 30% опытных исследователей.

Рис. 2. Иллюстрация из презентации Минобрнауки РФ [1]

Fig. 2. Illustration from the presentation of the Ministry of Education and Science of the RF [1]

Можно предположить, чем вызваны попытки ввести показатель омоложения кадров в практику управления наукой. История естественных наук говорит, что многие крупные открытия в XIX–XX вв. совершались молодыми учёными в возрасте до 40 лет: А. Эйнштейн, В. Гейзенберг, Н. Бор, Э. Шрёдингер, В. Паули, Д. И. Менделеев, Н. Н. Семёнов, П. Л. Капица... Список можно продолжить. Однако, согласно правилам классической, не робастной статистики, возраст этих учёных в момент совершения ими признанных ныне открытий представляет собой «выброс», который не следует учитывать в социологических расчётах. Поэтому сама проблема омоложения исследовательских кадров с принятым рубежом в 39 лет и особенно в той части, которая касается фундаментальных исследований, теряет смысл.

Но, на наш взгляд, существует и вторая, главная причина, почему показатель омоложения кадров не будет работать. И она связана с упомянутой Президентом России «логикой развития науки».

ЛОГИКА РАЗВИТИЯ НАУКИ

Ещё в 1960-х гг. выдающийся исследователь законов развития науки В. В. Налимов, предложивший термин «наукометрия» [2], установил, что каждые десять лет количество новой научной информации в естественно-научных областях знания увеличивается вдвое. Ю. Гарфилд, основатель частного американского Института научной информации (Institute for Scientific Information), разработавшего в те же годы первую наукометрическую базу данных, преобразованную позже в широко известную Web of Science, высоко ценил В. В. Налимова и называл его «подлинным наукометристом» [3].

К настоящему времени, спустя 60 лет после наблюдений В. В. Налимова, любой исследователь уже вполне осознаёт, что его скорость восприятия новой информации не поспевает за числом новых публикаций, поэтому начинает справедливо опасаться, что текущая работа может оказаться повторением чужой, уже опубликованной статьи. Тогда существуют два пути решения этой проблемы.

1. Чтобы сохранить элемент новизны исследователь может попытаться переместиться в одну из исследовательских областей, в которых любой полученный результат будет гарантированно обладать, согласно правилам принятым международным научным сообществом, новизной мирового уровня.

Так, в приоритетных направлениях Программы фундаментальных и поисковых исследований, утверждённых Правительством России (от 31 декабря 2020 г. № 3684-р),⁵ присутствует раздел 1.5.3.3. – «Поиск новых природных минералов; синтез новых минеральных фаз; исследование их структуры и свойств», не имеющий расшифровки в графе ожидаемых результатов, поскольку каждый новый минерал, утверждённый Комиссией по новым минералам Международной минералогической ассоциации (International Mineralogical Association), всегда, по определению, являет собой передовой рубеж мировой науки.

В результате Россия последние два десятка лет устойчиво занимает первое место по открытию новых минералов. Здесь удачно совпали несколько факторов: огромная территория страны, различные горные породы, выходящие на дневную поверхность, прогресс в развитии технологической базы изучения структуры вещества на наноуровне, появление в конце 90-х и начале нулевых годов новых приборов в ведущих университетах страны, сохранившееся в них к началу XXI в. качественное математическое и физическое образование и, наконец, – упомянутая логика развития науки, подмеченная В. В. Налимовым [2].

Однако заметим, что задачи минералогии гораздо шире и предполагают разработку научной классификации минералов, выявление связей между вариациями их состава, строения, свойств и условиями образования и нахождения в природе, создание научных основ для поисков и оценки месторождений минерального сырья и т. д. И некоторый перекокс в отечественных минералогических исследованиях начинает проявляться [4].

⁵ Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы). Утверждена распоряжением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3684-р // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/skz00DEvyFOIBtXobzPA3zTyC71cRAOi.pdf> (дата обращения: 16.01.2025).

2. Обилие научной информации вызывает острую необходимость в составлении систематических обзоров текущих публикаций по интересующей теме. Исследователи, специализирующиеся в составлении таких обзоров, поиск литературы в последнее время поручают искусственному интеллекту. И тут неожиданно обнаруживается, что вместо ожидаемых 50–60 статей за последние 2–3 года, например, по актуальной теме современной биологии, ИИ предлагает около 600 публикаций [5]. И проблема оказалась даже не в количестве статей, которое увеличивается в ускоряющемся темпе, а в том, что большая часть публикаций является ненужными статьями с ложной информацией – продукцией «бумажных фабрик», производящих фальшивую науку на заказ. Исследователи отмечают, что масштаб этой проблемы пока не ясен, но составление качественных систематических обзоров по актуальным темам исследований оказывается под угрозой.

Выход понятен – следует ограничить область своих интересов узкой научной темой, которая интересует небольшое число исследователей в мире, и тогда поток информации сократится. Например, так сложилась ситуация в стратиграфии. Учёные всю жизнь успешно занимаются уточнением возрастных границ свит, представленных в геологических обнажениях изучаемого ими региона, по ограниченному набору индикаторных ископаемых организмов. Так каждый учёный сохраняет новизну исследований, но становится своеобразным илотом – крепостным, привязанным к своему участку земли⁶. Тогда, действительно, научным результатом можно считать уже не новое знание, для оценки которого становится невозможно найти независимых экспертов, а количество опубликованных учёным статей. И по этому пути начала развиваться основная мировая и российская наука.

Но на этом «благодатном» поле сформировался обширный бизнес издательских услуг. Если автор платит за опубликование статьи, то написание рецензии можно поручить знакомому коллеге по цеху и выполнить лишь формально. Более того, некоторые издатели переходят к модели «без исключений» [6], безотказному принципу – любая статья принимается к печати. Закономерно, что появилась и дополнительная платная услуга – заказная рецензия, составляемая искусственным интеллектом, но использующая имя авторитетного учёного даже без его ведома⁷.

Такая бурная предпринимательская околонучная деятельность, стимулированная узаконенными государством финансовыми потоками, может развиваться, как показывает практика, уже в автоматическом режиме без особых проблем и когнитивных усилий со стороны учёного. Вот только можно ли считать такую деятельность наукой?

⁶ Илоты – крепостные крестьяне в древней Спарте, принадлежащие городу-государству, закреплённые на выделенном участке земли и принудительно производящие сельхозпродукцию.

⁷ *Enserink M.* 'It felt very icky': This scientist's name was used to write fake peer reviews // *Science* : [сайт]. 2024. December 3. URL: <https://www.science.org/content/article/it-felt-very-icky-scientist-s-name-was-used-write-fake-peer-reviews> (дата обращения: 16.01.2025). DOI 10.1126/science.z5ovm69.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мнению автора, одно из направлений национального проекта «Наука и университеты» реально достигло заявленной цели – обновление научного оборудования. Хотя и здесь не обошлось без проблем, связанных с ограничениями со стороны Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Негативные тенденции, отмеченные в п. 11 Указа Президента № 145, сохранились в полной мере, и более того, заявленная программа омоложения научных кадров, получившая продолжение в программах развития научных организаций, разработанных в конце 2024 г., согласно нашим ожиданиям, приведёт к ещё большей концентрации научно-технологического потенциала в ограниченном числе регионов страны.

Нам представляется, что для сохранения научных кадров в субъектах Российской Федерации следует, пока не поздно, отказаться от выполнения показателя омоложения научных кадров, утверждённого в программах развития научных учреждений на 2025–2030 гг. Можно предоставить сформировавшийся кадровый состав института естественному ходу развития событий, но предпринять максимум усилий для подготовки и приёма молодых учёных. И для этого в первую очередь необходимо создать резерв свободных ставок исследователей, предоставляемых правительством страны научным организациям.

В. В. Налимов, описывая наукометрические показатели и, в частности, индекс цитирования, справедливо предупреждал, что их не следует использовать для оценки научной работы отдельного исследователя. Он настаивал, что наукометрические показатели служат для описания закономерностей развития отдельных отраслей науки. Но произошло противоположное. Использование индивидуальных показателей и, в частности, показателя публикационной активности и цитируемости (индекс Хирша) приводит, согласно закону Ч. Гудхарта («Когда мера становится целью, она перестаёт быть хорошей мерой»), к смене мотивации исследователя, на что наглядно указывает статистика [7]. Но при этом наукометрия важна для оценки работы научной организации, но не в форме упрощённого количественного индекса – числа публикаций или объёма освоенных бюджетных или добытых внебюджетных средств и др., а, например, в форме модельного индекса «публикационной температуры», позволяющей оценить качество исследовательского коллектива [8]. При этом результативность отдельного исследователя, вероятно, следует анализировать не ежегодно, а в ходе аттестационной процедуры или при заключении срочного контракта. И оценивать аттестуемого следует не по количеству публикаций, но по личному вкладу в каждом из печатных трудов или выполненных проектов, представленных комиссии лично претендентом.

Практика платных публикаций, на наш взгляд, показала свою несостоятельность для развития науки. Даже быстрота публикаций сегодня уже не является преимуществом, поскольку способствует только гонке за формальными показателями и приводит к совершению и размножению ошибок. Автор убеждён, что следует отказаться от публикации научных работ в платных журналах и для этого в правилах отечественных научных фондов нужно исключить возможность использовать деньги гранта на опубликование статьи.

Печально, но выполнение показателя омоложения исследовательских кадров в новой сложившейся реальности, с продолжением практики подсчёта индивидуальных количественных показателей результативности и в условиях процветающего бизнеса платных публикаций, приведёт к ускоренной утрате отечественной науки в первую очередь в региональных периферийных центрах страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный проект «Наука»: реализация инициативы / Т. Л. Броницкий, И. Е. Ильина, И. А. Тихомиров [и др.]. М. : Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере, 2019. 33 с. EDN ZIXNRN.
2. Налимов В. В., Мульченко З. М. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. М. : Наука, 1969. 192 с.
3. Дрогалина Ж. А. Говорить о тебе // Грановский Ю. В., Дрогалина Ж. А., Маркова Е. В. «Я друг свобод...» В. В. Налимов: вехи творчества : в 2-х т. Томск ; М. : Водолей Publishers, 2005. Т. 2. С. 403–434.
4. Ракин В. И. О термодинамике кристаллогенезиса // Записки Российского минералогического общества. 2022. Т. 151, № 2. С. 110–125. DOI 10.31857/S0869605522020034. EDN OYNVJO.
5. Else H. Fake papers compromise research syntheses // Science. 2024. Vol. 386, № 6725. P. 955. DOI 10.1126/science.adu8281. EDN UZBMUN.
6. Abbott A. Strife at *eLife*: Inside a journal's quest to upend science publishing // Nature. 2023. Vol. 615, № 7954. P. 780–781. DOI 10.1038/d41586-023-00831-6. EDN TKZCQF.
7. Гусев А. Б., Юревич М. А. Научная политика России – 2021. М. : Буки Веди, 2021. 96 с. ISBN 978-5-6041589-0-6. EDN GZPWAL.
8. Ракин В. И. Статистическая оценка эффективности работы научного института // Вестник Института геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2019. № 6 (294). С. 53–57. DOI 10.19110/2221-1381-2019-6-53-57. EDN TVJHRZ.

REFERENCES

1. Bronitskiy T. L., Ilyina I. E., Tikhomirov I. A. [et al.] National project “Science”: Realization of the initiative [Natsional’nyi proekt «Nauka»: realizatsiya initsiativy]. Moscow : Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology; 2019. 33 p. (In Russ.).
2. Nalimov V. V., Mulchenko Z. M. Scientometrics. Study of the development of science as an information process [Naukometriya. Izuchenie razvitiya nauki kak informatsionnogo protsesssa]. Moscow : Nauka; 1969. 192 p. (In Russ.).
3. Drogalina J. A. Talking about you [Govorit’ o tebe]. In: Granovskii Yu. V., Drogalina Zh. A., Markova E. V. “I am a friend of freedoms...” V. V. Nalimov: Milestones of creativity [«Ya drug svobod...» V. V. Nalimov: vekhi tvorchestva] : in 2 vols. Tomsk ; Moscow : Vodolei Publishers; 2005. Vol. 2. P. 403–434. (In Russ.).
4. Rakin V. I. On thermodynamics of crystallogenesis. *Proceedings of the Russian Mineralogical Society=Zapiski Rossiiskogo Mineralogicheskogo Obshchestva*. 2022;151(2):110–125. (In Russ.). DOI 10.31857/S0869605522020034.
5. Else H. Fake papers compromise research syntheses. *Science*. 2024;386(6725):955. DOI 10.1126/science.adu8281.

6. Abbott A. Strife at *eLife*: Inside a journal's quest to upend science publishing. *Nature*. 2023;615(7954):780–781. DOI 10.1038/d41586-023-00831-6.
7. Gusev A. B., Yurevich M. A. Science policy of Russia – 2021 [Nauchnaya politika Rossii – 2021]. Moscow : Buki Vedi; 2021. 96 p. ISBN 978-5-6041589-0-6. (In Russ.).
8. Rakin V. I. Statistical estimation of effectiveness of a scientific institute. *Vestnik of the Institute of Geology of the Komi SC UB RAS*. 2019;(6):53–57. (In Russ.). DOI 10.19110/2221-1381-2019-6-53-57.

Поступила в редакцию / Received 09.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Revised 14.01.2025.
Принята к публикации / Accepted 17.02.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ракин Владимир Иванович rakin@geo.komisc.ru

Доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник, Институт геологии имени академика Н. П. Юшкина Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия
SPIN-код: 4578-1759

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Rakin rakin@geo.komisc.ru

Doctor of Geology and Mineralogy, Chief Researcher, Institute of Geology, Komi Science Center, Ural Branch of the RAS, Syktывkar, Russia
ORCID: 0000-0001-8085-8733
Scopus Author ID: 6603090082

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.3

EDN: MUBVMXM

Научная статья

Research article

ФОРМИРОВАНИЕ МОБИЛИЗАЦИОННОГО РЕЖИМА УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ В РОССИИ

**Дежина
Ирина Геннадиевна^{1,2}**

¹ Сколковский институт науки и технологий, Москва, Россия

² Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара,
Москва, Россия

Для цитирования: Дежина И. Г. Формирование мобилизационного режима управления наукой в России // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 39–54. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.3. EDN MUBVMXM.

Аннотация. В статье исследуются теоретические подходы и практические шаги по формированию мобилизационного режима управления в российской научной политике. Введение такого режима связано с давлением санкций и других ограничений, появившихся с 2022 г., и в этой связи – с задачей формирования технологического суверенитета. Цель исследования – выявить признаки мобилизационного режима в науке и на их основе проанализировать процессы, происходящие в системе управления гражданской наукой в России в последние два–три года. Центральный вопрос заключается в том, каким образом в стране формируется мобилизационный режим управления и принимаются ли во внимание все компоненты, необходимые для обеспечения технологического суверенитета.

Под мобилизационным режимом в науке принято понимать такое управление научно-техническим потенциалом и распределением ресурсов, при котором в ускоренном режиме решаются первоочередные научно-технологические задачи государственного значения. На основе анализа предшествующих работ, посвящённых мобилизационному режиму в управлении наукой, мы предлагаем четыре признака, которые характеризуют такой режим. К ним относятся (1) изменение целеполагания с выделением приоритетных направлений развития и перестройкой нормативно-правовой базы в соответствии с новыми целями, (2) рост финансирования исследований и наращивание численности научных кадров, (3) организационные изменения, характеризующиеся усилением координации и централизации, а также (4) поиск международных партнёров, разделяющих цели и задачи страны в научно-технологической сфере.

Современная научная политика России далее анализируется исходя из этих признаков. Рассматриваются нормативно-правовая база науки, изменения в системе управления и международной кооперации, а также текущие и планируемые кадровые и финансовые параметры. Основной вывод состоит в том, что, хотя

мобилизационный режим управления наукой официально провозглашён, не все его составляющие развиваются в том темпе и масштабе, которые необходимы для решения новых научно-технических задач. Наиболее уязвимые компоненты связаны с финансированием и кадровыми ресурсами.

Ключевые слова: мобилизация науки, признаки мобилизационного режима, приоритетные направления, технологический суверенитет, научно-технологическая политика, Россия

FORMATION OF A MOBILIZATION MODE OF SCIENCE MANAGEMENT IN RUSSIA

Irina G. Dezhina^{1,2}

¹ Skolkovo Institute of Science and Technology, Moscow, Russia

² Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia

For citation: Dezhina I. G. Formation of a mobilization mode of science management in Russia. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):39–54. (In Russ.). DOI 10.19181/smt.2025.7.1.3.

Abstract. The article examines theoretical approaches and practical steps to the formation of a mobilization mode of management in the Russian science policy. The introduction of such a mode is connected with the pressure of sanctions and other restrictions that have appeared since 2022 and the increased task of ensuring technological sovereignty. The aim of the study is to identify the characteristics of the mobilization mode in science and on their basis to analyze the processes occurring in civil science management in Russia in the last 2–3 years. The central questions are how the mode of mobilization is formed and whether all the necessary components ensuring the development of technological sovereignty are taken into account.

A mobilization mode in science is generally understood as such management of scientific and technological potential and allocation of resources, under which the primary science and technology tasks of national importance should be solved in an accelerated manner. Drawing on the analysis of previous works, we identify four attributes that should characterize such a regime. They include (1) changes in goal setting, focusing on priority areas of development and restructuring of legal and regulatory frameworks in line with the new goals, (2) growth in research funding and increase in the scientific workforce, (3) organizational changes characterized by increased coordination and centralization, and (4) search for international partners who share the country's goals and objectives in science and technology.

Contemporary Russian science policy is further analyzed on the basis of these attributes. The regulatory and legal framework of science, changes in the system of management and international cooperation, as well as current and planned personnel and financial parameters are considered. We conclude that although the mobilization mode of science management is officially proclaimed, not all its components are developing at the pace and scale required to address new scientific and technological challenges. The most vulnerable components are related to funding and human resources.

Keywords: science mobilization, attributes of mobilization mode, priority directions, technological sovereignty, S&T policy, Russia

ВВЕДЕНИЕ

Тема мобилизационного режима (принципа, сценария) применительно к сфере науки стала обсуждаться в России не так давно. Хронологически можно отметить, что интерес к ней стал расти после введения первых санкций в 2014–2015 гг. Нарастающий поток публикаций на эту тему отмечается с 2022 г., что также связано с санкциями [1, с. 139; 2] и ограничениями, с которыми столкнулись научные организации и отдельные учёные, а также необходимостью решения новых задач в изменившихся условиях.

Об управлении наукой в контексте необходимости её «мобилизации» указывается и в официальных документах последних лет, хотя чёткого определения, что такое мобилизационный режим, или сценарий, или модель, пока не выработано [3], в отличие от другого понятия, которое также вышло на передний план в области российской научной и технологической политики – «технологический суверенитет». Технологический суверенитет непосредственно связан с проблемой мобилизации науки, поскольку его формирование – это и есть та задача, которую требуется быстро решать. А мобилизация, как правило, подразумевает объединение и/или наращивание усилий для решения остро стоящих проблем путём активизации принятия решений и передислокации ресурсов.

В зарубежной литературе тема мобилизации науки хотя и исследуется не слишком часто, тем не менее периодически звучит именно в контексте анализа управления наукой в экстремальных условиях (в основном в период Первой и Второй мировых войн). Было введено понятие «мобилизация знания» для достижения целей и усиления акцента на их применении и усилении влияния науки за пределами академических кругов [4]. В работе [5] был проведён подробный сравнительный анализ мобилизационного типа управления наукой в Германии, Японии и СССР в период перед и в ходе Второй мировой войны. Страны применяли разные подходы, в том числе в отношении необходимой степени централизации управления, роли фундаментальной науки, источников финансирования. Хотя универсальной модели мобилизации науки выявлено не было, есть ряд устойчивых признаков-параметров, её характеризующих. Примечательно основанное на историческом материале исследование [6], акцентирующее важность в условиях мобилизации вложений в гражданскую науку, поскольку это оказывает наибольшее влияние на совокупную факторную производительность. Характерно, что данный эффект был обнаружен применительно не только к США, но и к Франции, т. е. странам-участникам Второй мировой войны.

Цель данной работы состоит в выявлении параметров мобилизационного режима управления наукой и на их основе – анализе фактически реализуемой в последние два-три года в России научной политики в сфере *гражданской науки*. Основными являются вопросы – каким образом в стране формируется мобилизационный тип управления применительно к сфере науки, принимаются ли во внимание все составляющие, которые нужны для того, чтобы мобилизационные усилия дали ожидаемый результат.

ПРИЗНАКИ МОБИЛИЗАЦИОННОГО РЕЖИМА В НАУКЕ

В российском научном дискурсе предложен целый ряд признаков, которые свидетельствуют о мобилизационном режиме управления. В работе [7, с. 32] под мобилизационным режимом функционирования науки понимают «такое управление научно-техническим потенциалом и распределение ресурсов, при которых форсированным образом должны решаться первостепенные научные, научно-технические задачи государственного значения, в том числе в целях ускоренного импортозамещения технологий и техники». Таким образом, в качестве важных компонентов определяются скорость принятия решений и их реализации, а также выбор приоритетов технологического развития.

О важности фактора времени при принятии решений говорится в работах [3; 8]. Также отмечается связанная с этим задача интенсификации научного труда [9]. В исследованиях [2; 3; 8] также подчёркивается необходимость изменения в организации управления с целью усиления координации и централизации, а также контроля со стороны государства за разрабатываемой научной проблематикой [9]. Так, говорится о важности создания надведомственной структуры, которая «должна быть уполномочена инициировать ускоренное освоение перспективных научных направлений...» [8, с. 22]. Более того, авторы [10, с. 225] считают централизацию управления не только признаком, но и успешной практикой мобилизации науки. Помимо этого, они обращают внимание на такие аспекты мобилизации науки, как переориентация тематик исследований, рост финансирования и расширение кадрового состава науки. Необходимость изменения кадрового обеспечения подчёркивается также в [2]. На важность финансирования и подготовки кадров обращается внимание в работе [11], на примере модели, сформированной в КНДР.

Важность выделения приоритетных направлений научно-технологического развития и применение к ним мобилизационной модели управления отмечена в статье [1]. Таким образом, мобилизационная модель может распространяться не на всю сферу науки, а на её элементы. Эта тема развивается в работе [12], где рассматривается частный случай мобилизационного режима – «мобилизационный проект». При реализации мобилизационных проектов используется ручное управление, а такие ценности, как академическая свобода, отходят на второй план.

Ещё один аспект мобилизационного режима состоит в том, что он не подразумевает изоляцию от внешнего мира [1; 13], в том числе, когда ставится цель достижения технологического суверенитета. Сложность состоит в том, чтобы обеспечение технологической самодостаточности сочеталось с поддержанием двустороннего потока информации [13].

В более широкой трактовке мобилизационных режимов, необязательно применительно к сфере науки, к их критериям относят также социальную консолидацию [3], чрезвычайность целей, средств и организационных форм [1].

Отталкиваясь от приведённых в работах характеристик мобилизационного режима в науке, мы вводим собственное определение и признаки мобилизационного режима. Под ним будем понимать объединение ресурсов для быстрого решения неотложных и чрезвычайных задач, предполагающее

нормативно-правовые и организационные изменения, концентрацию финансирования и кадрового потенциала, а также кооперацию с дружественными странами. Соответственно, признаками формирования мобилизационного режима будут выступать: (1) изменение целеполагания, сосредоточенность на приоритетных областях развития и перестройка нормативно-правового регулирования в соответствии с новыми целями, (2) рост финансирования исследований и наращивание кадрового обеспечения науки, (3) организационные изменения в сфере науки, характеризующиеся ростом координации и централизации, (4) поиск международных партнёров, разделяющих цели и задачи, поставленные перед сферой науки страны. Исходя из выделенных критериев, рассмотрим, в какой мере вводился на практике мобилизационный режим в российской науке.

НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

После введения санкций в государственной научно-технологической политике приоритетной стала цель обеспечения технологического суверенитета. Соответствующим образом начала меняться нормативно-правовая база.

Стоит отметить, что практические шаги по обеспечению технологического суверенитета в последние годы предпринимаются не только в России. Толчок к этому дала пандемия, из-за которой были нарушены сложившиеся цепочки создания стоимости [14; 15]. В условиях возросшей интернационализации задачи формирования технологического суверенитета решаются разными странами в отдельных, стратегически важных областях, где государство стремится обеспечить создание собственных технологий. Речь в большей мере идёт о мобилизационных проектах, но не о мобилизации сферы науки как таковой.

В России, согласно принятым нормативно-правовым актам, тема мобилизации усилий стала сквозной, касающейся не только отдельных направлений или проектов, но всей системы науки. Можно выделить несколько ключевых документов, формирующих общую канву новой научно-технологической политики.

Первое – это принятие в 2023 г. Концепции технологического развития России на период до 2030 года¹, где технологический суверенитет определён как «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы». Цель обеспечения технологического суверенитета затем была закреплена в обновлённой Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», утверждённой в 2024 г.². В ней можно найти

¹ Концепция технологического развития России на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050> (дата обращения: 25.12.2024).

² Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Гарант : [сайт]. URL: <https://garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (дата обращения: 25.12.2024).

большинство критериев мобилизационного режима управления наукой, начиная от собственно констатации его начала и заканчивая освещением таких его компонентов, как централизация управления, выбор приоритетов, изменение принципов международной кооперации:

- 1) В Стратегии указывается, что с 2022 г. начался этап «мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления» (пп. «в» п. 10). В этих условия наука служит «основой суверенного развития государства» (п. 11).
- 2) Говорится о необходимости консолидации усилий всех органов государственной и региональной власти с целью создания благоприятных условий для использования результатов науки (п. 5). Определяется, что до 2030 г. должна быть перестроена система управления в области науки, технологий и технологического предпринимательства в условиях мобилизационного режима (п. 47).
- 3) Устанавливается, что в следующие 10 лет приоритетными становятся направления, которые позволят создать отечественные наукоёмкие технологии (п. 21), и вместе с тем подчёркивается, что сохраняется ценность фундаментальной науки, которая обеспечивает получение новых знаний, опираясь «на внутреннюю логику своего развития» (п. 19). При этом по сравнению с прошлой Стратегией (2016 г.) больше нет пункта о свободе научного и технического творчества, что в целом соответствует мобилизационному режиму управления.
- 4) Уточняются параметры международного научного сотрудничества, в котором акцент теперь сделан на защите национальных интересов в условиях внешнего давления. Приоритет отдаётся сотрудничеству «с государствами – участниками Содружества Независимых Государств (с учётом возможностей и особенностей каждой страны) и дружественными иностранными государствами, прежде всего в рамках межгосударственного объединения БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества, Евразийского экономического союза, *при сохранении открытости* для взаимовыгодного равноправного сотрудничества со всеми странами» (пп. «б» п. 32; курсив наш. – И. Г.).

В Стратегии появляется и новый, ориентированный на оценку степени достижения технологического суверенитета, показатель – «соотношение объёма реализации отечественной наукоёмкой продукции и объёма закупок аналогичной иностранной продукции, в первую очередь происходящей из недружественных иностранных государств (в том числе без согласия правообладателей)» (пп. «в» п. 59 Стратегии). При этом в обнародованном на следующий день Послании Президента Федеральному Собранию³ вводится количественный ориентир для оценки степени достижения технологического суверенитета: доля отечественных высокотехнологичных товаров и услуг на внутреннем рынке за предстоящие шесть лет должна увеличиться в 1,5 раза.

Тема *финансового обеспечения* технологического суверенитета и даже технологического лидерства получает развитие в Указе Президента РФ

³ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России : [сайт]. 2024. 29 февраля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 25.12.2024).

«О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁴. Фиксируются необходимость наращивания расходов на НИОКР до 2% ВВП и увеличения в 1,5 раза доли отечественных высокотехнологичных товаров и услуг, а также вхождение России в число десяти ведущих стран мира по объёму научных исследований и разработок.

В июне 2024 г. на заседании Совета по науке и образованию продолжилось обсуждение темы мобилизационной науки, включая такие её аспекты, как развитие фундаментальных исследований, выбор приоритетных направлений и критических технологий⁵. Президент отметил необходимость собрать научный, технологический, образовательный, производственный потенциал «в единый кулак» для решения текущих задач. Однако наука должна готовить основу для создания будущих перспективных технологий, и поэтому фундаментальные исследования необходимо вести *широким фронтом*.

Результатом заседания Совета стал Указ Президента РФ «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий»⁶. В нём перечислены 7 приоритетных направлений и 28 важнейших наукоёмких технологий, в том числе 21 критическая технология и 7 сквозных технологий. В развитие выбранных направлений правительство к концу года сформировало восемь *национальных проектов технологического лидерства*. Каждый проект предполагает создание новых и воссоздание существующих критически важных технологий. Поскольку уровень технологической независимости различается по направлениям, то и количественные цели у каждого нацпроекта свои. Например, по нацпроекту «Новые атомные и энергетические технологии» уровень технологического суверенитета оценивается в 72%, и ставится цель к 2030 г. довести его до 90%, а по нацпроекту «Беспилотные авиационные системы» планируется достигнуть 70% технологической независимости⁷.

Таким образом, интенсивность законотворческой деятельности, особенно в 2024 г., свидетельствует о начале практической деятельности по введению мобилизационного режима: были сформулированы основные цели развития, выбраны приоритетные направления, по ним начали формироваться проекты, анонсированы новые принципы международного научного сотрудничества и финансовые параметры развития сферы науки.

⁴ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 25.12.2024).

⁵ Заседание Совета по науке и образованию // Президент России : [сайт]. 2024. 13 июня. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74277> (дата обращения: 25.12.2024).

⁶ Указ Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий» // Гарант : [сайт]. URL: <https://garant.ru/products/ipo/prime/doc/409113212/> (дата обращения: 25.12.2024).

⁷ Встреча с Первым заместителем Председателя Правительства Денисом Мантуровым // Президент России : [сайт]. 2024. 20 ноября. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75604> (дата обращения: 25.12.2024).

ФИНАНСОВЫЕ И КАДРОВЫЕ РЕСУРСЫ НАУКИ: НАМЕРЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

В Стратегии научно-технологического развития указано, что до 2035 г. планируется увеличить общие затраты на НИОКР до не менее 2% ВВП, причём доля внебюджетных источников должна быть не ниже государственных инвестиций. Ориентир в 2% к 2035 г. представляет собой очень низкую планку, если сравнивать с текущими затратами на НИОКР в странах, которые успешно разрабатывают новые технологии. Например, в Китае они составляют 2,56% ВВП, в Германии – 3,13%, Японии – 3,41%, США – 3,59%, Южной Кореи – 5,21%⁸. В то же время в России, по данным за 2023 г., расходы на исследования и разработки упали до 0,96% ВВП. Таким образом, поставленная цель предполагает удвоение расходов на НИОКР, но на большом интервале времени и потому с заведомо серьёзным отставанием от стран – технологических лидеров.

Бюджетные ассигнования на фундаментальные исследования, утверждённые в новом Федеральном законе от 30.11.2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов»⁹, сокращаются, если их соотнести с показателями предшествующего Закона о бюджете № 540-ФЗ¹⁰ (табл. 1). Таким образом, расходы на фундаментальные исследования вырастут только в текущих ценах и по сравнению с фактическим уровнем 2024 г.

Таблица 1

Бюджетные ассигнования на фундаментальные исследования, млрд руб.

Table 1

Budget allocations for basic research, billion rubles

Нормативно-правовой акт	2024 г.	2025 г.	2026 г.	2027 г.
Закон № 540-ФЗ (2023 г.)	260,8	234,5	277,0	–
Закон № 419-ФЗ (2024 г.)	188,1 (факт)	226,5	218,2	225,3

Источники: Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» от 27.11.2023 г. № 540-ФЗ; Федеральный закон от 30.11.2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов».

Расходы на прикладные исследования сокращаются, по всей видимости, в ожидании прироста финансирования со стороны промышленности и компаний. Таким образом, на данный момент планы финансового обеспечения движения к технологическому суверенитету скромные для того, чтобы можно было сделать качественный рывок в развитии.

⁸ Наука. Технологии. Инновации: 2025 : краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, М. Н. Коцемир и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. С. 41.

⁹ Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» от 30.11.2024 г. № 419-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969/ (дата обращения: 02.01.2025).

¹⁰ Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» от 27.11.2023 г. № 540-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462891/ (дата обращения: 02.01.2025).

Похожая ситуация сложилась и с кадровым потенциалом, если рассмотреть его через финансовое обеспечение и показатели динамики численности и структуры исследователей.

До 2025 г. основные средства на поддержку исследователей выделялись в рамках национального проекта «Наука и университеты». С 2025 г. появляется новый национальный проект «Молодёжь и дети». Название явно указывает на то, что в науке приоритетной становится категория молодых исследователей. Действительно, планируется выделять значительные ресурсы на подготовку кадров на базе передовых инженерных школ, создание сети современных кампусов, а также на мероприятия по вовлечению молодёжи в науку (молодёжные лаборатории, Конгресс молодых учёных, кадровый управленческий резерв в области науки и др.).

Между тем доля молодых исследователей в общей численности научных кадров уже достигла критического значения в почти 44%. Это означает, что учёных среднего поколения недостаточно (действительно, тех, кому 40–59 лет, – всего 33%¹¹), что нарушает баланс между поколениями и усложняет трансфер знаний. По всей видимости, часть молодых исследователей после прекращения специальной «молодёжной» поддержки, а также после защиты диссертации покидает сферу науки. При этом конкурентами в сфере гражданской науки стали предприятия ВПК, которые предлагают молодым специалистам зарплаты намного выше тех, которые можно получить в академическом НИИ или вузе¹².

Кадровая проблема осложняется тем, что число исследователей в стране не растёт. В последние три года (2021–2023 гг.) оно было на уровне 339–340 тыс. чел.¹³ Причём численность исследователей незначительно возросла в государственном секторе науки, сократилась в предпринимательском и не изменилась в вузах¹⁴. Для мобилизации кадрового потенциала важно было бы поддерживать разными инструментами всех учёных, а не только молодых исследователей.

ИЗМЕНЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ

Система управления наукой начала эволюционировать в сторону роста централизации и усиления вертикали власти, включая принципы распределения финансирования, ещё в период 2018–2022 гг. [16]. В последний год эти тенденции усилились.

Показательным стало расширение полномочий Комиссии по научно-технологическому развитию в связи с задачей формирования технологического суверенитета¹⁵. Комиссия была создана в 2021 г. для согласования действий

¹¹ Наука. Технологии. Инновации: 2025 : краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, М. Н. Коцемир и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. С. 32.

¹² Волчкова Н. С вас хватит! По мнению профсоюза, Минфин не собирается выполнять поручение Президента РФ // Поиск. 2024. 24 мая. № 21. С. 4. URL: <https://poisknews.ru/science-politic/s-vas-hvatit-po-mneniyu-profsoyuza-minfin-ne-sobiraetsya-vypolnyat-poruchenie-prezidenta-rf/> (дата обращения: 28.12.2024).

¹³ Наука. Технологии. Инновации: 2025 : краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, М. Н. Коцемир и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. С. 23.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 22.07.2024 г. № 995 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2021 г. № 689» // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/154423/> (дата обращения: 25.12.2024).

органов власти разных уровней, государственных академий наук, а также фондов поддержки научной деятельности. Теперь она также будет заниматься координацией деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти и научных организаций при подготовке перечней приоритетных направлений научно-технологического развития и важнейших наукоёмких технологий. Предполагается, что новый функционал Комиссии позволит усилить взаимосвязи между основными государственными субъектами, участвующими в реализации научно-технологической политики¹⁶.

Второе примечательное направление изменений связано с функциями Российской академии наук (РАН) в системе целеполагания, организации исследований и оценки получаемых результатов. РАН расширила область экспертизы за счёт усиления своего участия в разработке оборонной тематики и формировании списка гражданских приоритетных направлений и наукоёмких технологий. Президент РАН был включён в Совет безопасности, и теперь Академия должна активнее участвовать в работах по обеспечению обороноспособности страны. О значимости экспертной работы, проводимой РАН, Президент РАН выразился следующим образом: «Мы... хотим, чтобы экспертиза РАН была окончательной и не подлежала пересмотру другими ведомствами»¹⁷. По сути, это означает продвижение идеи централизации и монополизации научной экспертизы.

Наряду с составлением списка приоритетных направлений РАН оценивала текущие тематики, по которым работают научные институты. Был сделан вывод, что профиль институтов размыт и требуется корректировка¹⁸. Изменения запланировано проводить через новую процедуру утверждения госзаданий. Главная цель – обеспечить проведение исследований по широкому фронту (сейчас они фрагментарные) и при этом устранить дублирование. При обнаружении дублирующих тематик планируется выделять те институты, которые продолжают ими заниматься, а остальным надо будет изменить профиль деятельности. При этом будет формироваться «банк данных востребованных научных работ»¹⁹ с участием ведомств, научных советов РАН и высокотехнологических компаний. Именно на тематики из этого «банка» должна будет переключиться часть институтов. Стоит отметить, что такой подход, когда тематики госзаданий определяются не учёными, а «сверху», в соответствии с государственными приоритетами, поддерживает ряд авторов [9; 17].

Главное организационное изменение в структуре РАН связано с формированием попечительского Совета, который возглавит Президент страны. В конце 2024 г. был принят федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный

¹⁶ Петрова В. Научно-технологический проектный офис // Коммерсантъ. 2024. 26 июля. № 132. С. 2. URL: <https://kommersant.ru/doc/6852588> (дата обращения: 25.12.2024).

¹⁷ Мищенко Е. «Мы хотим, чтобы экспертиза РАН была окончательной и не подлежала пересмотру»: Геннадий Красников на Общем собрании РАН // Индикатор : [сайт]. 2024. 28 мая. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/my-khotim-chtoby-ekspertiza-ran-by-la-okonchatelnoi-i-ne-podlezhal-peresmotru-gennadii-krasnikov-na-obshem-sobranii-ran.htm> (дата обращения: 25.12.2024).

¹⁸ Заседание Совета по науке и образованию // Президент России : [сайт]. 2024. 13 июня. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74277> (дата обращения: 25.12.2024).

¹⁹ Химшиашвили Г., Сироткин К. Глава РАН – РБК: «Были потеряны компетенции и технологические цепочки» // РБК : [сайт]. 2024. 3 июня. URL: <https://rbc.ru/interview/society/03/06/2024/6654ab5f9a7947b005c73c7b> (дата обращения: 25.12.2024).

закон “О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”»²⁰. Теперь часть решений общего собрания РАН и президиума будет проходить согласование в попечительском Совете. В том числе Совет будет заниматься вопросами, касающимися приоритетных направлений деятельности РАН, создания, реорганизации и ликвидации её региональных отделений, предельного количества членов РАН.

Таким образом, в общей логике мобилизационной науки РАН встраивается в основные процессы принятия решений и расширяет сферу своей ответственности путём приобретения новых функций и формирования попечительского Совета, который будет способствовать более быстрому продвижению идей руководства Академии. Обращает на себя внимание то, что треть представителей научного сообщества, как следует из масштабного опроса 2022 г., уже тогда придерживалась мнения, что РАН должна «выступить идеологом новой государственной научно-технологической политики» [7, с. 46]. Значит, проводимая руководством РАН политика находит поддержку в научном сообществе, что ещё больше может укрепить её позиции.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В области международного научного сотрудничества на первый план вышел поиск новых партнёров из стран, которые не вводили санкции. Долгие годы основными партнёрами российских учёных были организации и исследователи из стран, которые начиная с 2022 г. стали проводить политику по изолированию российской науки (речь в первую очередь идёт о США, Германии, Великобритании и Франции).

В новых условиях к числу перспективных партнёров был отнесён Китай, с которым на протяжении последних лет усиливалась научная кооперация [18]. Планируется расширять взаимодействия и с другими странами «мирового большинства», в том числе Индией и Ираном. К началу 2024 г. Китай и Индия укрепили позиции в качестве основных партнёров России по международной научной кооперации²¹.

Ещё один резерв сотрудничества – это страны, вступившие в БРИКС в 2024 г. (Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия). Расширение БРИКС дало толчок к дискуссии о новых приоритетах и формах научного и технологического сотрудничества. С точки зрения перспектив совместной деятельности возможности альянса ограничены слабым потенциалом новых стран БРИКС. Во всех этих странах научные комплексы опираются преимущественно на государственное финансирование, а вклад предпринимательского сектора варьируется от 4% (Египет)

²⁰ Федеральный закон от 28.12.2024 № 506-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» // Гарант : [сайт]. URL: <https://garant.ru/hotlaw/federal/1778107/> (дата обращения: 25.12.2024).

²¹ Matthews D. China becomes Russia's biggest collaborator after war decimates science ties with the west // Science | Business : [сайт]. 2024. February 22. URL: <https://sciencebusiness.net/news/international-news/china-becomes-russias-biggest-collaborator-after-war-decimates-science-ties> (дата обращения: 22.12.2024).

до 30% (Иран) общих расходов на НИОКР²². По численности исследователей на 10 тыс., занятых в экономике, среди новых стран БРИКС лидирует Иран (49 чел. в эквиваленте полной занятости), что близко к российскому показателю – 55 чел.²³, однако по абсолютным значениям новые страны БРИКС несопоставимы с Россией.

За последние годы новые страны БРИКС существенно увеличили свою публикационную активность, однако кратный рост объясняется низкой начальной базой. Стоит отметить, что эти страны активно используют международную кооперацию для наращивания числа публикаций, причём иногда в ущерб научной этике. Таким образом, партнёрство с новыми странами БРИКС может оказаться недостаточно эффективным для российской науки.

В целом налаживание научной кооперации со странами, не вводившими санкции, которые могут иметь сходные интересы в области науки и технологического развития, соответствует логике мобилизационного режима управления наукой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Потребность в изменении режима функционирования российской науки возникла несколько лет назад в связи с введением санкций и появлением срочной задачи обеспечения технологического суверенитета. Для её решения должны быть мобилизованы усилия и средства, а с учётом их ограниченности – выбраны приоритетные направления научно-технологического развития и оптимальные механизмы их реализации.

Исходя из признаков мобилизационного режима управления наукой можно сделать вывод, что на сегодняшний день в российской практике не все его составляющие развиваются в темпах и масштабах, необходимых для обеспечения максимальной концентрации ресурсов для решения новых научно-технологических задач.

Наиболее динамично формируется нормативно-правовая среда и укрепляется вертикаль власти, происходит её централизация. Оперативным было и формирование новой системы приоритетных направлений и важнейших наукоёмких технологий. Одновременно во всех стратегических документах были подчеркнуты значимость фундаментальной науки и необходимость проведения исследований по широкому фронту, что должно обеспечить получение новых знаний, а значит, и основу для прорывных технологий.

В логике признания растущей значимости фундаментальной науки повысилась роль РАН. Руководство Академии предложило новый механизм отбора и финансирования научных проектов, который должен обеспечить проведение исследований по широкому фронту и при этом устранить дублирование. Такой подход имеет риски, поскольку может стимулировать рост монополизации тематик отдельными научными институтами, а это повлечёт за собой снижение

²² По Эфиопии и ОАЭ данные в разрезе источников финансирования исследований и разработок отсутствуют. Источник: Индикаторы науки: 2024 : статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, М. Н. Коцемир и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2024. С. 366.

²³ Там же. С. 379.

конкуренции, а значит, и научной результативности. Именно так называемое «дублирование», как показывает исторический опыт, является основой конкуренции исследовательских групп и способствует поиску оптимальных решений.

В области международного научного сотрудничества формирование мобилизационного режима проявилось в последовательной переориентации на новых партнёров, в первую очередь из стран БРИКС. Фактическая ситуация в целом соответствовала приоритетам принятой Стратегии научно-технологического развития.

Наконец, параметры финансового и кадрового обеспечения не соответствуют признакам мобилизационного режима управления. Мобилизация обязательно предполагает наращивание ресурсов и численности научных кадров для быстрого решения срочных задач. В гражданской науке пока как финансирование, так численность и структура кадров имеют очень слабую, если не отсутствующую динамику развития. Поэтому в области гражданских исследований и разработок пока формируется организационная и нормативно-правовая конструкция для мобилизации науки при недостаточности её финансового и кадрового обеспечения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Фонотов А. Г.* Мобилизационная модель управления наукой: pro et contra // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 135–147. DOI 10.19181/sntp.2023.5.2.10. EDN NBUSEB.
2. *Медведева Н. В., Маслюк Н. А.* Мобилизационный характер научно-технологического развития: заделы и перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 1 (106). С. 71–83. DOI 10.22394/1818-4049-2024-106-1-71-83. EDN NPQGGQ.
3. *Семёнов Е. В.* Мобилизационный подход в управлении наукой: между идеологией и технологией // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 210–218. DOI 10.19181/sntp.2023.5.2.18. EDN SNESBT.
4. *Gaudet J.* It takes two to tango: Knowledge mobilization and ignorance mobilization in science research and innovation // Prometheus. 2013. Vol. 31, № 3. P. 169–187. DOI 10.1080/08109028.2013.847604.
5. Laying the foundation for wartime research: A comparative overview of science mobilization in National Socialist Germany, Japan, and the Soviet Union / W. E. Grunden, Y. Kawamura, E. Kolchinsky [et al.] // Osiris. 2005. Vol. 20, № 1. P. 79–106. DOI 10.1086/649414.
6. *Fieldhouse A. J., Mertens K.* The returns to government R&D: Evidence from U.S. appropriations shocks. [S.l.], 2024. (Federal Reserve Bank of Dallas Working Paper No. 2305). DOI 10.24149/wp2305r2.
7. *Гусев А. Б., Юревич М. А.* Научная политика России – 2022: профессия не дороже Родины (по результатам социологического исследования, апрель – май 2022 г.). М. : Перо, 2022. 66 с. ISBN 978-5-00204-650-8. EDN DSBAYY.
8. *Гусев А. Б.* Мобилизация российской науки: мягкий или жёсткий сценарий? // Наука. Инновации. Образование. 2016. Т. 11, № 3. С. 7–26. EDN WYJTKZ.
9. *Юревич А. В.* Четыре слагаемых мобилизации российской науки // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 157–165. DOI 10.19181/sntp.2023.5.2.12. EDN NJEKLP.

10. Малахов В. А., Узюмова Н. В. Мобилизация российской науки в условиях нарастающего международного давления: история и современность // *Управление наукой: теория и практика*. 2024. Т. 6, № 2. С. 218–234. DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.15. EDN SPIWMO.
11. Юревич М. А. Научно-технологическое развитие в модели чухейского социализма // *Вопросы регулирования экономики*. 2023. Т. 14, № 3. С. 6–15. DOI 10.17835/2078-5429.2023.14.3.006-015. EDN FGWCWK.
12. Егерева С. В. Мобилизационные, обособленные и гибридные формы научной деятельности // *Управление наукой: теория и практика*. 2023. Т. 5, № 2. С. 148–156. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.11. EDN NGSRJA.
13. Дежина И. Г., Егерева С. В. Движение к автаркии в российской науке сквозь призму международной кооперации // *ЭКО*. 2022. Т. 52, № 1 (571). С. 35–53. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-35-53. EDN BLZXOS.
14. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means / J. Edler, K. Blind, H. Kroll, T. Schubert // *Research Policy*. 2023. Vol. 52, № 6. Art. 104765. DOI 10.1016/j.respol.2023.104765.
15. Mazzucato M. Mission-oriented innovation policies: Challenges and opportunities // *Industrial and Corporate Change*. 2018. Vol. 27, № 5. P. 803–815. DOI 10.1093/icc/dty034.
16. Дежина И. Г. Научная политика в России в 2018–2022 гг.: противоречивые сигналы // *Социологический журнал*. 2023. Т. 29, № 2. С. 132–149. DOI 10.19181/socjour.2023.29.2.10. EDN FDBFDA.
17. Емельянова Е. Е., Лапочкина В. В. Новые реалии научной жизни в России и необходимость ее переформатирования // *ЭКО*. 2022. Т. 52, № 7 (577). С. 185–191. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2022-7-185-191. EDN BRKKSC.
18. Seven ways the war in Ukraine is changing global science / N. Gaidin, A. Abbott, A. Witze [et al.] // *Nature*. 2022. Vol. 607, № 7919. P. 440–443. DOI 10.1038/d41586-022-01960-0. EDN MORQJR.

REFERENCES

1. Fonotov A. G. Mobilization model of science management: Pro et contra. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(2):135–147. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.10.
2. Medvedeva N. V., Maslyuk N. A. The mobilization nature of scientific and technological development: Basis and prospects. *Power and Administration in the East of Russia*. 2024;(1):71–83. (In Russ.). DOI 10.22394/1818-4049-2024-106-1-71-83.
3. Semenov E. V. Mobilization approach to science management: Between ideology and technology. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(2):210–218. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.18.
4. Gaudet J. It takes two to tango: Knowledge mobilization and ignorance mobilization in science research and innovation. *Prometheus*. 2013;31(3):169–187. DOI 10.1080/08109028.2013.847604.
5. Grunden W. E., Kawamura Y., Kolchinsky E., Maier H., Yamazaki M. Laying the foundation for wartime research: A comparative overview of science mobilization in National Socialist Germany, Japan, and the Soviet Union. *Osiris*. 2005;20(1):79–106. DOI 10.1086/649414.
6. Fieldhouse A. J., Mertens K. The returns to government R&D: Evidence from U.S. appropriations shocks. [S.l.]; 2024. (Federal Reserve Bank of Dallas Working Paper No. 2305). DOI 10.24149/wp2305r2.

7. Gusev A. B., Yurevich M. A. Science policy of Russia – 2022: Profession is not dearer than Motherland (based on the results of a sociological study, April – May 2022) [Nauchnaya politika Rossii – 2022: professiya ne dorozhe Rodiny (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya, aprel' – mai 2022 g.)]. Moscow : Pero; 2022. 66 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00204-650-8.
8. Gusev A. B. Mobilization of Russian science: Soft or hard scenario? *Science. Innovation. Education=Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*. 2016;11(3):7–26. (In Russ.).
9. Yurevich A. V. Four components of the mobilization of the Russian sciences. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(2):157–165. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2023.5.2.12.
10. Malakhov V. A., Uzyumova N. V. Mobilization of Russian science under increasing international pressure: History and modernity. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(2):218–234. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2024.6.2.15.
11. Yurevich M. A. Scientific and technological development in the juche model of socialism. *Journal of Economic Regulation*. 2023;14(3):6–15. (In Russ.). DOI 10.17835/2078-5429.2023.14.3.006-015.
12. Egerev S. V. Mobilised, isolated and hybrid forms of scientific activity. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(2):148–156. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2023.5.2.11.
13. Dezhina I. G., Egerev S. V. Movement towards autarky in Russian science through the prism of international cooperation. *ECO*. 2022;52(1):35–53. (In Russ.). DOI 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-35-53.
14. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. *Research Policy*. 2023;52(6):104765. DOI 10.1016/j.respol.2023.104765.
15. Mazzucato M. Mission-oriented innovation policies: Challenges and opportunities. *Industrial and Corporate Change*. 2018;27(5):803–815. DOI 10.1093/icc/dty034.
16. Dezhina I. G. Russia's science policy in 2018–2022: Controversial signals. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 2023;29(2):132–149. (In Russ.). DOI 10.19181/socjour.2023.29.2.10.
17. Emelyanova E. E., Lapochkina V. V. The new realities of scientific life in Russia and the need to redesign it. *ECO*. 2022;52(7):185–191. (In Russ.). DOI 10.30680/ECO0131-7652-2022-7-185-191.
18. Gaid N., Abbott A., Witze A., Gibney E., Tollefson J., Irwin A., Van Noorden R. Seven ways the war in Ukraine is changing global science. *Nature*. 2022;607(7919):440–443. DOI 10.1038/d41586-022-01960-0.

Поступила в редакцию / Received 10.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Revised 06.02.2025.
Принята к публикации / Accepted 20.02.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дежина Ирина Геннадиевна *i.dezhina@skoltech.ru*

Доктор экономических наук, руководитель департамента анализа научно-технологического развития, Сколковский институт науки и технологий; ведущий научный сотрудник, Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Москва, Россия

SPIN-код: 5535-8108

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina G. Dezhina *i.dezhina@skoltech.ru*

Doctor of Economics, Head, Department of Analysis of Science & Technology Development, Skolkovo Institute of Science and Technology; Leading Researcher, Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3402-3433

Scopus Author ID: 55145617800

Web of Science ResearcherID: F-7485-2014

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.4

EDN: JSSNKY

Научная статья

Research article

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОЦЕНКИ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ УНИВЕРСИТЕТА В МОНОГОРОДЕ

**Лопухин
Антон Михайлович¹**

¹ Заполярный государственный университет
имени Н. М. Федоровского, Норильск, Россия

Для цитирования: Лопухин А. М. Эффективность оценки учреждений высшего образования на примере университета в моногороде // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 55–66. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.4. EDN JSSNKY.

Аннотация. Исследована эффективность существующего единого подхода Минобрнауки РФ к оценке деятельности федеральных учреждений высшего образования. Рассмотрены критерии, используемые Минобрнауки РФ при проведении мониторинга деятельности организаций высшего образования и опубликованные в 2024 г. с данными за 2023 г. Эти данные приведены на официальном сайте www.miccedu.ru. Поставлен вопрос, насколько эти критерии подходят для оценки деятельности университетов в моногородах России. На примере исследования одного из значимых университетов в моногородах, Заполярного государственного университета (Норильск), крупнейшего университета в российской Восточной Арктике, показано, что установленные Минобрнауки РФ показатели эффективности (образовательная, международная, финансово-экономическая деятельность) не в полной мере соответствуют реалиям функционирования университетов в моногородах. Предложены изменения в группах показателей, не ограниченные университетами моногородов, которые будут способствовать совершенствованию критериев Минобрнауки РФ, предназначенных для оценки деятельности вузов.

Ключевые слова: оценка учреждений высшего образования, показатели эффективности вузов, университеты моногородов, укрупнённые группы показателей, социальные функции университетов, проблемы моногородов, моногород, Норильск

EFFECTIVENESS OF THE ASSESSMENT OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS: THE CASE OF A UNIVERSITY IN A SINGLE-INDUSTRY TOWN

Anton M. Lopukhin¹

¹ Fedorovsky Polar State University, Norilsk, Russia

For citation: Lopukhin A. M. Effectiveness of the assessment of higher education institutions: The case of a university in a single-industry town. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):55–66. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.4.

Abstract. The article examines the effectiveness of the current unified approach of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation to evaluating the performance of federal higher education institutions (HEIs). The criteria used by the Ministry for monitoring their activities and published in 2024 with data for 2023 are analyzed. The study raises the question of whether these criteria are suitable for assessing the performance of universities in Russian single-industry towns (monotowns). Using the case of one of the key universities in monotowns – Polar State University in Norilsk, the largest university in the Russian Eastern Arctic – the author demonstrates that the performance indicators established by the Ministry (educational, international, financial and economic activities) do not fully reflect the realities of universities operating in monotowns. The researcher proposes changes to the groups of indicators, not limited to universities in monotowns, which will contribute to the improvement of the government's criteria for evaluating HEIs' performance.

Keywords: evaluation of higher education institutions, HEIs' performance indicators, monotown universities, aggregated groups of indicators, social functions of universities, problems of single-industry towns, monotown, Norilsk

Инструменты оценки высшей школы могут основываться на разных представлениях о том, какие аспекты деятельности учреждений высшего образования являются наиболее значимыми. Так, наукометрические представления об исследовательской активности профессорско-преподавательского состава в течение долгого времени выступали в качестве основы оценки этой работы, а требования к образовательным программам и реализующим их преподавателям опирались на принцип «Если преподаватель является хорошим исследователем, то он даёт студентам авторский материал, а посему является хорошим преподавателем, не ограничивающимся пересказом известного материала учебников». Или же выделение в качестве основной социальной функции образования делает значимыми такие критерии, как социальная занятость, обеспечение региональных потребностей в удержании абитуриентов в пределах региона, достойное существование групп населения, занятого в сфере образования. Появляется всё больше внутрироссийских рейтингов вузов¹, учитывается место университетов России в международных рейтингах,

¹ См., например: Рейтинг лучших вузов России RAEX-100, 2023 год // RAEX Rating Review : [сайт]. 2023. 7 июня. URL: https://raex-rr.com/education/russian_universities/top-100_universities/2023/ (дата обращения: 21.02.2025); Лучшие российские вузы – 2024. Рейтинг Forbes // Forbes : [сайт]. URL: <https://forbes.ru/education/515318-lucsie-grossijskie-vuzy-2024-rejting-forbes> (дата обращения: 21.02.2025).

оценивается рейтинг медийной активности² и эффективность реализации молодёжной политики.

Тем не менее в настоящее время в Российской Федерации сложилась единая оценка деятельности образовательных учреждений высшего образования, которая позволяет учредителям контролировать и совершенствовать их деятельность по ряду показателей. Впервые в России единая оценка качества работы вузов была проведена Минобрнауки РФ в декабре 2012 г. в виде мониторинга эффективности деятельности федеральных государственных образовательных учреждений высшего образования и филиалов федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования [1]. В это же время в стране стартовал проект 5-100, который ставил своей целью повысить позиции российских университетов в мировых рейтингах к 2020 г.³ В настоящее время единая оценка производится Минобрнауки РФ⁴. Минобрнауки РФ оценивает подведомственные учреждения по 15 внутренним показателям, которые во многом коррелируют с публичными. В нашем исследовании будет произведено рассмотрение эффективности единой оценки Минобрнауки РФ.

Начнём с кратких сведений о том, к каким образовательным учреждениям высшего образования применяется указанная единая оценка. По данным официального портала мониторинга высших учебных заведений, в стране работают 1234 организации высшего образования с контингентом 4 458 343 обучающихся. Среди всех этих организаций по сложившейся практике в последние годы принято выделять 10 федеральных университетов, 29 национальных исследовательских университетов, 33 региональных опорных вуза и остальные 1162, не попавшие в эти категории. Ко всем указанным категориям учреждений система оценки применяется единообразно и в полном объёме.

Однако попытка столь широкого охвата единой оценкой всех образовательных учреждений высшего образования, вне зависимости от их категории, приводит, как мы полагаем, к смещению оценки в неправильном направлении, к некорректному пониманию реального функционирования образовательных учреждений. В частности, государство в лице учредителей принимает важные решения, касающиеся финансирования и развития учреждений высшего образования, как на основе встроеной единой системы показателей эффективности их деятельности, так и в случае финансирования программ развития на конкурсной основе, по единым для каждого конкурса критериям оценки заявок. Такое измерение всех «единым аршином» чревато выработкой ущербных стратегий развития образовательных учреждений.

Рассмотрим возникающие проблемы оценки на примере университетов моногородов. В Российской Федерации 319 моногородов⁵ с населением от 6 тысяч

² Рейтинг медийной активности вузов // М-Рейтинг.рф : [сайт]. URL: <https://м-рейтинг.рф> (дата обращения: 21.02.2025).

³ Реализация проекта 5-100 способствовала разделению всей системы высшего образования на ведущие вузы, обеспеченные значительным финансированием, и на все остальные, лишённые такого же уровня поддержки.

⁴ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 08.07.2024 г. № 441 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений».

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 1398-р с последующими изменениями и добавлениями.

до 685 тысяч человек. В результате анализа, проведённого на основе данных Минобрнауки РФ, установлено⁶, что только в 54 из них есть высшие учебные заведения, представленные прежде всего филиалами других вузов, и только в 17 моногородах есть самостоятельные учреждения высшего образования, как федеральные и региональные государственные, так и частные. Если исключить из рассмотрения три моногорода с населением более 400 тысяч человек (Тольятти, Набережные Челны, Магнитогорск), то число моногородов с университетами сократится до семи, в которых действуют девять самостоятельных учреждений высшего образования.

Таблица 1

Учреждения высшего образования в моногородах Российской Федерации

Table 1

Higher Education Institutions in Single-Industry Towns of the Russian Federation

Регион	Город	Население	Число университетов	Численность студентов
Вологодская область	Череповец	301 000	1	7709
Красноярский край	Норильск	175 000	1	2500
Удмуртская Республика	Глазов	88 000	1	1858
Нижегородская область	Княгинино	6 440	1	1259
Ставропольский край	Невинномысск	116 000	3	1151
Свердловская область	Верхняя Пышма	74 000	1	322
Республика Башкортостан	Кумертау	58 000	1	8
Всего:		818 440	9	14 807

Очевидно, что высшие учебные заведения в моногородах составляют малую долю среди всех подобных учреждений в стране как по числу, так и по доле обучающихся. Тем не менее эти университеты заслуживают пристального внимания и глубокого изучения в силу ряда причин, в том числе из-за сходства их проблем с проблемами небольших региональных вузов. В работе [2, с. 13] авторы отмечают, что «ключевым условием благополучия моногородов остаётся сохранность рынка рабочей силы необходимой квалификации, а согласно имеющимся данным, выбытие молодых людей из монопоселений идёт опережающими темпами, лишая тем самым города и градообразующие предприятия внятного будущего. Мобильность в современном обществе работает против них: несмотря на объединённые усилия агентов моногорода, молодёжь устремляется за его пределы, руководствуясь базовым принципом “больше город – больше возможностей”». Исследователи обращают внимание на то, что «университет в моногороде может обеспечивать стабильность функционирования градообразующего предприятия, готовя для него квалифицированные кадры, а также выполняя в интересах предприятия научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Кроме того, университет может стимулировать развитие малого предпринимательства путём развития соответствующих навыков у студентов и поддержки перспективных бизнес-проектов, что будет способствовать

⁶ Использованы данные мониторинга ВО Минобрнауки РФ.

преодолению монопрофильности городской экономики. Университет также может обеспечивать общую привлекательность городской среды путём удержания и привлечения наиболее талантливых студентов, реализации городских проектов, становясь более открытым и доступным для города и горожан. В данной конфигурации университет в моногороде может играть гораздо большую роль, чем отдельно взятый университет в мегаполисе» [3, с. 112].

Рассмотрим применимость показателей эффективности деятельности учреждений высшего образования на примере федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Заполярный государственный университет им. Н. М. Федоровского»⁷ (далее – ЗГУ/ университет), расположенного в городе Норильск Красноярского края.

Кратко опишем образовательную ситуацию в Норильске. А. Н. Пилясов в своей работе отмечает Норильск как «крупнейший центр России в восточной Арктике» [4, с. 104]. В городе расположено 38 общеобразовательных школ, пять учреждений среднего профессионального образования и один университет.

Норильск можно отнести к монопрофильным городам, т. к. градообразующим предприятием является горно-металлургическая компания ПАО «ГМК «Норильский никель»» [5]. Она выступает основным работодателем для горожан, в ней трудятся более 80 тысяч работников. Из них более 55 тысяч – непосредственно в Норильском промышленном регионе⁸. Отметим также, что город расположен в районе Крайнего Севера, не имеет сухопутных путей сообщения с населёнными пунктами Российской Федерации. Численность населения города⁹, как и Красноярского края в целом, представленная в табл. 2, демонстрирует отрицательную динамику.

Таблица 2

Численность населения Красноярского края и Норильска

Table 2

Krasnoyarsk Krai and Norilsk population

	2019	2020	2021	2022	2023
Красноярский край (Krasnoyarsk Krai)	2 879 193	2 872 080	2 862 387	2 856 326	2 845 545
г. Красноярск (Krasnoyarsk)	1 096 086	1 094 548	1 093 628	1 193 857	1 197 659
г. Норильск (Norilsk)	181 656	182 496	183 299	175 806	175 466

ЗГУ осуществляет образовательную деятельность по 10 специальностям среднего профессионального образования; 17 направлениям и специальностям высшего образования в рамках восьми укрупнённых групп профессий,

⁷ Заполярный государственный университет им. Н. М. Федоровского : [сайт]. URL: <https://polaruniversity.ru/> (дата обращения: 21.02.2025).

⁸ Управление занятостью // Норникель : [сайт]. URL: <https://sr2023.nornickel.ru/human-capital-development/employment-management> (дата обращения: 21.02.2025).

⁹ Красноярский краевой статистический ежегодник 2023 : стат. сб. Красноярск : Красноярскстат, 2023. 463 с. // Красноярскстат : [сайт]. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/30015> (дата обращения: 21.02.2025).

специальностей и направлений подготовки¹⁰. Общая численность студентов по программам ВО на 01.10.2024 г. составляла 1722 чел., в том числе по очной форме обучения – 907 чел., по очно-заочной – 438 чел., по заочной – 377 чел., в аспирантуре – 17 чел. Общая численность студентов по программам СПО на 01.10.2024 г. составляла 987 чел., в том числе по очной форме обучения – 689 чел., по заочной – 298 чел. Таким образом, в Заполярном государственном университете 2726 обучающихся. При этом 76% всех студентов бакалавриата и специалитета обучаются по специальностям, прямо связанным с основным производством градообразующего предприятия. Распределение контингента высшего образования по формам обучения, источникам финансирования и полу обучающихся показано на диаграмме 1.

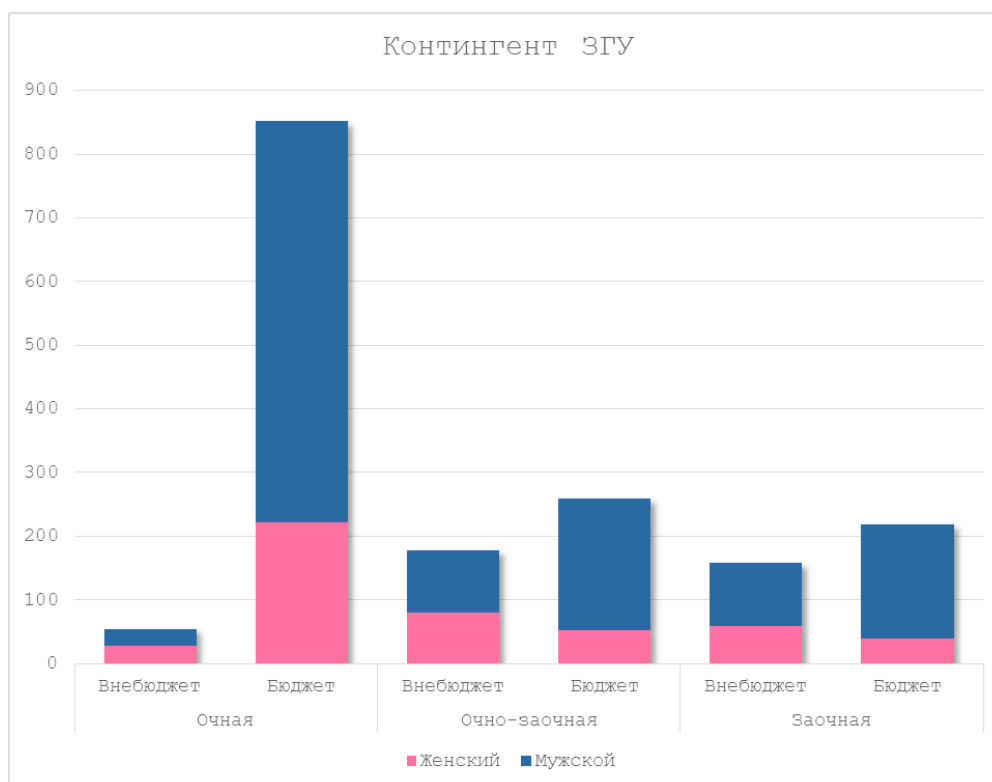

Диаграмма 1. Контингент ЗГУ (по полу, форме обучения и источнику финансирования)

Diagram 1. Distribution of students at Polar State University (by gender, mode of study and funding source)

Доходы университета в 2024 г. составили 828,5 млн рублей, расходы – 749,6 млн рублей¹¹, из которых 70% составляют выплаты персоналу и 13% – выплаты стипендий. Отметим, что доля расходов на оплату труда, 75%, существенно выше [6] средней по стране, которая составляет примерно 45%. Подробнее структура бюджета университета приведена на диаграмме 2.

¹⁰ Отчёт о результатах самообследования деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Заполярный государственный университет им. Н. М. Федоровского» за 2023 год // Заполярный государственный университет им. Н. М. Федоровского : [сайт]. URL: https://polaruniversity.ru/vikon/sveden/files/eiw/Otchet_o_rezulytatax_samoobsledovaniya_za_2023_god.pdf (дата обращения: 21.02.2025).

¹¹ План финансово-хозяйственной деятельности на 2024 г. (на 2024 г. и плановый период 2025 и 2026 годов) // Заполярный государственный университет им. Н. М. Федоровского : [сайт]. URL: https://polaruniversity.ru/vikon/sveden/files/aik/PLAN_FXD_14.pdf (дата обращения: 21.02.2025).

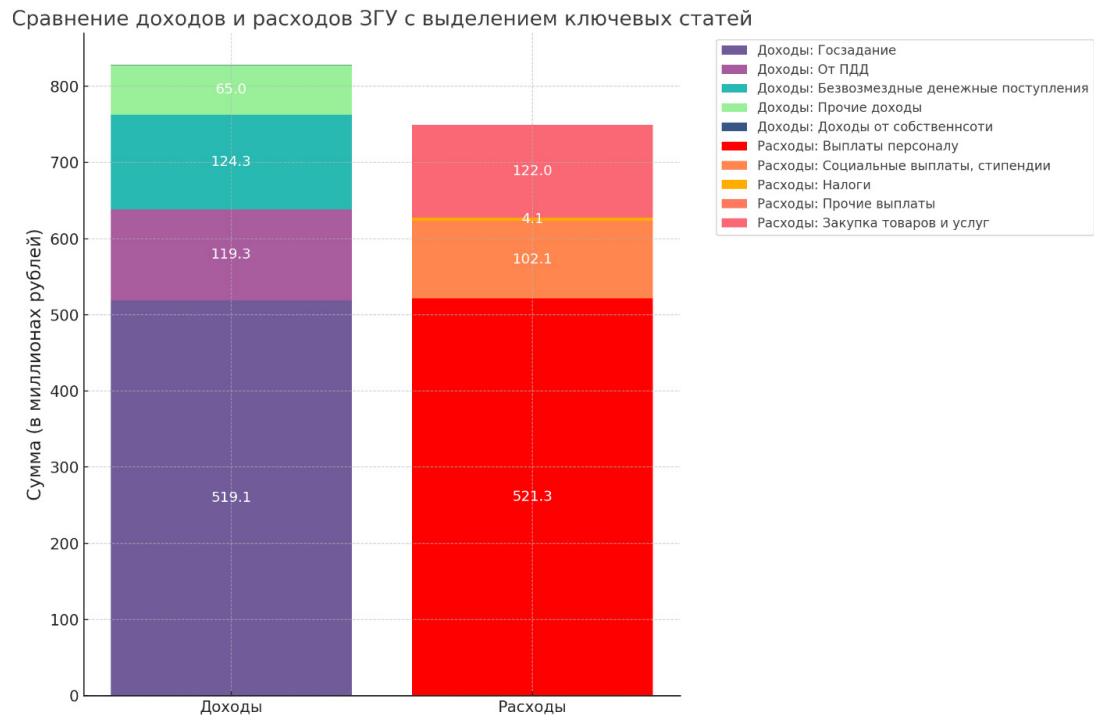

Диаграмма 2. Бюджет ЗГУ
Diagram 2. Polar State University's budget

Рассмотрим, как общие показатели, распределённые по укрупнённым группам, соотносятся с деятельностью ЗГУ. При этом следует учесть, что позиция университета в рейтинге, рассчитываемом на основании этих показателей, полагается итогом объективного измерения успешности его деятельности и сопряжена с выделением бюджетных средств.

Опубликованные в 2024 г. показатели эффективности состоят из восьми значений, рассчитанных по итогам деятельности организаций за 2023 г.¹², оцениваемых по универсальной методике для всех учреждений высшего образования страны, кроме образовательных организаций федеральных государственных органов, осуществляющих подготовку кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка, а также организаций, не предоставивших сведения в рамках мониторинга. Вопрос необходимости дифференциации самих критериев оценки остался практически без рассмотрения.

Рассмотрим эти показатели, применительно к Заполярному государственному университету.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Это первый, основной показатель. Тут доминирует средний балл ЕГЭ, хотя в более детальном расчёте участвуют и другие критерии. Для ЗГУ этот показатель составляет 56,99, что точно соответствует показателю по Красноярскому краю,

¹² Характеристика системы высшего образования в РФ // Мониторинг ГИВЦ : [сайт]. URL: <https://monitoring.miscedu.ru/?m=vpo> (дата обращения: 21.02.2025).

но существенно ниже среднего по России (63,18). Исходя из данных, приведённых в аналитическом докладе «Мониторинг качества приёма в вузы в 2023 году» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»¹³, университет в Норильске можно отнести к третьей группе по качеству приёма (56–59 баллов). Из диаграммы 3, построенной на основе данных упомянутой работы, видно, что это самая многочисленная группа вузов страны.

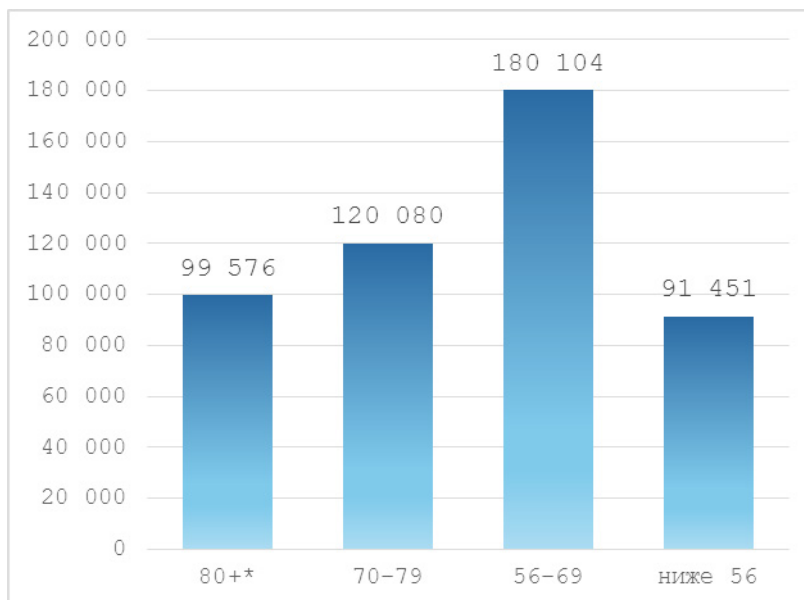

Диаграмма 3. Распределение абитуриентов, зачисленных на первый курс учреждений ВО по баллам ЕГЭ в РФ

Diagram 3. Distribution of first-year students enrolled in higher education institutions by the Unified State Exam Scores in the Russian Federation

Однако сравнение всех высших учебных заведений страны по этому показателю сложно считать корректным, т. к. средний балл поступающих очень сильно зависит от укрупнённых групп направлений (УГН). В том же докладе приводятся данные по УГН с самым высоким средним проходным баллом ЕГЭ. ЗГУ не ведёт подготовку ни по одной из специальностей, входящих в эту группу, а более 70% всех студентов обучаются по специальностям, относящимся к самым низкобалльным в России.

Исходя из этого простого анализа можно сделать вывод о некорректности прямого сравнения всех учебных заведений страны по среднему баллу ЕГЭ без разбивки по УГН. При этом необходимо отметить, что сама методика такой оценки требует тщательной проработки и апробации.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Это один из показателей, который действительно носит достаточно универсальный характер, если исходить из предположения, что сама по себе научная деятельность важна для всех организаций высшего образования. В 2023 г. этот

¹³ Мониторинг качества приёма в вузы // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. URL: https://ege.hse.ru/stata_2023_1 (дата обращения: 21.02.2025).

показатель для ЗГУ реально составил 137,64 тыс. рублей на одного научно-педагогического работника (далее – НПР), что превышает средние показатели по стране. При этом в самом мониторинге эффективности университетская наука оценивается по 16 показателям, которые включают показатели публикационной активности, лицензионной деятельности, кадрового состава научно-педагогических работников, их возраста и остепенённости. Однако они не учитываются в основном показателе, который оценивается исключительно как экономический критерий. Заметим, что этот показатель для университета снижается с годами. А истинная причина такого снижения в том, что университет отказался от роли посредника в организации научной работы, т. е. от привлечения средств индустриального партнёра и передачи их другим учреждениям для выполнения реальной научной работы. Наращивание собственной научной экспертизы привело к увеличению штата занятых научных работников и к невозможности увеличивать объём привлекаемых средств выше имеющихся в распоряжении университета мощностей для успешной реализации проектов. Т. е. кардинальное изменение подхода к организации научной деятельности и курс на наращивание внутренней экспертизы по факту привели к снижению основного показателя оценки этой работы.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Это очень важный показатель оценки эффективности деятельности любого университета, если он не расположен на территории с регламентированным посещением для иностранных граждан в соответствии с постановлением Правительства РФ от 04.07.1992 г. № 470. Норильск относится именно к таким территориям. Отдельно стоит отметить, что у университета нет общежития и, соответственно, он не может выполнять строгие требования, которые касаются правил пребывания иностранных студентов на территории России. Единственная возможность как-то выполнять этот показатель – зачислять в университет иностранных граждан, легально и постоянно проживающих в Норильске. И действующий показатель – 0,30% от общего числа студентов – достигается именно таким образом.

Ещё один важный фактор, влияющий на готовность обучать иностранных граждан, проявляющих интерес к получению горных и металлургических специальностей, это отношение к их трудоустройству и приёму на производственную практику со стороны градообразующего предприятия. В настоящее время оно не готово брать на практику или трудоустраивать студентов из числа иностранных граждан.

Можно сделать вывод, что в таких условиях достичь медианного значения по РФ в 4,93% для ЗГУ в силу объективных причин практически невозможно. Очевидно, что соревноваться по этому показателю с ведущими университетами страны сложно и другим вузам, расположенным в малых городах и не имеющим мест размещения контингента обучающихся.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Этот показатель определяется очень просто: доходы университета делят на число НПП. Для ЗГУ данный показатель кратно превышает средние значения по России и выводит вуз в лидеры по стране. Есть несколько объективных причин его столь высокого значения. Во-первых, университет получает бюджетное финансирование с учётом всех обязательств, налагаемых законодательством Российской Федерации о Крайнем Севере, в том числе выплату северного и районного коэффициента, оплату отпуска ППС продолжительностью 80 календарных дней, оплату дороги в отпуск и другие социальные выплаты. Кроме того, нормативы оплаты коммунальных услуг в Норильске существенно выше, чем в других регионах, всё это увеличивает числитель этой дроби. В то же время университет испытывает дефицит педагогических кадров и наличие значительного числа вакансий уменьшает знаменатель. К счастью для вуза, учредитель этот «климатический бонус» в расчёт не принимает и сравнивает всех по единой методике.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ППС

Отношение зарплаты ППС к средней заработной плате по экономике региона также не может не радовать учредителя и составляет 271,52%. Красноярский край – второй по площади регион России и, не считая Норильска, основные его экономические мощности сконцентрированы на юге, в районе Красноярска или недалеко от него. Эти районы не относятся к территории Крайнего Севера и не имеют северных и районных коэффициентов. Этот факт также не принимается во внимание при расчёте данного показателя для Заполярного государственного университета, что и выводит его в лидеры по стране. При этом такой уровень оплаты труда существенно ниже зарплаты на предприятиях Норильского никеля, что и приводит к оттоку молодых специалистов, выпускников и как следствие к дефициту кадров и высокой нагрузке на каждого преподавателя.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ

Значение этого показателя для ЗГУ – 5,88, что заметно выше средних по стране и региону. И тут также важно, что это, по сути, дробь, показывающая отношение числа остепенённых ППС к числу студентов. И тут важно, что в университете много преподавателей с очень большим стажем работы и относительно немногочисленные студенты. Отдельно отметим, что в условиях практико-ориентированного учебного процесса, реализуемого в тесной кооперации с индустриальным партнёром, наличие большого числа кандидатов и докторов наук никак не говорит о качестве учебного процесса и уровне преподавателей. В частности, одно из важных конкурентных преимуществ ЗГУ состоит в том, что практически все специальные дисциплины на старших курсах ведут практики-совместители, работающие в компании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рис. 1 представлена итоговая картина показателей эффективности ЗГУ (чёрный цвет) в сравнении со средними значениями по стране (зелёный цвет) и региону (фиолетовый цвет).

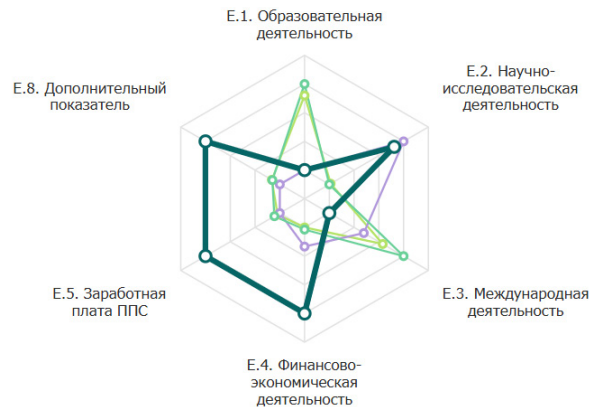

Рис. 1. Показатели эффективности ЗГУ
Fig. 1. Performance indicators of Polar State University

Оставим учредителю в лице Минобрнауки РФ право оценивать университет по итогам этого мониторинга и сделаем несколько предварительных выводов, требующих дальнейшей проработки.

Во-первых, оценка образовательных учреждений высшего образования по единой методике, без разделения их по группам даёт несопоставимые результаты по большинству критериев.

Во-вторых, для небольших образовательных учреждений значения показателей не отражают истинное положение в той или иной сфере. Эти значения могут определяться как объективными причинами, которые не могут быть изменены, например, климатические условия, так и субъективными, которые определяются именно размером самого учреждения.

В-третьих, существующая система показателей никак не оценивает социальную функцию университетов. Для единственного учреждения высшего образования в радиусе 2000 км она может быть определяющей. Университет в моногороде или небольшом городе играет и важную воспитательную функцию, оставаясь единственным местом, где молодые люди могут продолжить своё образование и спланировать карьеру в родном городе. Во многих случаях эта роль может и должна играть решающее значение при принятии решений о той или иной поддержке.

Автор рассчитывает, что данная статья послужит поводом для дальнейшего глубокого анализа существующей системы мониторинга системы высшего образования и позволит принять решения, направленные на улучшение существующей методики в интересах развития высшего образования в стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попов Д. В. Современные методики оценки эффективности деятельности вузов: сравнительный анализ // Вестник МГПИУ. Серия: Экономика. 2018. № 3 (17). С. 64–77. EDN YARJUL.

2. Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Профессиональное образование в моногородах: производство мобильности // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 8–32. DOI 10.17323/1814-9545-2021-3-8-32. EDN YUMHXA.

3. Высшее образование в моногородах: организационные форматы, практики, вызовы / К. Р. Романенко, Е. Ю. Шибанова, Е. С. Абалмасова, А. А. Егоров // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22, № 4 (116). С. 110–125. DOI 10.15826/umpa.2018.04.044. EDN YPFZML.

4. Пилясов А. Н. Алгоритм преодоления монопрофильности арктического города: случай Норильска // Арктика и Север. 2023. № 53. С. 101–134. DOI 10.37482/issn2221-2698.2023.53.101. EDN UCMAGZ.

5. Маслова А. Н. Моногорода в России: проблемы и решения // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. Т. 4, № 5. С. 16–28. EDN OWVNPT.

6. Зинковский К. В., Деркачев П. В., Кравченко И. А. Динамика ресурсного обеспечения системы высшего образования: последствия для инвестиционных возможностей вузов. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 9 с. (Мониторинг экономики образования. Вып. 1).

REFERENCES

1. Popov D. V. Modern methods of assessing the efficiency of universities: A comparative analysis. *MCU Journal of Economic Studies*. 2018;(3):64–77. (In Russ.).

2. Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Pryamikova E. V. Technical and vocational education and training in monotowns: Production of mobility. *Educational Studies. Moscow=Voprosy Obrazovaniya*. 2021;(3):8–32. (In Russ.). DOI 10.17323/1814-9545-2021-3-8-32.

3. Romanenko K. R., Shibanova E. Yu., Abalmasova E. S., Egorov A. A. Higher education in single-industry towns: Models, practices, challenges. *University Management: Practice and Analysis=Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2018;22(4):110–125. (In Russ.). DOI 10.15826/umpa.2018.04.044.

4. Pilyasov A. N. Algorithm for overcoming the monoprotile of the Arctic city: The case of Norilsk. *Arctic and North=Arktika i Sever*. 2023;(53):101–134. (In Russ.). DOI 10.37482/issn2221-2698.2023.53.101.

5. Maslova A. N. Monocities in Russia: Problems and solutions. *Problem Analysis and Public Administration Projection=Problemyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. 2011;4(5):16–28. (In Russ.).

6. Zinkovsky K. V., Derkachev P. V., Kravchenko I. A. Dynamics of resource provision in the higher education system: Implications for HEIs' investment opportunities [Dinamika resursnogo obespecheniya sistemy vysshego obrazovaniya: posledstviya dlya investitsionnykh vozmozhnostei vuzov]. Moscow : HSE University; 2022. 9 p. (Monitoring of Education Economy. Issue 1). (In Russ.).

Поступила в редакцию / Received 14.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Revised 03.03.2025.
Принята к публикации / Accepted 07.03.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лопухин Антон Михайлович LopukhiAM@norvuz.ru

Проректор по развитию и цифровой трансформации, Заполярный государственный университет имени Н. М. Федоровского, Норильск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton M. Lopukhin LopukhiAM@norvuz.ru

Vice-Rector for Development and Digital Transformation, Fedorovsky Polar State University, Norilsk, Russia

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.5

EDN: IPQSJR

Научная статья

Research article

НОРМИРОВАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ТРУДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**Омелянская
Ольга Васильевна¹**

¹ Научно-практический клинический центр диагностики и телемедицинских технологий Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия

Для цитирования: Омелянская О. В. Нормирование научно-исследовательского труда: проблемы и перспективы // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 67–82. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.5. EDN IPQSJR.

Аннотация. Нормирование научно-исследовательского труда может не только помочь решить проблему переработок и эмоционального выгорания среди учёных, но и сделать планирование более эффективным, а также повысить производительность научного труда и научно-технический уровень исследований и разработок. В настоящем обзоре рассматриваются отечественные и зарубежные подходы к нормированию научно-исследовательского труда. Приводится описание существующих подходов. Анализируются их преимущества и недостатки в контексте особенностей научно-исследовательского труда, которые отличают его от других видов деятельности. Приводится сравнительная оценка подходов, на основе которой определены те из них, которые максимально способствуют решению проблем, возникающих при нормировании научно-исследовательского труда.

Ключевые слова: нормирование, НИР, НИОКР, научный труд, медицина, научно-практическое учреждение, организационные изменения, эффективность управления научной деятельностью

RESEARCH AND DEVELOPMENT LABOR RATIONING: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Olga V. Omelyanskaya¹

¹ Research and Practical Clinical Center for Diagnostics and Telemedicine Technologies of the Moscow Health Care Department, Moscow, Russia

For citation: Omelyanskaya O. V. Research and development labor rationing: Problems and perspectives. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):67–82. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2025.7.1.5.

Abstract. Research and development labor rationing can not only help to solve the problem of overwork and emotional burnout among researchers, but also to make planning more efficient and improve the productivity of academic labor and the scientific and technological level of R&D.

This overview considers Russian and foreign approaches to the rationing of R&D labor. The existing approaches are described. The author analyzes their advantages and disadvantages in the context of the peculiarities of research labor, which distinguish it from other types of activities. The article provides a comparative assessment of the approaches, which helps to identify those that best contribute to solving the problems arising in the rationing of R&D labor.

Keywords: rationing, research activities, R&D, academic labor, medicine, scientific and practical institution, organizational changes, efficiency of science management

ВВЕДЕНИЕ

В различных отраслях, и в частности, в промышленности, широко применяется нормирование труда [1]. Нормирование представляет собой установление определённых норм труда. Согласно статье 160 Трудового кодекса РФ от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г.), «нормы труда – нормы выработки, времени, нормативы численности и другие нормы – устанавливаются в соответствии с достигнутым уровнем техники, технологии, организации производства и труда»¹.

На сегодняшний день существуют также и подходы к нормированию научно-исследовательского труда, большинство из которых зародились ещё в 60–80 гг. XX в. [2]. Их основная цель – обеспечить эффективное планирование, повышение производительности, а также повышение научно-технического уровня исследований и разработок². Кроме того, было установлено, что нормирование позволяет снизить интенсивность и тяжесть труда [3].

¹ ТК РФ Статья 160. Нормы труда // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LA_W_34683/412d57538e2d1306a53763530d692f895cb2b6f0/ (дата обращения: 08.11.2024).

² Методические рекомендации по нормированию труда на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Артикул: 13.01.06. Утверждены Федеральным государственным бюджетным учреждением «Научно-исследовательский институт труда и социального страхования» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации 7 марта 2014 г. Разработаны Институтом труда.

Однако, по мнению многих исследователей, современное состояние научно-технической сферы требует кардинального пересмотра традиционных подходов к нормированию научно-исследовательского труда [4–7]. Это обусловлено несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, изменился характер научных исследований. Современные проекты часто предполагают работу с новыми технологиями и осуществляются на стыке разных специальностей, в связи с чем необходимо привлечение большего количества экспертов с разными компетенциями [8].

Во-вторых, выросли сложность и неопределённость исследовательских задач. Многие современные научные проблемы имеют вероятностный характер, и, следовательно, исследования, направленные на их решение, трудно поддаются нормированию имеющимися инструментами [4; 5; 7; 9].

В-третьих, появилась потребность в гибком подходе к управлению научными исследованиями, поскольку именно такой подход позволяет быстро и с меньшими затратами ресурсов получать продукцию и технологии, востребованные рынком [4; 5; 7; 10].

Помимо вышеперечисленных факторов, важную роль в нормировании научно-исследовательского труда продолжает играть необходимость учёта творческой компоненты в работе научных сотрудников.

В связи с вышеизложенным становится очевидно, что нормирование научно-исследовательского труда на основе аттестационных нормативов и трудовых договоров оказывается абсолютно неэффективным и бесполезным в современных условиях. Такой подход не учитывает специфику научной работы, которая часто требует гибкости и креативности, не позволяет также оценить работу научных сотрудников, которые не подлежат аттестации – кроме непосредственно научных сотрудников, научно-исследовательскую деятельность ведут работники, задействованные в сфере исследований и разработок. При этом научные сотрудники проходят процедуру аттестации раз в два года, во время которой оцениваются личные показатели практически без прямой связи с эффективностью научной деятельности учреждения, что, в свою очередь, не позволяет оперативно оценивать работу и стимулировать развитие коллектива. Кроме того, количественные показатели, используемые при аттестации, не отражают реальную ценность научных достижений и могут отвлекать внимание от качества исследований. Оплата труда на основе минимальных показателей также не способствует повышению производительности и качества работы.

Целью настоящего обзора было систематизировать информацию об особенностях современного научно-исследовательского труда и возможностях его нормирования.

1. ПОЧЕМУ ОБЩЕПРИНЯТЫЕ ПОДХОДЫ К НОРМИРОВАНИЮ НЕ ПРИМЕНИМЫ ДЛЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ТРУДА

Рядом исследователей было установлено, что научно-исследовательский труд в отличие от любого другого труда обладает уникальными характеристиками, которые значительно затрудняют его нормирование в соответствии с общепринятыми подходами. В таблице 1 представлен перечень этих

характеристик и обусловленные ими проблемы применения общепринятых подходов к нормированию.

Таблица 1

Уникальные характеристики научно-исследовательского труда и обусловленные ими проблемы применения общепринятых подходов к его нормированию

Table 1

Unique characteristics of R&D labor and the resulting problems of applying generally accepted approaches to its rationing

№	Уникальные характеристики	→	Проблемы нормирования
1	Нематериальная природа В отличие от производства товаров или оказания услуг научно-исследовательская деятельность часто приводит к получению нематериальных результатов, таких как идеи, концепции и интеллектуальная собственность [2; 11].	→	Сложность выбора КПЭ Трудно выбрать количественные показатели для оценки результатов НИОКР и установить их целевые значения.
2	Разнообразие задач Научно-исследовательский труд характеризуется высоким разнообразием задач и редкой их повторяемостью, поскольку суть НИОКР – в создании чего-то нового [2; 12]. Если же говорить об умственном поиске решения задач, то он является абсолютно неконтролируемым процессом, который порой нередко выходит за пределы рабочего времени, однако отследить его протекание невозможно [2; 11].	→	Сложность формализации задач и выстраивания процессов Трудно выделить повторяющиеся задачи и оценить среднее время их выполнения (трудоемкость), поскольку даже похожие на первый взгляд задачи могут отличаться в разы по времени, которое необходимо для их выполнения [11; 13]. При этом в научной работе продуктивность не всегда прямо пропорциональна времени, затраченному на выполнение работы [14].
3	Творческий характер труда По своей природе научно-исследовательский труд во многом является творческим [2; 8; 11]. По классификации А. Г. Чернявского, доля творческого труда в научном труде достигает 32% [15].	→	Неопределённость результатов Творчество всегда подразумевает создание нового, поэтому зачастую результаты научно-исследовательского труда являются неопределёнными, могут возникнуть после окончания исследования или не возникнуть вовсе [11; 13].
4	Долгосрочная направленность Многие проекты НИОКР длятся несколько лет, в отличие от краткосрочных проектов, ориентированных на производство товаров или оказание услуг [16].	→	Невозможность учесть все риски Все долгосрочные проекты могут столкнуться со следующими рисками: изменение рыночных условий, финансовые риски, риски изменения социально-экономических условий, технологические риски, риски неэффективного управления.
5	Совместный характер работы Над исследовательскими проектами, как правило, работают мультидисциплинарные команды. Участники таких команд хоть и выполняют индивидуальные задачи, для которых обладают достаточной экспертизой, однако они также могут тратить значительную часть времени на формализацию результатов работы (до 28% времени) и решение организационных вопросов (до 8% времени) [15].	→	Сложность индивидуального нормирования Если научные сотрудники работают над несколькими проектами одновременно и выполняют множество разнообразных задач, оценка их трудоемкости и нормирование времени на их выполнение может занять куда больше времени и ресурсов, чем непосредственно само выполнение задач.

В связи с вышеизложенным для нормирования научно-исследовательского труда необходимы методы, которые позволяли бы учитывать его уникальные характеристики.

2. СУЩЕСТВУЮЩИЕ МЕТОДЫ НОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ТРУДА

Отечественные методы нормирования

Первые подходы к нормированию труда в отечественной науке появились ещё в начале XX в. и касались преимущественно труда рабочих. В своей книге А. В. Владзимирский, описывая деятельность Центрального института труда, отмечает, что в 1920-е гг. учёными института впервые было предложено при установлении норм труда использовать объективные методы, дающие измеримый результат. Вместо «обычая и личной секретности» был выдвинут аналитически-исследовательский подход к нормированию труда, который был зафиксирован «в особых расчётных документах» [цит. по: 17, с. 12]. Возможно, впервые был предложен формализованный цикл выполнения научного исследования, разработаны стандартизированные формы описания и документирования каждого его этапа [17; 18].

В этот период в СССР создавались весьма передовые для своего времени подходы к организации и самоорганизации эффективного труда как научных коллективов, так и отдельных учёных [19].

Системно исследования, посвящённые нормированию именно научно-исследовательского труда, появились в отечественной науке в 60–80 гг. XX в. [2].

С начала 2000-х гг. снова наблюдается рост интереса к данному направлению [2]. Разными группами исследователей предлагаются различные подходы к нормированию, которые учитывают виды научно-исследовательского труда, его уникальность, а также факторы, которые могут влиять на необходимое количество времени или объём трудовых затрат для успешной реализации НИОКР [2; 20].

По нашему мнению, наиболее полная классификация классических³ методов нормирования научно-исследовательского труда представлена в методических рекомендациях, разработанных НИИ труда и социального страхования в 2014 г. Согласно им, все методы нормирования можно разделить на две группы: аналитические и суммарные. К аналитическим относятся аналитически-исследовательский и аналитически-расчётный методы. К суммарным – экспертный, статистический и сравнительный⁴.

Работа над изучением этих методов ведётся уже достаточно продолжительное время, поэтому описание и предложения по улучшению этих методов встречаются в работах разных исследовательских групп (табл. 2).

³ В настоящем исследовании под «классическими» методами мы подразумеваем те, которые появились в советский период и в дальнейшем получили своё развитие.

⁴ Методические рекомендации по нормированию труда на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ 13.01.06. Утверждены ФГБУ «Научно-исследовательский институт труда и социального страхования» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации № 006 от 7 марта 2014 г. Разработаны Институтом труда.

Таблица 2

Основные методы нормирования научно-исследовательского труда

Table 2

Main methods of R&D labor rationing

Параметры	Аналитически-исследовательский метод	Аналитически-расчётный метод	Экспертный метод	Статистический метод	Сравнительный метод
База метода	Данные хронометража и фотографии, сделанные в течение рабочего дня (ФРД)	Ранее разработанные трудовые нормативы	Экспертные оценки	Статистические данные о фактических трудозатратах в прошлом, а также поправочные коэффициенты	Данные о трудоёмкости аналогичных, уже реализованных задач
Сущность метода	На основе данных хронометража и фотографий, сделанных в течение рабочего дня, формируются нормативы для каждого этапа процесса проведения исследований.	Расчёт нормативов производится исходя из содержания предстоящих работ на основе уже имеющихся нормативных материалов.	Определяются структура проведения исследования, а также основные элементы этой структуры. Далее для каждого элемента эксперты высчитывают нормы времени и трудозатрат.	На основе статистических данных о трудозатратах в прошлом определяются нормы времени и трудозатрат, которые затем могут быть скорректированы с учётом поправочных коэффициентов, отражающих влияние не учтённых ранее факторов.	Осуществляется декомпозиция задач. Для каждой задачи находится аналогичная, уже реализованная задача, и в соответствии с ней определяется трудоёмкость.
Ссылки на источники, в которых упоминается данный метод	[20; 21]	[20; 21]	[20–25]	[20–24; 26; 27]	[12; 20; 21; 28]

В исследовании О. А. Феоктистовой предлагается ещё один интересный, на наш взгляд, метод, который, однако, пока не получил широкой распространённости в научной литературе [2]. Этим методом является проектный подход к планированию и управлению научными исследованиями. По её мнению, нормирование труда научных работников должно носить индивидуальный характер и осуществляться в рамках конкретного проекта по проведению научного исследования. При таком подходе более эффективным будет нормирование труда по видам работ и их результатов, а устанавливаемые нормы будут более точными и объективными. Анализировать и оценивать качество труда автор предлагает не через оценку процесса труда, а через его результат. При этом должны учитываться и нормы количества, и нормы качества результатов труда [2].

Интересен также предлагаемый О. А. Феоктистовой трёхуровневый подход к нормированию в зависимости от масштаба:

- 1-й уровень – по проекту в целом;
- 2-й уровень – по этапам проекта;
- 3-й уровень – по видам работ и видам их результатов.

Однако описанный выше проектный подход всё же не лишён недостатков. Как справедливо отмечает в своей работе Н. В. Черных, из описания подхода неясно, как работодатель определит оптимальное количество проектов, в которых должен принимать участие работник. Как оценить количество работников, необходимое для выполнения НИР/НИОКР? Как в погоне за дополнительным финансированием по грантам и конкурсам не перегрузить научного работника, поставив его перед необходимостью перевыполнять (пусть и за дополнительное вознаграждение) норму труда? Ответы на эти вопросы ещё предстоит найти [13].

Зарубежные методы нормирования

За рубежом на протяжении XX в. тоже активно развивались разные подходы к нормированию труда. Изначально они, как и отечественные исследования, были посвящены нормированию труда на производстве (теории Тейлора, Ганта и других учёных) [29].

Изучая зарубежные публикации по теме нормирования научно-исследовательского труда, мы обнаружили, что в большинстве из них рассматриваются методы нормирования академической нагрузки (*academic workload*) профессорско-преподавательского состава (*academic staff*).

Согласно зарубежным авторам, академическая нагрузка включает в себя три ключевые составляющие: преподавательская, научно-исследовательская и административная деятельность [30; 31]. Большинство публикаций по данной тематике посвящены оценке в часах этих составляющих и попыткам обеспечить разумный баланс между ними [31–34].

Если говорить конкретно о нормировании научно-исследовательского труда, то нам удалось найти значительно меньшее количество публикаций на эту тему.

Например, в работе Дж.-А. Чейз с соавторами представлен большой обзор рекомендуемых для научных сотрудников стратегий по управлению временем (тайм-менеджменту) [14]. Авторы рекомендуют следующие стратегии: постановку реалистичных целей, планирование, определение приоритетов, вовлечение команды, заблаговременное устранение потенциальных отвлекающих факторов и др.

Для постановки реалистичных целей рекомендуется начинать работу с определения долгосрочных целей, а затем – установить для себя промежуточные и краткосрочные цели. Авторы предлагают исследователям сосредоточиться на достижимых целях, находящихся под их контролем, регулярно анализировать прогресс и выявлять факторы, влияющие на успех, или препятствия, которые необходимо преодолеть.

Для более эффективного планирования авторы статьи рекомендуют разбивать сложные задачи, такие как написание рукописей, на управляемые части с определёнными сроками выполнения, а также составлять подробный график работ.

Рекомендации по расстановке приоритетов включают расположение своих задач в порядке приоритетности и последующую первоочередную работу над самой приоритетной целью до тех пор, пока цель не будет достигнута или не произойдёт временное исчерпание имеющихся ресурсов.

Также авторами исследования рекомендуется распределение обязанностей между членами команды и заблаговременное обращение к коллегам за обратной связью, чтобы при необходимости можно было скорректировать работу.

Устранение потенциальных отвлекающих факторов заключается в отключении визуальных и звуковых уведомлений, краткой фиксации отвлекающих мыслей и избегании многозадачности [14].

В другом, не менее интересном исследовании представлен анализ рабочей нагрузки исследователей в австралийских университетах и предложения по её нормированию [35]. Авторы провели анкетирование среди восьми тысяч учёных из всех университетов Австралии и получили 2059 валидных анкет.

В результате исследования было установлено, что время на написание научных публикаций, книг, подготовку заявок на гранты и другие типы задач не имеет нормального распределения среди научных сотрудников. В связи с этим, согласно правилам статистического анализа, авторы исследования представили медианное время в часах, необходимое для выполнения наиболее типовых задач.

Так, например, только написание статьи в рецензируемый журнал занимает от 100 до 150 часов (в зависимости от опыта и сферы деятельности учёного).

На подготовку монографии (research book) необходимо от 300 до 500 часов, тогда как на одну главу уходит около 100 часов.

Написание тезисов доклада для конференции (peer-reviewed conference paper) занимает около 40–50 часов.

Подготовка заявки на грант является трудоёмкой задачей и требует примерно 120 часов рабочего времени.

Подводя итог, авторы исследования предлагают использовать полученные медианные значения времени для разумного и прозрачного планирования нагрузки на научных сотрудников. При этом исследователи полагают, что не следует использовать полученные ими данные для жёсткого планирования нагрузки, поскольку это лишь медианные значения времени, характеризующие широкий диапазон [35].

В результате анализа существующих методов нормирования научно-исследовательского труда мы пришли к выводу, что в связи с объективной сложностью вопроса большинство исследований носят лишь теоретический характер. Основная направленность исследований – научное обоснование методологических подходов к нормированию научно-исследовательского труда [2].

Ни в отечественной, ни в зарубежной литературе нам не удалось найти публикаций, в которых были бы описаны результаты внедрения того или иного метода нормирования в практическую деятельность научной организации, а главное – оценки его результативности.

3. ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ СУЩЕСТВУЮЩИХ МЕТОДОВ НОРМИРОВАНИЯ ТРУДА

С целью оценить потенциальную эффективность основных освещаемых в литературе методов нормирования научного труда мы сравнили их по пяти параметрам, соответствующим проблемам из таблицы 1. Оценка производилась экспертным способом с использованием следующей шкалы:

- 0 – метод абсолютно не влияет на оцениваемый параметр;
- 1 – метод скорее не влияет на оцениваемый параметр;
- 2 – метод скорее влияет на оцениваемый параметр;
- 3 – метод абсолютно влияет на оцениваемый параметр.

В итоге было рассчитано суммарное количество баллов. Максимально возможное количество баллов составляло 15. Чем больше баллов набрал тот или иной метод, тем более эффективным, по нашему мнению, он будет при нормировании научного труда. Оценки проанализированных нами методов представлены в таблице 3. Методы отсортированы по убыванию итоговой суммы баллов.

Таблица 3

Сравнительная оценка различных методов нормирования научно-исследовательского труда

Table 3

A comparative assessment of different methods of R&D labor rationing

№	Метод нормирования	Помогает выбрать КПЭ	Позволяет выстроить процессы	Повышает определённость результатов	Позволяет максимально учесть риски	Возможно индивидуальное нормирование	Итого
1	Проектный подход	3	1	3	3	3	13
2	Стратегии тайм-менеджмента	2	1	3	1	2	9
3	Аналитически-исследовательский метод	1	3	2	0	2	8
4	Метод оценки медианного времени	1	1	2	0	3	7
5	Экспертный метод	2	1	2	0	1	6
6	Статистический метод	1	1	1	2	1	6
7	Сравнительный метод	1	1	1	0	1	4
8	Аналитически-расчётный метод	0	1	1	0	1	3

По нашим оценкам, наибольшее количество баллов (13) набрал проектный подход. Он позволяет решить большинство проблем, из-за которых традиционные подходы к нормированию не применимы для научно-исследовательского труда. Среди них: сложность выбора КПЭ, неопределённость результатов, невозможность учесть все риски и сложность индивидуального нормирования.

Стратегии тайм-менеджмента в нашем рейтинге методов заняли второе место. Они, как и проектный подход, помогают выбрать КПЭ и повышают определённость результатов за счёт правильной постановки целей и системного подхода к планированию.

На третьем месте в рейтинге расположился аналитически-исследовательский метод. В отличие от предыдущих двух этот метод позволяет формализовывать научно-исследовательские задачи и, соответственно, на основе этого выстраивать процессы в организации. Отлаженные процессы вносят существенный вклад в повышение определённости результатов, получаемых на выходе.

Остальные методы хоть и набрали меньше итоговых баллов, по нашему мнению, также являются уникальными и в определённой степени ценными способами нормирования научно-исследовательского труда.

Настоящая статья входит в цикл наших статей, посвящённых оценке эффектов от внедрения комплексного подхода к управлению при переходе научно-практического учреждения к выполнению опытно-конструкторских работ. Одним из первых этапов разработки этого подхода и стал анализ существующих методов нормирования научно-исследовательского труда.

На основе проведённого анализа мы пришли к выводу, что каждый из представленных в настоящем обзоре методов является ценным в той или иной степени и, таким образом, может быть использован как часть комплексного подхода к нормированию научно-исследовательского труда.

ОГРАНИЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящем исследовании мы сфокусировались на подходах к нормированию научно-исследовательского труда. Одной из смежных тем являются подходы к оценке результатов исследований в целом, а также подходы к оценке значимости результатов фундаментальных и прикладных исследований в частности. По нашему мнению, эта тема также является актуальной, однако её рассмотрение выходит за рамки настоящего обзора и заслуживает проведения отдельного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В отечественной и зарубежной литературе представлено теоретическое обоснование разнообразных подходов к нормированию научно-исследовательского труда. Большинство из них посвящены нормированию времени выполнения тех или иных задач.

2. По нашим оценкам, проектный подход, стратегии тайм-менеджмента, а также аналитически-исследовательский метод являются наиболее подходящими способами нормирования научно-исследовательского труда. В то же время и другие представленные в настоящем обзоре методы учитывают особенности научного труда и потому могут применяться для его нормирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Высоцкая Н. Н., Тихонова М. В.* Роль нормирования труда в современных условиях хозяйствования // Экономика и управление : сб. науч. трудов / под ред. А. Е. Карлика. СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. Ч. II. С. 141–147. EDN FVEBWE.
2. *Феоктистова О. А.* Нормирование научно-исследовательского труда: методологические подходы // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 5 (24). Ст. 138. EDN TKENCV.
3. *Омельченко И. Б.* Влияние нормирования труда на рост его производительности // Социально-трудовые исследования. 2019. № 1 (34). С. 31–43. EDN VXCRFX.
4. *Пшеницына А. А., Семенова И. А.* Применение экспертного метода в процессе нормирования НИОКР // Менеджмент: теория и практика. 2022. № 1–2. С. 93–97. EDN VZRWZU.
5. *Булдакова Е. В.* Научно-исследовательский труд, классификация научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ // Шарыгинские чтения : Международная научная конференция ведущих научных школ в области радиолокации, радионавигации и радиоэлектронных систем передачи информации. 2021. Т. 1, № 1. С. 279–289. EDN DKWYAH.
6. *Подвербных О. Е., Межова И. А.* Методические подходы к обоснованию норм труда специалистов высокотехнологичных профессий // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 12. С. 1295–1306. DOI 10.18334/et.7.12.111280. EDN VVEHKB.
7. *Васина О. В., Котова П. К., Третьякова В. А.* Методы нормирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ // E-SCIO. 2020. № 1 (40). С. 331–343. EDN TGJNLU.
8. *Боташев Р. А.* Научный труд и его нормирование: новые подходы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2018. № 6. С. 23–28. EDN ХУНАНВ.
9. *Сейидова О. Н.* Методы и инструменты формирования системы показателей НИОКР наукоемкого предприятия в рамках концепции контроллинга // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты : сб. науч. статей 11-й Международной научно-практической конференции (Курск, 18–19 ноября 2021 г.). Курск : Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 269–273. EDN ZCADZJ.
10. *Чернявская С. А., Мойсяк Г. Ю., Муханова Х. Ж.* Формирование и развитие проектного управления в современных условиях // Вестник Академии знаний. 2022. № 5 (52). С. 306–314. EDN LSOHLD.
11. *Самарина Ю. С., Шкварова А. С.* Труд научных работников: применимо ли нормирование? // Наука. Инновации. Образование. 2017. Т. 12, № 3. С. 61–75. EDN ZHVDHL.
12. *Козлов Ю. Д., Дробот А. Н., Корнилова Ю. А.* Направления нормирования научного труда при выполнении НИОКР // Вестник ФКУ НИИИТ ФСИН России : сб. статей. Тверь : Научно-исследовательский институт информационных технологий ФСИН России, 2021. Вып. 3. С. 123–126. EDN TNUJPW.
13. *Черных Н. В.* Совершенствование правового регулирования труда научных работников в России и за рубежом // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 9 (118). С. 50–58. DOI 10.17803/1994-1471.2020.118.9.050-058. EDN EBJIRX.
14. Time management strategies for research productivity / J.-A. D. Chase, R. Topp, C. E. Smith [et al.] // Western Journal of Nursing Research. 2013. Vol. 35, № 2. P. 155–176. DOI 10.1177/0193945912451163.
15. *Чернявский А. Г.* Совершенствование нормирования трудоёмкости научно-исследовательских работ : дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.05. Таганрог, 1984. 216 с. EDN NPBZZZ.

16. Оценка эффекта от внедрения комплексного подхода к управлению при переходе научно-практического учреждения к выполнению опытно-конструкторских работ / О. В. Омелянская, Ю. А. Васильев, Л. Д. Пестренин, А. В. Владзимирский // *Управление наукой: теория и практика*. 2024. Т. 6, № 3. С. 143–162. DOI 10.19181/smtpr.2024.6.3.11. EDN MJРХВW.
17. *Владзимирский А. В.* Центральный институт труда: становление научной работы и изыскания по биологической линии: 1920–1930-е гг. [Б. м.] : Издательские решения, 2024. 524 с. EDN KTSDHM. ISBN 978-5-0064-0740-4.
18. ЦИТ и его методы НОТ / А. В. Сметанин, С. М. Михайлов, В. Ф. Кадобнов [и др.]. М. : Экономика, 1970. 271 с.
19. *Кекчеев К. Х.* Организация труда учёного // *Научный работник*. 1926. № 9. С. 21–30.
20. *Васина О. В., Третьякова В. А.* Нормирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ // *Управление научно-техническими проектами : материалы Третьей Международной научно-технической конференции (Москва, 5 апреля 2019 г.)*. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2019. С. 54–61. EDN BVWHEL.
21. *Козлов Ю. Д., Корнилова Ю. А., Дробот А. Н.* Методы нормирования при выполнении НИОКР // *Вестник ФКУ НИИИТ ФСИН России : сб. статей*. Тверь : Научно-исследовательский институт информационных технологий ФСИН России, 2021. Вып. 4. С. 141–147. EDN WLWKWK.
22. *Корецкий В. П., Галиахметов Р. А.* Оценка трудоёмкости исследовательского труда и норм времени на основе методов и подходов теории сложности и нечёткой логики // *Вестник ИжГТУ имени М. Т. Калашникова*. 2018. Т. 21, № 4. С. 97–101. DOI 10.22213/2413-1172-2018-4-97-101. EDN YTZHVВ.
23. *Балаева М. Д.* Методика совершенствования нормирования труда научных работников на примере научно-исследовательского института // *Научный альманах*. 2023. № 12–2 (110). С. 80–83. EDN MRHYCI.
24. *Ушакова С. Е., Солдатова С. Э.* Методический подход к формированию системы оплаты труда научных сотрудников на основе эффективного контракта // *Управление наукой и наукометрия*. 2019. Т. 14, № 4. С. 544–566. DOI 10.33873/2686-6706.2019.14-4.544-566. EDN WXUXCA.
25. *Волкова Н. А., Сапунов А. В.* Применение метода экспертных оценок для планирования трудоёмкости научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ // *Modern Science*. 2020. № 4–1. С. 61–65. EDN IDLOZD.
26. *Мужайло Н. В.* Возможность нормирования труда научных работников: миф или реальность // *Экономика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сб. статей X Международной научно-практической конференции (Пенза, 5 октября 2021 г.)*. Пенза : Наука и Просвещение, 2021. С. 62–64. EDN ВТРАХN.
27. *Боташев Р. А.* Система и инструменты нормирования творческого труда в научно-исследовательских и проектных организациях // *Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. статей XIV Международной научно-практической конференции (Пенза, 25 февраля 2018 г.)*. Пенза : Наука и Просвещение, 2018. С. 205–210. EDN YRXEEU.
28. *Кудаев М. М.* Проблемы нормирования научно-исследовательского труда профессорско-преподавательского состава // *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*. 2020. Т. 17, № 2 (110). С. 85–92. DOI 10.21686/2413-2829-2020-2-85-92. EDN WDJYHT.
29. *Григорьева Н. Н., Карбушева Д. В.* История возникновения и развития нормирования и организации труда // *Молодая наука Сибири*. 2024. № 1 (23). С. 274–282. EDN PQVSLT.

30. *Perks S.* Academic workload modelling. [North Somerset] : Sockmonkey Consulting Limited, 2019. [iii], 43 p. URL: <https://sockmonkeyconsulting.com/wp-content/uploads/2019/02/workload-modelling-guide-final.pdf> (дата обращения: 08.11.2024).

31. *Kenny J., Fluck A. E.* Life at the academic coalface: Validation of a holistic academic workload estimation tool // *Higher Education*. 2023. Vol. 86, № 3. P. 507–526. DOI 10.1007/s10734-022-00912-x.

32. *Crisp B. R.* Academic workloads: What does a manager need to consider? // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2022. Vol. 44, № 6. P. 547–562. DOI 10.1080/1360080X.2022.2064404.

33. *Muramalla V. S. S. R., Alotaibi K. A.* Equitable workload and the perceptions of academic staff in universities // *The International Journal of Educational Organization and Leadership*. 2019. Vol. 26, № 2. P. 1–19. DOI 10.18848/2329-1656/CGP/v26i02/1-19.

34. *Kenny J., Fluck A. E.* Towards a methodology to determine standard time allocations for academic work // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2017. Vol. 39, № 5. P. 503–523. DOI 10.1080/1360080X.2017.1354773.

35. *Kenny J., Fluck A. E.* Research workloads in Australian universities // *The Australian Universities' Review*. 2018. Vol. 60, № 2. P. 25–37.

REFERENCES

1. Vysotskaya N. N., Tikhonova M. V. Role of labor rationing in modern economic conditions [Rol' normirovaniya truda v sovremennykh usloviyakh khozyaistvovaniya]. In: Karlik A. E., ed. *Economics and management [Ekonomika i upravlenie] : A collection of research articles*. St. Petersburg : St. Petersburg State University of Economics; 2019. Vol. 2. P. 141–147. (In Russ.).

2. Feoktistova O. A. Norm-setting of research work: Methodological approaches. “*Science Studies*” *Online Journal=Internet-zhurnal “Naukovedenie”*. 2014;(5):138. (In Russ.).

3. Omel'chenko I. B. Effects of labor normalization on increase in labor productivity. *Social & Labor Research*. 2019;(1):31–43. (In Russ.).

4. Pshenitsyna A. A., Semenova I. A. Application of the expert method in the process of R&D regulation. *Management: Theory and Practice=Menedzhment: teoriya i praktika*. 2022;(1–2):93–97. (In Russ.).

5. Buldakova E. V. Research work, classification of research and development work. *Sharygin Readings: International Scientific Conference of Leading Schools of Thought in the Field of Radiolocation, Radionavigation and Radioelectronic Information Transmission Systems=Sharyginskie chteniya: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya vedushchikh nauchnykh shkol v oblasti radiolokatsii, radionavigatsii i radioelektronnykh sistem peregady informatsii*. 2021;1(1):279–289. (In Russ.).

6. Podverbnyh O. E., Mezheva I. A. Methodological approaches to substantiation of labour standards for high-tech specialists. *Russian Journal of Labour Economics*. 2020;7(12):1295–1306. (In Russ.). DOI 10.18334/et.7.12.111280.

7. Vasina O. V., Kotova P. K., Tretyakova V. A. Methods for rationing research and development work [Metody normirovaniya nauchno-issledovatel'skikh i opytно-konstruktorskikh rabot]. *E-SCIO*. 2020;(1):331–343. (In Russ.).

8. Botashev R. A. The scientific work and its regulation: New approaches. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law=Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo*. 2018;(6):23–28. (In Russ.).

9. Seyidova O. N. Methods and tools for forming a system of R&D indicators of a scientific enterprise within the framework of controlling. In: *Strategy of socioeconomic development of*

society: Managerial, legal, economic aspects [Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva: upravlencheskie, pravovye, khozyaistvennye aspekty] : Proceedings of the 11th International science-to-practice conference (Kursk, November 18–19, 2021). Kursk : South-West State University; 2021. P. 269–273. (In Russ.).

10. Chernavskaya S. A., Moisyak G. Yu., Muskhanova Kh. Zh. Formation and development of project management in modern conditions. *Bulletin of the Academy of Knowledge=Vestnik Akademii znanii*. 2022;(5):306–314. (In Russ.).

11. Samarina Yu. S., Shkvarova A. S. Researchers' work: Are work measurement techniques applicable? *Science. Innovation. Education= Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*. 2017;12(3):61–75. (In Russ.).

12. Kozlov Yu. D., Drobot A. N., Kornilova Yu. A. Directions of academic labor rationing in R&D performance [Napravleniya normirovaniya nauchnogo truda pri vypolnenii NIOKR]. In: Bulletin of FSI RIIT FPS of Russia [Vestnik FKU NIIIT FSIN Rossii] : A collection of articles. Tver : The Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia; 2021. Issue 3. P. 123–126. (In Russ.).

13. Chernykh N. V. Improvement of the legal regulation of academic researchers' labour in Russia and abroad. *Actual Problems of Russian Law=Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;15(9):50–58. (In Russ.). DOI 10.17803/1994-1471.2020.118.9.050-058.

14. Chase J.-A. D., Topp R., Smith C. E., Cohen M. Z., Fahrenwald N., Zerwic J. J., Benefield L. E., Anderson C. M., Conn V. S. Time management strategies for research productivity. *Western Journal of Nursing Research*. 2013;35(2):155–176. DOI 10.1177/0193945912451163.

15. Chernyavsky A. G. Improvement of rationing of labor intensity of R&D works [Sovershenstvovanie normirovaniya trudoemkosti nauchno-issledovatel'skih rabot] : Diss. ... Candidate of Economics. Taganrog; 1984. 216 p. (In Russ.).

16. Omelyanskaya O. V., Vasiliev Y. A., Pestrenin L. D., Vladzimirskyy A. V. Evaluating the effect of implementing an integrated management approach during the transition of a scientific and practical institution to the performance of R&D projects. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(3):143–162. (In Russ.). DOI 10.19181/smt.2024.6.3.11.

17. Vladzimirskyy A. V. Central Labor Institute: Formation of scientific work and research on biological lineage: The 1920s–1930s [Central'nyj institut truda: stanovlenie nauchnoj raboty i izyskaniya po biologicheskoy linii: 1920–1930-e gg.]. S.l. : Izdatel'skie resheniya; 2024. 524 p. (In Russ.). ISBN 978-5-0064-0740-4.

18. Smetanin A. V. Mikhailov S. M., Kadobnov V. F. [et al.]. The Central Institute of Labour and its methods for scientific management of labor [CIT i ego metody NOT]. Moscow : Ekonomika; 1970. 271 p. (In Russ.).

19. Kekcheev K. H. Organization of the researcher's work [Organizatsiya truda uchenogo]. *Research Worker=Nauchnyi rabotnik*. 1926;(9):21–30. (In Russ.).

20. Vasina O. V., Tretyakova V. A. Regulation of research and development work. In: Management of scientific and technical projects [Upravlenie nauchno-tehnicheskimi proektami] : Proceedings of the Third International scientific and technical conference (Moscow, April 5, 2019). Moscow : Bauman Moscow State Technical University Publishing House; 2019. P. 54–61. (In Russ.).

21. Kozlov Yu. D., Kornilova Ju. D., Drobot A. N. Methods of rationing when performing R&D. In: Bulletin of FSI RIIT FPS of Russia [Vestnik FKU NIIIT FSIN Rossii] : A collection of articles. Tver : The Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia; 2021. Issue 4. P. 141–147. (In Russ.).

22. Koretsky V. P., Galiakhmetov R. A. Creative work estimation and creative projects time study on the basis of complexity theory and fuzzy logic approaches. *Bulletin of M. T. Kalashnikov IzhSTU=Vestnik IzhGTU imeni M. T. Kalashnikova*. 2018;21(4):97–101. (In Russ.). DOI 10.22213/2413-1172-2018-4-97-101.

23. Balaeva M. D. Methodology for improving work standards for research workers by the example of a research institute. *Science Almanac=Nauchnyi al'manakh*. 2023;(12–2):80–83. (In Russ.).
24. Ushakova S. E., Soldatova S. E. Methodological approach to developing a compensation plan for research associates based on effective contract. *Science Governance and Scientometrics*. 2019;14(4):544–566. (In Russ.). DOI 10.33873/2686-6706.2019.14-4.544-566.
25. Volkova N. A., Sapunov A. V. Application of the method of expert evaluations for planning the labor intensity of research and development work [Primenenie metoda ekspertnykh otsenok dlya planirovaniya trudoemkosti nauchno-issledovatel'skikh i opytno-konstruktor-skikh rabot]. *Modern Science*. 2020;(4–1):61–65. (In Russ.).
26. Muzhailo N. V. The possibility of rationing the work of scientists: Myth or reality. In: Economics in theory and practice: Challenging issues and modern aspects [Ekonomika v teorii i na praktike: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty] : Proceedings of the 10th International science-to-practice conference (Penza, October 5, 2021). Penza : Nauka i Prosveshchenie; 2021. P. 62–64. (In Russ.).
27. Botashev R. A. The system and instruments for normalization of creative work in scientific research and project organizations. In: Modern economy: Current issues, achievements and innovations [Sovremennaya ekonomika: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii] : Proceedings of the 14th International science-to-practice conference (Penza, February 25, 2018). Penza : Nauka i Prosveshchenie; 2018. P. 205–210. (In Russ.).
28. Kudaev M. M. Research work rating for the faculty. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics=Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*. 2020;17(2):85–92. (In Russ.). DOI 10.21686/2413-2829-2020-2-85-92.
29. Grigoryeva N. N., Karbusheva D. V. History of the emergence and development of rating and labor organization. *Young Science of Siberia=Molodaya nauka Sibiri*. 2024;(1):274–282. (In Russ.).
30. Perks S. Academic workload modelling. [North Somerset] : Sockmonkey Consulting Limited, 2019. [iii], 43 p. Available at: <https://sockmonkeyconsulting.com/wp-content/uploads/2019/02/workload-modelling-guide-final.pdf> (accessed: 08.11.2024).
31. Kenny J., Fluck A. E. Life at the academic coalface: Validation of a holistic academic workload estimation tool. *Higher Education*. 2023;86(3):507–526. DOI 10.1007/s10734-022-00912-x.
32. Crisp B. R. Academic workloads: What does a manager need to consider? *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2022;44(6):547–562. DOI 10.1080/1360080X.2022.2064404.
33. Muramalla V. S. S. R., Alotaibi K. A. Equitable workload and the perceptions of academic staff in universities. *The International Journal of Educational Organization and Leadership*. 2019;26(2):1–19. DOI 10.18848/2329-1656/CGP/v26i02/1-19.
34. Kenny J., Fluck A. E. Towards a methodology to determine standard time allocations for academic work. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2017;39(5):503–523. DOI 10.1080/1360080X.2017.1354773.
35. Kenny J., Fluck A. E. Research workloads in Australian universities. *The Australian Universities' Review*. 2018;60(2):25–37.

Поступила в редакцию / Received 11.11.2024.
Одобрена после рецензирования / Revised 09.12.2024.
Принята к публикации / Accepted 25.02.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Омелянская Ольга Васильевна *OmelyanskayaOV@zdrav.mos.ru*

Руководитель по управлению подразделениями дирекции «Наука»,
Научно-практический клинический центр диагностики и телемедицинских технологий
Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия
SPIN-код: 8948-6152

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Omelyanskaya *OmelyanskayaOV@zdrav.mos.ru*

Head of Subdivision Management, Directorate of Science, Research and Practical Clinical Center
for Diagnostics and Telemedicine Technologies of the Moscow Health Care Department, Moscow,
Russia

ORCID: 0000-0002-0245-4431

Scopus Author ID: 57443458100

Web of Science ResearcherID: ADY-4470-2022

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.6

EDN: GODLJJ

Научная статья

Research article

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОССИЙСКИМИ УНИВЕРСИТЕТАМИ НОУ-ХАУ В КАЧЕСТВЕ ФОРМЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НАУЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

**Салицкая
Елена Александровна¹**

¹ МГТУ имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия

**Амелина
Ксения Евгеньевна¹**

¹ МГТУ имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия

Для цитирования: Салицкая Е. А., Амелина К. Е. Использование российскими университетами ноу-хау в качестве формы правовой охраны научных результатов // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 83–99. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.6. EDN GODLJJ.

Аннотация. Острая необходимость развития отечественных технологий во всех передовых отраслях науки и техники, обеспечения технологического суверенитета страны, с которой столкнулась Россия в связи с введёнными в отношении неё санкциями, диктует новые задачи университетам. Хотя выполнение научных исследований, создание и коммерциализация охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности не являются новыми для университетов задачами, сегодня их решение становится вопросом национальной безопасности. Создаваемые в университетах научно-технические решения должны не просто получать правовую охрану, но и обладать рыночной привлекательностью, чтобы предпринимательский сектор был заинтересован в их внедрении и создании инновационной продукции с их использованием. В этих условиях логично обратиться к единственному результату интеллектуальной деятельности, условием правовой охраны которого является наличие коммерческой ценности, – к секрету производства или ноу-хау. Авторы определяют ключевые направления использования ноу-хау в университетах, включая обеспечение конфиденциальности в период до подачи патентной заявки, оформление РИД при несоответствии результата условиям патентоспособности, а также в качестве формы правовой охраны студенческих разработок. Однако приоритетным

направлением использования ноу-хау является не замена патентной охраны, а её дополнение: сопровождение получения патента на основное техническое решение признанием секретом производства сопутствующей информации, необходимой для его реализации на практике. Именно такая правовая конструкция позволяет обеспечить максимальную охрану научной разработке и сделать её коммерчески привлекательной. Наравне с преимуществами, предоставляемыми ноу-хау, авторы выделяют и проблемы, с которыми сталкиваются вузы при использовании данной формы правовой охраны научных результатов. Основные из них связаны со сложностями обеспечения конфиденциальности информации в научной среде, вопросами вознаграждения разработчиков, если ноу-хау признаётся другой охраняемый РИД, а также оценкой стоимости исключительного права на ноу-хау. В качестве особого вопроса выделяется проблема использования режима секрета производства, когда речь идёт о выполнении НИОКР по гособоронзаказу.

Ключевые слова: ноу-хау, секрет производства, научные результаты, интеллектуальная собственность, управление интеллектуальной собственностью университетов, проблемы использования ноу-хау в университетах

KNOW-HOW AS A FORM OF LEGAL PROTECTION OF SCIENTIFIC RESULTS IN RUSSIAN UNIVERSITIES

Elena A. Salitskaya¹, Ksenia E. Amelina¹

¹ Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

For citation: Salitskaya E. A., Amelina K. E. Know-how as a form of legal protection of scientific results in Russian universities. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):83–99. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.6.

Abstract. The urgent need to develop domestic technologies in all advanced branches of science and technology, to ensure the technological sovereignty of the country, which Russia has faced in connection with the sanctions, poses new challenges for universities. Although scientific research, the framing and commercialization of protectable results of intellectual activity are not new tasks for universities, today their solution is becoming a matter of national security. Scientific and technical solutions created at universities should not only receive legal protection, but also should have market attractiveness so that the business sector is interested in their implementation and the creation of innovative products using them. In these conditions, it is logical to turn to the only result of intellectual activity, the condition of legal protection of which is the existence of commercial value – to a trade secret or know-how. The authors identify key areas of applying know-how in universities, including ensuring confidentiality in the period before filing a patent application, formalization of IP in case of non-compliance with the conditions of patentability and as a form of legal protection for student developments. However, the priority direction of using know-how is not to replace patent protection, but to supplement it, i.e. to support the receipt of a patent for the main technical solution by recognizing the relevant information necessary for its practical implementation as a production secret. It is this legal structure that allows for maximum protection of a scientific development and makes it commercially attractive. Along with the advantages provided by know-how, the authors also highlight the problems that universities face when using this form of legal protection of scientific results. The main ones are related to the difficulties of ensuring

the confidentiality of information in the research community, to issues of remuneration of developers if another protected IPR is recognized as know-how, as well as to the assessment of the cost of the exclusive right to know-how. The problem of applying the principles of trade secret protection is highlighted as a special issue when it comes to performing R&D under a state defense order.

Keywords: know-how, trade secret, scientific results, intellectual property, intellectual property management in universities, problems of using know-how in universities

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня не секрет для тех, кто в профессиональной деятельности соприкасается с организациями высшего образования, что современный университет должен не только образовывать и воспитывать обучающихся, но и вести научную деятельность. При этом государство ожидает от вузов не просто проведения научных исследований по приоритетным направлениям научно-технологического развития, но и трансфера создаваемых технологий в реальный сектор экономики. В свою очередь трансфер технологий невозможен без наличия в университете эффективной системы управления интеллектуальной собственностью (далее – ИС). Хотя тема создания в отечественных организациях науки и высшего образования систем управления ИС не является новой и активно обсуждается как минимум последние 15 лет [1–4], её актуальность неизменна. К сожалению, число организаций высшего образования с эффективно функционирующей системой управления ИС значительно меньше числа тех, где существуют заметные трудности в этой области. Проблемы, с которыми сталкиваются государственные вузы в сфере управления ИС, носят различный характер. Это и нехватка кадров в сфере управления интеллектуальной собственностью в целом, и неконкурентоспособный уровень заработных плат по сравнению с коммерческим сектором для привлечения высококлассных специалистов, и неоптимальное правовое регулирование, до сих пор позволяющее с абсолютной точностью определить правовые основания, на которых государственные учреждения обладают правами на создаваемую ИС (этот вопрос всесторонне исследован в работе Л. А. Новосёловой [5]). Но ключевой всё же остаётся проблема передачи разработок в реальный сектор экономики.

Несмотря на многочисленные меры стимулирования взаимодействия науки и бизнеса, реализованные и реализуемые в России, говорить о налаженном трансфере технологий пока не приходится. Конечно, факторы, препятствующие этому процессу, лежат далеко не только в плоскости управления интеллектуальными правами на разработки. Существенное значение имеет невысокий уровень готовности разрабатываемых в вузах технологий, низкая оперативность университетов в решении вопросов, сопряжённых с договорным процессом и «постпродажным обслуживанием», нежелание самого бизнеса вкладываться в новые технологии. Но заметную роль играет и отсутствие специалистов-продажников. Если юристы, экономисты и бухгалтеры постепенно адаптировались к работе с охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности

(далее – РИД), то специалисты по рекламе и продвижению технологий просто никогда не работали в вузах. При этом для выстраивания эффективно работающей системы коммерциализации научно-технических разработок участие таких специалистов, хотя бы на условиях частичной занятости, необходимо.

Интересно, что среди факторов, препятствующих трансферу технологий в реальный сектор экономики, редко выделяются проблемы, связанные с самими создаваемыми результатами (исключением является низкий уровень готовности технологий), ещё реже, а скорее практически никогда, речь заходит о форме их правовой охраны. В то же время выбор формы (или форм) правовой охраны разработки является неотъемлемой частью стратегии её коммерциализации. Очевидно, что и предпринимательский сектор готов вкладываться в ИС только в том случае, когда ожидает, что соответствующие вложения окупятся, и нацелен на извлечение коммерческой выгоды от использования новых технологий. Нельзя не сказать, что сам институт интеллектуальной способности обязан своим появлением желанию предпринимателей получать конкурентные преимущества на рынке за счёт обладания монополией на использование продукта интеллектуальной деятельности.

В некотором противоречии со всем вышесказанным находится то, что, говоря о разработках отечественных организаций науки и высшего образования, практически всегда подразумевают объекты, на которые получен патент. Однако, обладая безусловными плюсами, патентная охрана не лишена и минусов, главный из которых состоит в ограниченности срока действия удостоверяемого патентом исключительного права. Так, раскрывший при подаче заявки информацию об изобретении правообладатель будет обладать монополией на его использование в течение 20 лет, по истечении которых внедрить изобретение сможет любой желающий. Осложняет ситуацию и то, что патент действует исключительно на территории государства, выдавшего соответствующий документ, при этом патентование в зарубежных странах – весьма дорогостоящая процедура. Усугубляется эта проблема и текущей политической обстановкой. Возникает вопрос: насколько заинтересованным окажется бизнес в приобретении ограниченных по времени и территории действия прав, за поддержание действия которых необходимо ежегодно уплачивать пошлины? В изложенных обстоятельствах обращает на себя внимание такая форма правовой охраны информации о РИД в научно-технической сфере, как секрет производства (ноу-хау). В этой связи предлагается проанализировать особенности ноу-хау в деятельности российских организаций системы высшего образования.

ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА НОУ-ХАУ КАК ОХРАНЯЕМОГО РЕЗУЛЬТАТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Понятие секрета производства или ноу-хау (термины являются равнозначными) закреплено в п. 1 ст. 1465 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Согласно указанной норме ноу-хау «признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие

действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путём введения режима коммерческой тайны»¹. Из приведённой дефиниции следуют три характеристики, которыми должна обладать информация (подчеркнём, что в отличие от других РИД ноу-хау – это именно информация, а не сам результат) для того, чтобы претендовать на статус секрета производства:

- коммерческая ценность, которая должна быть обусловлена неизвестностью информации третьим лицам;
- отсутствие у третьих лиц свободного доступа к информации на законном основании;
- обладатель информации должен принимать разумные меры для соблюдения её конфиденциальности.

Таким образом, ключевыми качествами информации, составляющей секрет производства, являются её конфиденциальность и невозможность законного получения третьими лицами без согласия правообладателя. При этом обязательным свойством считается коммерческая ценность сведений, обусловленная их отсутствием в открытом доступе. Важно, что коммерческая ценность может быть и потенциальной, что как раз свойственно разработкам в научной сфере.

Обозначенные свойства информации, составляющей ноу-хау, характерны также и для сведений, охраняемых в режиме коммерческой тайны – это следует из ст. 3 Федерального закона «О коммерческой тайне» (далее – Закон о коммерческой тайне)². Ключевым отличием понятий «ноу-хау» и «коммерческая тайна» является то, что в случае секрета производства информация должна обязательно относиться к РИД в научно-технической сфере или к способам осуществления профессиональной деятельности, в то время как коммерческой тайной могут быть практически любые сведения³. Вторым отличием рассматриваемых понятий является то, что обеспечение конфиденциальности сведений, составляющих коммерческую тайну, должно осуществляться (ожидаемо) путём введения в отношении них режима коммерческой тайны. Если же речь идёт о секрете производства, то правообладатель свободен в выборе мер, которые обеспечат сохранение конфиденциальности информации. Гражданский кодекс не устанавливает перечень действий, обязательных для совершения правообладателем, который признаёт ту или иную информацию ноу-хау. Предоставленная субъектам свобода представляется плюсом, а не пробелом в законодательном регулировании. Именно правообладатель является по сути единственным лицом, заинтересованным в сохранении конфиденциальности сведений, составляющих ноу-хау, а значит, ему и решать, какие меры по охране информации предпринять. В то же время при потребности в ориентире правообладатель всегда может принять решение об обеспечении конфиденциальности информации,

¹ Статья 1465. Секрет производства (ноу-хау) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/10164072/53df0a95cb268bd88df6b5389828f5c2/> (дата обращения: 05.02.2025).

² Федеральный закон от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (ред. от 08.08.2024) // Консультант-Плюс : [сайт]. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/ (дата обращения: 05.02.2025).

³ Исключения составляют случаи, когда закон или иной нормативный правовой акт содержит прямое указание, что ограничение доступа к той или иной информации не допускается.

составляющей ноу-хау, посредством введения режима коммерческой тайны и руководствоваться соответственно перечнем мер по охране конфиденциальности, закреплённым в ст. 10 Закона о коммерческой тайне.

В практике деятельности бюджетных организаций науки и высшего образования последний вариант обеспечения конфиденциальности информации и оформления ноу-хау является наиболее распространённым. Связано это в первую очередь с тем, что при возникновении спора, очевидно, проще доказать, что меры по охране конфиденциальности информации, принятые её обладателем, были разумными (как того требует п. 1 ст. 1465 ГК РФ), если эти меры соответствуют перечню, установленному в федеральном законе для обеспечения конфиденциальности сведений, составляющих коммерческую тайну. При этом решение вопроса о разумности принятых мер по соблюдению конфиденциальности имеет непосредственное значение с точки зрения существования ноу-хау как такового. Ведь информация является объектом интеллектуальных прав, именуемым секрет производства или ноу-хау, только в том случае, если выполнены все требования п. 1 ст. 1465 ГК РФ, одним из которых и является принятие разумных мер для соблюдения конфиденциальности сведений. Здесь мы подходим к ключевому отличию ноу-хау от коммерческой тайны: если последняя представляет собой режим конфиденциальности информации, то ноу-хау – это охраняемый объект ИС, на который, как и на другие охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, признаётся исключительное право. В. О. Калятин указывает: «Главной особенностью этого режима служит предоставление исключительного права на соответствующие необщедоступные сведения» [6, с. 701]. Именно исключительное право превращает ноу-хау из конфиденциальной информации в объект гражданского оборота: этим правом можно распорядиться по договору. Кроме того, признание в отношении ноу-хау исключительного права предоставляет обладателю и особые средства защиты в случае нарушения указанного права третьими лицами.

Несмотря на то, что российский законодатель включил ноу-хау в перечень охраняемых РИД и средств индивидуализации, содержащийся в ст. 1225 ГК РФ, таким образом закрепив за секретом производства статус интеллектуальной собственности, ноу-хау обладает заметными отличиями от традиционных объектов ИС. Начать следует с того, что в отличие от таких традиционных объектов, как произведения или изобретения, ноу-хау не получило признания в качестве объекта интеллектуальной собственности на международном уровне. В п. 2 ст. 39 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС) говорится о том, что физические и юридические лица могут препятствовать раскрытию находящейся под их контролем информации без их согласия, а также её получению или использованию другими лицами способом, противоречащим честной коммерческой практике. При этом информация должна быть секретной, обладать ввиду этой секретности коммерческой ценностью и должна быть обеспечена надлежащими в конкретных обстоятельствах мерами по сохранению конфиденциальности. Таким образом, ТРИПС обязывает страны-участницы охранять конфиденциальную информацию, однако не устанавливает конкретный механизм, подлежащий использованию, в частности, не предусматривает именно признание в отношении ноу-хау исключительных прав.

Отсутствие в международном праве строгой конструкции обеспечения охраны конфиденциальной информации неслучайно. Вопрос о целесообразности охраны ноу-хау именно посредством признания в отношении него исключительного права является дискуссионным даже в России, несмотря на то, что обозначенный подход получил закрепление на законодательном уровне. Не разделяют позицию законодателя, в частности, О. А. Городов [7], В. И. Еременко [8], И. А. Зенин [9]. Серьёзным сомнениям концептуальную правильность отнесения ноу-хау к объектам исключительных прав подвергает Н. Б. Спиридонова, которая указывает, что «квалификация того или иного явления в качестве определённого правового института сама по себе не может дать многого для целей установления признаков и содержания соответствующего явления в условиях, когда отсутствует сложившийся в научном сообществе консенсус относительно конститутивных признаков самого референтного института» [10]. Что касается зарубежного права, то ноу-хау признаётся интеллектуальной собственностью далеко не во всех государствах, хотя есть и такие, где ноу-хау так же, как и в России, отнесено к числу охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Среди них Китай, США, Италия [11, с. 11].

Тема правовой природы и соответствующей ей конструкции правовой охраны ноу-хау, однако, не является предметом настоящего исследования. В соответствии с действующим российским законодательством ноу-хау является объектом ИС, в отношении которого признаётся исключительное право. А значит, в действующих правовых условиях важно определить, в чём отличие обозначенного исключительного права от исключительных прав, признаваемых на любой другой охраняемый РИД? Ключевой особенностью исключительного права на ноу-хау является его, как указывал В. А. Дозорцев [12, с. 14], квази-абсолютный характер, заключающийся в том, что исключительное право по сути на один и тот же секрет производства может одновременно принадлежать нескольким лицам. Согласно п. 2 ст. 1466 ГК РФ «лицо, ставшее добросовестно и независимо от других обладателей секрета производства обладателем сведений, составляющих содержание охраняемого секрета производства, приобретает самостоятельное исключительное право на этот секрет производства»⁴. Таким образом, возможна ситуация, когда два, скорее всего конкурирующих, лица становятся обладателями двух самостоятельных исключительных прав на один и тот же результат интеллектуальной деятельности (при условии, что деятельность, которая привела к получению сведений, составляющих ноу-хау, велась независимо и добросовестно). Применительно к традиционным объектам ИС такая ситуация невозможна, поскольку исключительное право на них носит поистине абсолютный характер.

Ноу-хау, однако, не является единственным объектом, в отношении которого возможно возникновение двух самостоятельных исключительных прав. В соответствии с п. 3 ст. 1454 за лицом, независимо создавшим топологию интегральной микросхемы (далее – ТИМС), «идентичную другой топологии, признаётся самостоятельное исключительное право на эту топологию»⁵.

⁴ Статья 1466. Исключительное право на секрет производства // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/10164072/e5361948cdd5cse681d1ac5023b361e8/> (дата обращения: 05.02.2025).

⁵ Статья 1454. Исключительное право на топологию // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/10164072/bee9bf294992348a6118acce3b770db4/> (дата обращения: 05.02.2025).

Т. е. в действующем правовом порядке существует два охраняемых РИД, в отношении которых возникновение исключительного права возможно параллельно или последовательно у двух разных лиц. Несмотря на обозначенное сходство, исключительное право на ноу-хау обладает большей спецификой и по сравнению с исключительным правом на топологию. Если действие исключительного права на ТИМС каждого правообладателя не зависит от действий другого, то в случае ноу-хау исключительные права каждого обладателя соответствующих сведений оказываются связанными. Эта связь обусловлена тем фактом, что исключительное право на ноу-хау «действует до тех пор, пока сохраняется конфиденциальность сведений, составляющих его содержание». При этом «с момента утраты конфиденциальности соответствующих сведений исключительное право на секрет производства прекращается у всех правообладателей»⁶ (ст. 1467 ГК РФ). Получается, что, если один из обладателей сведений обнаружит информацию, составляющую ноу-хау, – зачастую это происходит, когда режим секрета производства является временной формой правовой охраны, предваряющей подачу патентной заявки на разработку, – все остальные обладатели сведений лишаются своих исключительных прав. В этом и состоит основная уязвимость этой формы правовой охраны, и именно поэтому такую важную роль играет выстроенная стратегия управления ИС: ведь выбранная форма охраны или момент её изменения может сыграть решающую роль в коммерческой судьбе научно-технического решения. Секрет производства как форма правовой охраны обладает и другими недостатками, главным образом связанными со сложностью сохранения конфиденциальности информации и доказывания в случае рассмотрения спора в суде фактов приоритета в получении информации, недобросовестного поведения работников или иных неправомерных действий, позволивших другому лицу завладеть информацией. Учитывая все обозначенные трудности, стоит ли организациям науки и высшего образования в принципе использовать для охраны научных разработок форму секрета производства? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОУ-ХАУ КАК ФОРМЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НАУЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Итак, почему же при всех названных минусах университеты обращаются к форме ноу-хау для обеспечения правовой охраны разработок? Ключевым фактором, конечно, является то, что в противовес патентной охране признание сведений секретом производства позволяет сохранить конфиденциальность информации, а значит, в определённых случаях сделать разработку более привлекательной для потенциальных инвесторов. Кроме того, ноу-хау может выступать и вынужденной формой правовой охраны, когда разработка не удовлетворяет условиям патентоспособности или университет не может или не хочет выплачивать пошлины за оформление и поддержание патента в силе. Наконец, о наибольшем рыночном потенциале научной разработки можно говорить в том случае, когда форма ноу-хау не заменяет, а дополняет патентную охрану.

⁶ Статья 1467. Действие исключительного права на секрет производства // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/10164072/e558d41e20238ff85d6be6ffa2aba61b/> (дата обращения: 05.02.2025).

На уровне теории можно достаточно долго приводить многокритериальные сравнения патентной формы охраны с охраной в режиме секрета производства, однако на практике наиболее защищёнными и коммерчески привлекательными оказываются те разработки, которые обеспечены правовой охраной как патентными, так и особыми, возникающими в отношении ноу-хау правами. Речь идёт о комбинации патентной формы охраны с введением режима конфиденциальности сведений, которая обычно происходит в двух ситуациях. Первая связана с последовательным применением указанных форм охраны и предполагает введение режима ноу-хау в отношении информации о научной разработке в период до получения патента. Это позволяет, во-первых, сохранить конфиденциальность информации о патентоспособном решении на протяжении времени, необходимого для доработки решения, выбора оптимального для патентования элемента разработки, составления формулы изобретения и т. д. Вторая ситуация может как плавно вытекать из первой, так и существовать независимо от неё. Правообладатель заинтересован в том, чтобы не раскрывать всю информацию о разработке при её патентовании, а часть сведений сохранить в тайне, таким образом воспрепятствовав потенциальному воспроизведению решения конкурентами. Именно поэтому опытные в управлении ИС вузы (способные оформить патент, не раскрывая значимые для практической реализации технического решения нюансы) нередко используют комбинацию патентной охраны и охраны в режиме секрета производства. Такая комбинация создаёт наибольшую коммерческую привлекательность научной разработки: с одной стороны, проведена государственная регистрация технического решения, с другой – важные нюансы практической реализации разработки конфиденциальны, а значит, обеспечивают конкурентное преимущество правообладателю.

Наконец, в некоторых случаях фактором, определяющим выбор вузом режима ноу-хау в качестве формы правовой охраны научной разработки, элементарно является простота оформления данного РИД. Если для получения патента необходимо проведение патентного поиска, составление заявки, уплата пошлины и дальнейшее взаимодействие с Роспатентом, то в случае с ноу-хау достаточно собственными силами проверить соответствие информации требованиям, предъявляемым к секретам производства, и подготовить комплект документов, обеспечивающих признание сведений секретом производства и конфиденциальность соответствующей информации. В этой связи неизбежны случаи, когда ноу-хау как форма правовой охраны выбирается университетом не по причине её оптимальности с точки зрения стратегии управления РИД, а в силу необходимости оперативно превратить научную разработку в охраняемый объект ИС, например, если есть необходимость отчитаться по этапу какой-либо НИОКТР, предполагающему создание охраняемого результата интеллектуальной деятельности. Н. А. Сахарова и С. Г. Езерская в качестве ещё одного случая, когда ноу-хау является оптимальной для использования университетом формой охраны, выделяют дипломные проекты студентов в виде стартапа. Авторы указывают: «Принимая во внимание последние нововведения в отношении защиты дипломных проектов в виде start-up, ноу-хау является более предпочтительным, чем, например, изобретение. Предпочтение определено не только критерием “коммерциализация”. Ноу-хау более выгодно

с позиций меньших финансовых вложений, которые сопровождают регистрацию традиционных объектов» [13, с. 58].

Обозначенная широкая сфера использования ноу-хау в университетах диктует необходимость рассмотрения проблем, сопряжённых с использованием вузом данной формы правовой охраны.

ПРОБЛЕМЫ, С КОТОРЫМИ СТАЛКИВАЮТСЯ УНИВЕРСИТЕТЫ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НОУ-ХАУ ДЛЯ ОХРАНЫ НАУЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Первая и наиболее очевидная трудность использования секретов производства именно в университетской среде состоит в высокой по сравнению с другими сферами сложности обеспечения конфиденциальности информации. Это связано с тем, что научно-педагогические работники привыкли к парадигме противоположной конструкции ноу-хау: максимально широкому распространению информации о научных достижениях и разработках посредством научных публикаций, выступлений на конференциях, заметок в СМИ, обсуждения их с коллегами из смежных вузов и научных институтов. В свою очередь форма ноу-хау требует обратного, а именно – сохранения информации о разработке в тайне. Поэтому от руководства университета, заинтересованного в использовании данной формы правовой охраны научных результатов, требуется не просто создать в вузе юридические, организационные и технические условия для существования такого РИД, как секрет производства, но и провести подготовительную просветительскую работу с сотрудниками, задействованными в исследовательском процессе.

Вторая сложность, с которой сталкиваются не только университеты, но и другие организации, работающие с ноу-хау, это вопрос оценки стоимости исключительного права на секрет производства для его постановки на бухгалтерский учёт и дальнейшего введения в гражданско-правовой оборот. Оценка стоимости, когда речь идёт об интеллектуальной собственности, в принципе вызывает множество сложностей, на что не раз обращалось внимание в литературе [14; 15; 16]. Но, если говорить о ноу-хау, то здесь трудности оценки наиболее выражены. Во-первых, из трёх подходов, обычно используемых для оценки стоимости исключительного права на объект ИС (затратный, сравнительный и доходный⁷), к ноу-хау применимы только затратный и доходный, поскольку использование сравнительного подхода объективно невозможно. Во-вторых, если рассматривать ситуацию с оценкой исключительного права на ноу-хау даже внутри организации для целей его постановки на бухгалтерский учёт, то получается, что для объективной оценки необходимо включать в оценочную комиссию сотрудников, не участвовавших в работах, в результате которых была получена разработка. Таким образом, увеличивается число лиц, которые получают доступ к конфиденциальной информации, а значит повышаются и шансы на её разглашение и, как следствие, утрату исключительного права.

⁷ См., напр.: Методические рекомендации по оценке стоимости прав на интеллектуальную собственность // Экспертный совет : [сайт]. 2022. 10 августа. URL: <https://srosovet.ru/press/news/100822/> (дата обращения: 17.01.2025).

Если же включать в комиссию по оценке только тех работников университета, которые принимали участие в создании разработки, то вряд ли можно ожидать, что результаты оценки стоимости права на неё будут объективными⁸.

На решении вопроса оценки ноу-хау трудности для университета, к сожалению, не закончатся, если в качестве секрета производства решено признать информацию по сути о другом охраняемом РИД. Дело в том, что положениями ГК РФ, посвящёнными всем служебным результатам интеллектуальной деятельности⁹, кроме служебных секретов производства, предусмотрена выплата вознаграждения работнику – автору такого РИД. Не будем здесь погружаться в вопрос о причинах, побудивших законодателя не предоставлять работникам, получившим ноу-хау, право на вознаграждение, а обратимся к сути проблемы, с которой сталкивается университет.

Представим, что работниками университета создано техническое решение, обладающее перспективой быть запатентованным в качестве изобретения. Однако научно-исследовательская работа, в результате которой создано решение, продолжается, разработчики ещё не определились с оптимальной для включения в патентную заявку формулой изобретения, и спешка может привести к разглашению лишних сведений и неоптимальной правовой охране разработки. Руководитель работ принимает решение об охране на данном этапе разработки в качестве секрета производства и о подаче патентной заявки позднее. При этом разработка уже обладает признаками патентоспособного изобретения, а исходя из абз. 3 п. 4 ст. 1370 ГК РФ (посвящённой служебным изобретениям, полезным моделям и промышленным образцам) одним из оснований выплаты вознаграждения работнику – автору служебного изобретения – является принятие работодателем решения о сохранении информации об изобретении в тайне. Таким образом, если работодатель рассматривает РИД в качестве изобретения, информацию о котором решено сохранить в тайне, он обязан выплатить работникам, создавшим техническое решение, вознаграждение. Напротив, если руководство университета намеренно или же по незнанию игнорирует тот факт, что признанная ноу-хау разработка представляет собой патентоспособное решение, то, руководствуясь ст. 1470 ГК РФ (посвящённой служебным секретам производства), оно имеет легальную возможность никакого вознаграждения работникам не выплачивать, ведь указанной нормой кодекса вознаграждение работников не предусмотрено.

Однако и здесь проблема вознаграждения не исчерпывается: возникает вопрос о принятии решения о том, представляет ли собой техническое решение, охраняемое в качестве ноу-хау, изобретение. Полноправно называть разработку изобретением можно в том случае, если этот факт удостоверен Роспатентом, выдавшим на основании результатов экспертизы патент на изобретение. Если же речь идёт о том, что университет признаёт патентоспособную разработку ноу-хау, то кто уполномочен принять решение о том, что соответствующая

⁸ Следует упомянуть, что данный риск в некоторой степени компенсируется тем фактом, что для оценки стоимости исключительного права на РИД для его постановки на бухгалтерский учёт практически всегда используется затратный метод, хотя и в рамках него достаточно пространства для манёвра.

⁹ Служебными признаются результаты интеллектуальной деятельности, созданные в пределах трудовых обязанностей работника (для объектов авторских прав) или в связи с выполнением таких обязанностей или конкретного задания работодателя (для объектов патентных прав).

разработка представляет собой именно изобретение? Ведь от этого решения зависит наличие или отсутствие основания для выплаты вознаграждения работникам, осуществившим разработку. Действующее законодательство ответа на это вопрос не даёт. Наконец, вопрос вознаграждения возникает снова, когда, как в рассмотренной ситуации, университет спустя некоторое время после оформления ноу-хау решает подать заявку на выдачу патента на разработку. Согласно уже упомянутому ранее абз. 3 п. 4 ст. 1370 ГК РФ, как выдача патента на изобретение, так и неполучение патента по зависящим от университета причинам будут являться основанием для выплаты вознаграждения его автору – работнику вуза. Получается, что университет должен дважды выплатить вознаграждения за одно и то же техническое решение: в первый раз, когда признаёт его секретом производства, и повторно, когда подаёт заявку на выдачу патента на него.

Никоим образом не желая ущемить интересы российских изобретателей, надо, однако, подчеркнуть, что работодатели (как вузы, так и представители коммерческого сектора) оказываются в достаточно невыгодном положении. Ещё не начав получать какую-либо выгоду от использования разработки, они (работодатели) вынуждены уже дважды выплатить вознаграждение её автору или соавторам. Пожалуй, представители коммерческого сектора здесь оказываются даже в худшем положении, чем университеты, поскольку они заинтересованы именно во внедрении или ином практическом использовании РИД. При этом, решившись на такие высокорисковые вложения, как проведение НИОКТР, они сталкиваются с необходимостью дважды выплачивать вознаграждение за ещё не окупившую вложения в себя разработку. Что касается вузов, то они находятся в несколько ином положении. Во-первых, им так или иначе необходимо стимулировать работников к созданию охраняемых результатов, поскольку количество созданных охраноспособных РИД является одним из показателей, используемых для оценки государством результативности деятельности организаций, выполняющих НИОКТР гражданского назначения. Во-вторых, подавляющее большинство выполняемых вузами научных исследований финансируется из средств государственного бюджета, таким образом, университеты не несут риски, связанные с осуществлением вложений в НИОКТР. Кроме того, при определённых условиях затраты на выплату вознаграждения авторам служебных РИД могут быть включены в смету на выполнение НИОКТР. В случае с ноу-хау здесь, однако, снова встанет вопрос двойной выплаты. Ведь невозможно заложить в смету двойное вознаграждение за один и тот же научный результат. Следует заключить, что использование режима ноу-хау для правовой охраны научных результатов сопряжено с целым рядом сложностей, касающихся вознаграждения их авторов.

В заключение нужно упомянуть о ещё одной проблеме в сфере ноу-хау, с которой в последнее время сталкиваются университеты, выполняющие НИОКТР по гособоронзаказу. В числе результатов, которые должны быть получены по результатам таких работ, достаточно часто стали фигурировать секреты производства (ноу-хау). При этом очевидно, что информация о значительной части выполняемых по гособоронзаказу работ и их результатах охраняется в режиме государственной тайны. Таким образом, университет оказывается

в ситуации, когда, работая с государственной тайной, он должен в итоге получить секрет производства, т. е. информацию, обладающую коммерческой ценностью. В то же время государственная тайна, наверняка обладая указанной ценностью в неправовом значении словосочетания «коммерческая ценность», просто не может иметь её в гражданско-правовом смысле. Это связано с тем, что государственная тайна по своей природе не может быть имуществом, а любые сделки с ней незаконны. В описанных обстоятельствах университет оказывается вынужденным, прямо скажем, отыскивать результаты, не подпадающие под действие режима государственной тайны и признавать их секретами производства. Однако очевидно, что складывается крайне неоднозначная с правовой точки зрения ситуация, в которой легко допустить ошибку, маневрируя между несовместимыми режимами государственной и коммерческой тайны. Позиция государственных заказчиков, предусматривающих создание секретов производства в таких видах работ, тоже понятна: в секторе ОПК создаётся и используется не меньше научных разработок, чем в гражданской сфере, и они нуждаются в некой форме правовой охраны для их превращения в интеллектуальную собственность. Тем не менее целесообразность использования здесь конструкции ноу-хау представляется спорной. Возможно, более логичным было бы обращение к институту секретных изобретений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ целей, перспектив и проблем использования ноу-хау в деятельности российских университетов приводит к выводу о двояком характере этого вида РИД. С одной стороны, исследуемая форма правовой охраны является ценным инструментом управления интеллектуальной собственностью университета в силу простоты, быстроты и дешевизны оформления РИД. С другой стороны, использование формы секрета производства для охраны научных результатов сопряжено с необходимостью решения целого ряда проблем. В первую очередь речь идёт о чуждой научно-педагогической деятельности необходимости сохранять конфиденциальность сведений о научной разработке, признанной секретом производства и, как следствие, необходимости просвещения и даже воспитания работников университета в вопросах работы с ноу-хау. Вызывает сложности оценка исключительного права на ноу-хау как в силу ограниченности (по сравнению с другими видами РИД) применимых подходов, так и в силу рисков потери конфиденциальности сведений. Неоднозначно складывается ситуация с вознаграждением авторов служебных результатов в случаях, когда секретом производства признаётся информация о результатах, способных к правовой охране и в качестве других видов РИД. При этом последнюю проблему университеты не могут решить в полном соответствии с законодательством по причине отсутствия в нём чёткого правила, которым можно было бы руководствоваться в обозначенной ситуации. В этой связи целесообразно рассмотреть возможность дополнения Гражданского кодекса соответствующей нормой. Ещё с одной проблемой сталкиваются вузы, работающие по гособоронзаказу.

И заключается она в необходимости нащупывать грань между результатами НИР, являющимися государственной тайной, и информацией, хотя и полученной в ходе тех же работ, но имеющей основания быть признанной ноу-хау. Эта проблема касается участвовавших случаев включения государственными заказчиками требования об оформлении ноу-хау в условия контракта на выполнение НИОКР в сфере оборонной промышленности.

Если же переходить от проблем к преимуществам использования ноу-хау как формы правовой охраны университетских разработок, то здесь ключ к успеху кроется в отказе от противопоставления ноу-хау патентной форме охраны. Коммерчески ценные нематериальные активы, способные заинтересовать предпринимательский сектор, появляются тогда, когда обозначенные формы правовой охраны используются вместе и дополняют друг друга. В этом случае правообладатель обеспечен, с одной стороны, государственной регистрацией, удостоверяющей монополию на использование результата, с другой – отсутствием в открытом доступе информации, критически важной для эффективной практической реализации разработки.

Учитывая высочайшую значимость развития отечественных технологий в современных условиях и, как следствие, создания университетами обеспеченных правовой охраной прикладных результатов, готовых к коммерциализации, форма ноу-хау имеет перспективы для широкого использования в научной сфере. Важно, чтобы университеты рассматривали секреты производства именно как способ обеспечить правовую охрану коммерчески ценной информации и повысить рыночную привлекательность научной разработки, а не в качестве инструмента создания не требующего регистрации РИД для целей отчётности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лукманова Л. М. Формирование и развитие системы управления интеллектуальной собственностью в технических вузах : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Рос. гос. ин-т интеллектуал. собственности Роспатента. М., 2004. 31 с. EDN NHYUAP.
2. Смирнова Т. П. Управление интеллектуальной собственностью в национальных исследовательских университетах : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Саратов, 2009. 155 с. EDN QEGNUF.
3. Салицкая Е. А. Современные подходы к управлению интеллектуальной собственностью: региональный аспект // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87, № 11. С. 1026–1034. DOI 10.7868/S086958731711007X. EDN ZRCOBP.
4. Метляев Д. А., Рагозин П. В. Система управления интеллектуальной собственностью университета на примере МГУ имени М. В. Ломоносова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2020. № 6. С. 17–22. EDN QUUBRP.
5. Новосёлова Л. А. Исключительные права государства или государственных учреждений? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 2 (40). С. 49–62. DOI 10.58741/23134852_2023_2_49. EDN РТКАМІ.
6. Комментарий к части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Е. А. Павлова. М. : ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. 928 с. ISBN 978-5-9500334-8-3. EDN CYDXMB.
7. Городов О. А. Интеллектуальная собственность: правовые аспекты коммерческого использования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.04. СПб., 1999. 364 с. EDN NLSBGF.

8. *Еременко В. И.* Особенности правовой охраны секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну // *Законодательство и экономика.* 2014. № 12. С. 22–42.
9. *Зенин И. А.* Интеллектуальная собственность и ноу-хау : учебно-практическое пособие. Изд. 6-е, перераб. и доп. М. : МЭСИ, 2006. 333 с. ISBN 5-7764-0288-3.
10. *Спиридонова Н. Б.* Структура исключительного права на ноу-хау (секрет производства) // *Журнал Суда по интеллектуальным правам.* 2022. № 2 (36). С. 114–125. EDN JQSOKW.
11. *Нестерова Н. В.* Особенности правового режима ноу-хау на примере российского, зарубежного и международного опыта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2018. 163 с. EDN LLQТBE.
12. *Дозорцев В. А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сб. статей / Исслед. центр частного права. М. : Статут, 2003. 416 с. ISBN 5-8354-0168-X. EDN QVPJWL.
13. *Сахарова Н. А., Езерская С. Г.* Преимущества коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в вузе в виде ноу-хау // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика.* 2018. № 2–3 (36–37). С. 55–60. EDN YLWIAP.
14. *Мазур Н. З.* Современный взгляд на проблемы, связанные с оценкой и коммерциализацией результатов интеллектуальной деятельности // *Инновации и инвестиции.* 2018. № 6. С. 23–27. EDN IVVEWA.
15. *Семакина Л. В.* Нематериальные активы компании – практические проблемы оценки интеллектуальной собственности в России // *Образование и право.* 2017. № 9. С. 122–126. EDN ZSBRPD.
16. *Калашник Н. А., Столбовская Н. Н.* Проблема оценки стоимости интеллектуальной собственности в России в условиях цифровой экономики // *Современные технологии управления.* 2020. № 2 (92). Ст. 2. EDN DXINKI.

REFERENCES

1. Lukmanova L. M. Formation and development of intellectual property management system in technical HEIs [Formirovanie i razvitie sistemy upravleniya intellektual'noi sobstvennost'yu v tekhnicheskikh vuzakh] : Abstract of the diss. ... Candidate of Economics : 08.00.05. Moscow; 2004. 31 p. (In Russ.).
2. Smirnova T. P. Intellectual property management in national research universities [Upravlenie intellektual'noi sobstvennost'yu v natsional'nykh issledovatel'skikh universitetakh] : Diss. ... Candidate of Economics : 08.00.05. Saratov; 2009. 155 p. (In Russ.).
3. Salitskaya E. A. Present-day approaches to intellectual property management: The regional aspect [Sovremennye podkhody k upravleniyu intellektual'noi sobstvennost'yu: regional'nyi aspekt]. *Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2017;87(11):1026–1034. (In Russ.). DOI 10.7868/S086958731711007X.
4. Metlyaev D. A., Ragozin P. V. University IP management system by example of Moscow State University. *Intellectual Property. Industrial Property=Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'.* 2020;(6):17–22. (In Russ.).
5. Novoselova L. A. Exclusive rights of the state or public institutions? *Journal of the Intellectual Property Court=Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam.* 2023;(2):49–62. (In Russ.). DOI 10.58741/23134852_2023_2_49.
6. Pavlova E. A., ed. A commentary on part four of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article) [Kommentarii k chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa

Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)]. Moscow : S. S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation; 2018. 928 p. (In Russ.).

7. Gorodov O. A. Intellectual property: Legal aspects of commercial use [Intellektual'naya sobstvennost': pravovye aspekty kommercheskogo ispol'zovaniya] : Diss. ... Doctor of Law. St. Petersburg; 1999. 364 p. (In Russ.).

8. Eremenko V. I. Features of legal protection of trade secrets and information constituting a trade secret [Osobennosti pravovoi okhrany sekretov proizvodstva i informatsii, sostavlyayushchei kommercheskuyu tainu]. *Legislation and Economics=Zakonodatel'stvo i ekonomika*. 2014;(12):22–42. (In Russ.).

9. Zenin I. A. Intellectual property and know-how [Intellektual'naya sobstvennost' i nou-khau] : A study and practical guide. 6th ed., revised and enlarged. Moscow : MESI; 2006. 333 p. ISBN 5-7764-0288-3. (In Russ.).

10. Spiridonova N. B. The structure of the exclusive right to know-how (trade secret). *Journal of the Intellectual Property Court=Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*. 2022;(2):114–125. (In Russ.).

11. Nesterova N. V. Features of the legal regime of know-how: The cases of Russian, foreign and international experience [Osobennosti pravovogo rezhima nou-khau na primere rossiiskogo, zarubezhnogo i mezhdunarodnogo opyta] : Diss. ... Candidate of Law. Moscow; 2018. 163 p. (In Russ.).

12. Dozortsev V. A. Intellectual rights: Concept. System. Tasks of codification [Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii] : A collection of articles. Moscow : Statut; 2003. 416 p. ISBN 5-8354-0168-X. (In Russ.).

13. Sakharova N. A., Ezerskaya S. G. Advantages of commercialization of results of intellectual activity at a HEI in the form of know-how [Preimushchestva kommertsializatsii rezul'tatov intellektual'noi deyatel'nosti v vuze v vide nou-khau]. *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Economics=Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika*. 2018;(2–3):55–60. (In Russ.).

14. Mazur N. Z. Modern view on the problems connected with assessment and commercialization of results of intellectual activity. *Innovation & Investment=Innovatsii i investitsii*. 2018;(6):23–27. (In Russ.).

15. Semakina L. V. Intangible assets – practical issues of valuation of intellectual property in Russia. *Education and Law=Obrazovanie i pravo*. 2017;(9):122–126. (In Russ.).

16. Kalashnik N. A., Stolbovskaya N. N. The problem of assessing the value of intellectual property in Russia in the digital economy. *Modern Management Technology=Sovremennye tekhnologii upravleniya*. 2020;(2):2. (In Russ.).

Поступила в редакцию / Received 21.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Revised 19.02.2025.
Принята к публикации / Accepted 03.03.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Салицкая Елена Александровна *salitskaya@bmstu.ru*

Кандидат юридических наук, доцент кафедры «Безопасность в цифровом мире»,
начальник отдела правового сопровождения интеллектуальной собственности Центра
интеллектуальной собственности, МГТУ имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия
SPIN-код: 8758-3167

Амелина Ксения Евгеньевна *amelina@bmstu.ru*

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Безопасность в цифровом мире»,
директор Центра интеллектуальной собственности, МГТУ имени Н. Э. Баумана, Москва,
Россия
SPIN-код: 5263-1530

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Salitskaya *salitskaya@bmstu.ru*

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Security in the Digital World; Head,
Department of Legal Support of Intellectual Property, Intellectual Property Center, Bauman
Moscow State Technical University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6480-3230
Scopus Author ID: 56541733800
Web of Science ResearcherID: J-9707-2014

Ksenia E. Amelina *amelina@bmstu.ru*

Candidate of Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Security in the Digital
World; Director, Intellectual Property Center, Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, Russia
ORCID: 0009-0007-0047-4379
Scopus Author ID: 57205434806

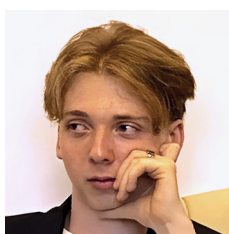
DOI: 10.19181/sntp.2025.7.1.7

EDN: FWPZIA

Научная статья

Research article

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОСРЕДНИКОВ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Чекалкин
Владимир Дмитриевич¹**

¹ МГТУ имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия

Для цитирования: Чекалкин В. Д. Проблемы правового регулирования ответственности информационных посредников в контексте научной и образовательной деятельности // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 100–115. DOI 10.19181/sntp.2025.7.1.7. EDN FWPZIA.

Аннотация. Целью исследования является определение статуса информационного посредника в российском законодательстве. Внимание акцентируется на двух ключевых аспектах: отсутствии правового статуса информационного посредника за пределами отношений, возникающих в связи с нарушением интеллектуальных прав, и необходимости выработки чётких критериев классификации различных видов информационных посредников, отражающих особенности их деятельности и характера взаимодействия с пользователями. Предложено авторское определение понятия «информационный посредник», которое в действующем законодательстве определено лишь посредством указания видов деятельности, осуществляемой данными субъектами. Ключевой идеей статьи выступает доработка существующей классификации информационных посредников с определением степени их ответственности в зависимости от вида посредника и, соответственно, степени вовлечённости абонентов в правонарушения. Установлена форма вины, при которой наступает ответственность информационного посредника. В работе сформулированы условия для освобождения от ответственности одного из видов информационных посредников, в роли которых чаще всего оказываются научный и образовательные интернет-порталы. Выделены три категории информационных посредников на основе критерия автономности пользователей, который является ключевым параметром для установления наличия (отсутствия) вины информационного посредника. Обнаружено отсутствие единообразия и неоднозначность решений в практике определения степени ответственности информационного посредника и его абонентов в случаях нарушения интеллектуальных прав. Выводы и предложения автора могут послужить основой для совершенствования правового

регулирования института информационного посредничества в России, а также лечь в основу дальнейших исследований. Результаты исследования подчёркивают значимость междисциплинарного подхода к изучению вопросов, находящихся на стыке цифровых технологий, права и управления, что открывает новые горизонты для будущих исследований и практических приложений в данной сфере.

Ключевые слова: информационный посредник, цифровая среда, интеллектуальная собственность, нарушение интеллектуальных прав, нарушение прав в Интернете, ответственность

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF INFORMATION INTERMEDIARIES' RESPONSIBILITIES IN THE CONTEXT OF RESEARCH AND EDUCATIONAL ACTIVITIES

Vladimir D. Chekalkin¹

¹ Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

For citation: Chekalkin V. D. Issues of legal regulation of information intermediaries' responsibilities in the context of research and educational activities. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):100–115. (In Russ.). DOI 10.19181/smtп.2025.7.1.7.

Abstract. The aim of the study is to determine the status of the information intermediary in Russian legislation. Attention is focused on two key aspects: the lack of a legal status of the information intermediary beyond relations arising from intellectual property infringements, and the need to develop clear criteria for classifying various types of information intermediaries, which reflect the features of their activities and the character of relations with users. The author proposes a definition of the concept of information intermediary, which in the current legislation is defined only by specifying the types of activities carried out by these entities. The core idea of the article is to revise the existing classification of information intermediaries in order to determine the degree of their responsibility depending on the type of an intermediary and, consequently, the degree of subscribers' involvement in law violations. The researcher has outlined the form of guilt, in which the responsibility of the information intermediary begins. The article lays down conditions for the exemption from liability of one of the types of information intermediaries, which most often turn out to be research and educational web portals. Three categories of information intermediaries are identified by drawing on the criterion of user autonomy, which is a key parameter for determining the presence/absence of an information intermediary's fault. It has been found out that there are a lack of uniformity and ambiguity of solutions in the practice of determining the degree of responsibility of an information intermediary and its subscribers in cases of intellectual property infringement. The author's conclusions and suggestions can serve as a basis for improving the legal regulation of the institution of information mediation in Russia. They also can form the basis for further research. The results of the study emphasize the significance of an interdisciplinary approach to the examination of issues at the intersection of digital technologies, law and management. This opens up new horizons for future research and practical applications in this field.

Keywords: information intermediary, digital environment, intellectual property, intellectual property infringement, infringement of rights on the Internet, responsibility

ВВЕДЕНИЕ

В современных реалиях успешное развитие экономики страны базируется на эффективном управлении интеллектуальными ресурсами. При этом характерной чертой информационного общества является цифровизация информации, её размещение и быстрое распространение в сети Интернет. В последние годы наблюдается значительное развитие информационных технологий, что требует от государства адаптации законодательства к новым реалиям. Одним из ключевых элементов этой адаптации является формирование норм об информационных посредниках, которые играют важную роль в обеспечении безопасного и эффективного обмена информацией, в том числе в научной и образовательной среде. Задача адаптации правовых условий к цифровой среде обозначена в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹, в котором в качестве одной из приоритетных задач указано создание безопасной и комфортной цифровой среды для граждан и бизнеса. В этом контексте фигура информационного посредника приобретает значимость не только как канала передачи информации, но и как ответственного участника возникающих в связи с этим отношений, обеспечивающего права пользователей и соблюдение законодательства.

В условиях цифровизации объекты интеллектуальных прав (в частности, объекты авторских и смежных прав) получают новую и уже зарекомендовавшую себя как незаменимую среду для их обнародования и распространения. Согласно статистическим данным, в последние годы число нарушений прав на объекты интеллектуальной собственности, размещённые в Сети, увеличивается². Такая тенденция имеет значение не только для лиц, которые распространяют результаты своего интеллектуального труда в Интернете, но и для тех, кто оказывает техническую поддержку в этом распространении. И те, и другие имеют право в случае правонарушения рассчитывать на справедливое разрешение спора в суде, именно поэтому законодатель предусмотрел не только предоставление интеллектуальных прав авторам охраняемых объектов, но и особый правовой статус лиц, оказывающих техническую поддержку в распространении контента. Обусловлено это не только тем, что в гражданском праве главенствует принцип равенства участников правоотношений, но и тем, что для создания благоприятной среды для творчества, в том числе научного, популяризации его результатов необходимо обеспечить стабильное положение как автора интеллектуального продукта, так и распространителя результатов его деятельности. В настоящей статье будет рассмотрен институт информационного посредничества в качестве необходимого правового элемента в цифровой экономике.

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 20.02.2025).

² Статистика судебной практики по защите интеллектуальной собственности // n'RIS : [сайт]. 2022. 30 ноября. URL: <https://nris.ru/blog/statistika-sudebnoj-praktiki-po-zashite-intellektualnoj-sobstvennosti/> (дата обращения: 05.10.2024).

ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИКА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРАВОВОГО СТАТУСА

Впервые концепция юридической фигуры информационного посредника была предложена в США в 1998 г. и была обусловлена необходимостью обеспечения защиты личных и исключительных прав граждан в условиях цифровой среды. Предполагалось, что определение правового статуса данного субъекта позволит повысить эффективность механизмов блокировки ресурсов, нарушающих интеллектуальные права третьих лиц (пиратских сайтов), а также обеспечит более чёткое правовое положение для платформ, которые легитимно размещают объекты интеллектуальной собственности на основании договорных отношений с правообладателями [1].

Появление субъекта, именуемого информационным посредником, в правовой системе России произошло с введением в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) статьи 1253.1 «Особенности ответственности информационного посредника» в результате подписания в 2013 г. Федерального закона № 187-ФЗ³. Понятие информационного посредника было сформировано с помощью перечисления видов деятельности, которые обуславливают появление у субъектов данного статуса. Такой подход позволяет судам присваивать субъекту статус информационного посредника путём соотнесения указанных в законе видов деятельности с характеристиками деятельности конкретного лица. В то же время концептуально юридическая фигура информационного посредника в законе не определена, что обуславливает целесообразность формирования этой дефиниции в правовой доктрине.

А. В. Стерлигова предлагает рассматривать информационного посредника как лицо, осуществляющее техническую и автоматизированную передачу информации, иницированную третьими лицами [2]. Данное определение представляется ограниченным, поскольку внимание акцентируется на пассивной роли посредника, полностью исключаящей контроль над содержанием передаваемой информации. Например, Н. В. Иванов определяет саму сущность информационного посредничества, как удовлетворение интереса другого лица – непосредственного пользователя объекта – путём содействия в размещении информационных материалов в Сети [3]. При предложенных подходах из категории информационных посредников автоматически будут выпадать владельцы сайтов, которые в соответствии с п. 17 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴ (далее – Закон об информации) самостоятельно определяют порядок использования сайта, включая размещение информации. Владелец сайта несёт ответственность за весь размещённый контент, в то время как «пассивный» посредник, в определении А. В. Стерлиговой, такой ответственности лишён.

³ Федеральный закон от 02.07.2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» (с изменениями и дополнениями) (ред. от 12.03.2014) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70405630/> (дата обращения: 20.02.2025).

⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 20.02.2025).

На практике границы между пассивным и активным участием оказываются нечёткими. Многие информационные посредники, не являясь владельцами сайтов, тем не менее осуществляют функции модерации, фильтрации и управления доступом к контенту, фактически влияя на его распространение.

В данной работе предлагается определение, которое позволит затронуть как активную, так и пассивную роль рассматриваемого субъекта.

Информационный посредник – субъект, функция которого заключается в оказании содействия пользователям сети Интернет посредством предоставления технических средств для размещения контента и применения механизмов управления доступом к нему. Контентом в данном случае будут являться объекты интеллектуальных прав, которые в силу своей природы могут быть оцифрованы для использования в Сети. К таковым можно отнести произведения науки литературы и искусства, базы данных и программы для ЭВМ, охраняемые авторскими правами, объекты смежных прав, такие как исполнения и фонограммы, а также товарные знаки и другие охраняемые в соответствии со ст. 1225 ГК РФ объекты интеллектуальных прав.

В действующем законодательстве правовая природа информационного посредника как субъекта гражданских правоотношений определяется фактом нарушения интеллектуальных прав. Статус такого субъекта возникает исключительно в контексте нарушения, в то время как до этого момента его права и обязанности регулируются:

- а) пользовательским соглашением, если речь идёт о правоотношениях с абонентом или платформой, на которой он реализует свою деятельность (применяются нормы гражданского законодательства);
- б) административным законодательством РФ, когда посредник взаимодействует непосредственно с государственными органами или в случае если правонарушение будет подпадать под действие ст. 7.12 «Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав» Кодекса РФ об административных правонарушениях.

До момента возникновения правонарушения, связанного с интеллектуальной собственностью, статус информационного посредника в отношении ресурса отсутствует. Его правовое положение определяется положениями ст. 6 Закона об информации либо, альтернативно, условиями пользовательского соглашения. Однако отсутствие заранее определённого статуса информационного посредника создаёт правовую неопределённость и затрудняет защиту интересов ресурсов, по сути являющихся информационными посредниками, особенно в контексте потенциальных нарушений прав третьих лиц.

Целесообразно выделить признаки, способы классификации и виды субъектов, приобретающих при определённых обстоятельствах статус информационного посредника. В первую очередь стоит отметить, что законом прямо не предусмотрена строгая классификация информационных посредников, но в научной литературе и правоприменительной практике встречаются классификации информационных посредников, основанные на положениях ст. 1253.1 ГК РФ, определяющих условия ответственности информационных

посредников в зависимости от характеристик их деятельности. Обычно выделяют три категории информационных посредников.

Общими признаками для всех трёх категорий информационных посредников являются:

- 1) **Функция посредничества.** Данная функция подразумевает, что посредник не внёс какой-либо вклад в создание контента, а лишь способствовал его распространению и/или коммерциализации в Сети.
- 2) **Техническая природа деятельности.** Поскольку субъект осуществляет свою деятельность в Интернете, и его основные задачи включают размещение, передачу и способствование передаче материала, его деятельность неразрывно связывается с техническим процессом (данный признак закреплён ст. 10.2-2. Закона об информации).
- 3) **Использование информационно-телекоммуникационной сети.** Информационный посредник организует свою деятельность исключительно в Сети, в ином случае субъект нельзя будет наделить соответствующим статусом.

Сразу после введения ст. 1253.1 «Особенности ответственности информационного посредника» в ГК РФ возникла проблема с определением перечня субъектов, относимых к категории информационных посредников. Так, в том же 2013 г. Арбитражным судом города Москвы в деле № А40-54370/2012⁵ была предложена классификация и краткий перечень субъектов, соответствующих каждой категории посредников, а именно:

- лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет (как правило, к таким лицам относятся операторы связи, предоставляющие доступ в Интернет);
- лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети (как правило, к таким лицам относятся провайдер хостинга, владелец сайта);
- лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети (как правило, к таким лицам относятся владельцы поисковых сайтов, а также любых других сайтов, содержащих информацию, предоставляющую возможность доступа к контенту, в том числе владельцы файлообменных ресурсов).

В настоящее время из-за развития интернет-технологий и коммерческой деятельности в Сети субъектов, по природе своей деятельности отвечающих характеристикам информационного посредника, стало значительно больше (например, многочисленные мессенджеры), а значит есть основания для расширения перечня информационных посредников. На основании анализа судебной практики и доктринальных исследований таких юристов, как К. В. Геец, Н. В. Иванов, Л. К. Терещенко, О. И. Тиунов, В. О. Калятин и др., в настоящее время можно выделить описанные ниже категории субъектов, относящихся к информационным посредникам.

⁵ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18 ноября 2013 г. по делу № А40-54370/2012.

Первая категория включает в себя лиц, осуществляющих передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. К данной категории относятся: операторы связи, почтовые сервисы, сервисы CDN (Content Delivery Network / Сети доставки контента, оптимизирующие передачу больших файлов), VPN-провайдеры и социальные сети [4]. Следует отметить, что указанные лица, как правило, выполняют лишь техническую функцию, способствуя пользователям в процессе передачи материалов. В большинстве своём они ориентированы на большое количество пользователей, что затрудняет осуществление мониторинга и проверки каждого отдельного сигнала на предмет отсутствия нарушения прав. Систематическая проверка каждого сообщения на наличие нарушений является не только затратной, но и экономически нецелесообразной для данного вида субъектов, поскольку значительно увеличивает время обработки данных.

Вторая категория объединяет субъектов, предоставляющих инфраструктуру для размещения контента в сети Интернет. В первую очередь к ним относятся хостинг-провайдеры, провайдеры облачных хранилищ, файлообменники, торрент-трекеры, а также ресурсы, позволяющие размещать контент и использовать гиперссылки на сторонние источники. Анализируя вопрос о принадлежности файлообменников к информационным посредникам, можно условно поделить их на два вида:

- 1) посредник предоставляет возможность обмена только между двумя конечными пользователями;
- 2) посредник даёт возможность обмена контентом для неопределённого круга лиц.

Выбранная политика субъекта, определяющая его вид, будет иметь ключевое значение при решении вопроса о наличии оснований для его ответственности. В сущности, информационный посредник данной категории в правоотношениях является переходным ресурсом между пользователями и размещаемым материалом.

Третья категория информационных посредников объединяет группу лиц, предоставляющих возможность доступа к материалу в конкретной сети. Здесь принято выделять поисковые системы, онлайн-библиотеки, веб-архивы и др. Природа этих субъектов такова, что у абонентов и пользователей нет полной автономности в размещении материалов; возможность их размещения либо находится в исключительном ведении самого ресурса, либо в ведении специальных органов. Из-за этого субъекты данной категории более причастны к правонарушениям и, следовательно, несут повышенную ответственность при нарушении интеллектуальных прав граждан и юридических лиц, поскольку они лично принимают участие в обработке, оценке и выборке материала перед его размещением на своей платформе.

Особое внимание стоит уделить ресурсам, которые дают возможность размещения гиперссылок, переход по которым потенциально ведёт к нарушению авторских или иных интеллектуальных прав. Судебная практика показывает, что ресурс, нарушивший интеллектуальные права вследствие перехода по гиперссылке, будет нести ответственность в соответствии со ст. 1253.1 ГК РФ.

Так, в рамках рассмотрения дела Улаганским районным судом Республики Алтай № 2-863/2023⁶, касающегося нарушений интеллектуальных прав на товарный знак и объекты авторского права, доводы ответчика основывались на утверждении, что прямое нарушение прав не имело места, поскольку на рассматриваемом информационном ресурсе отсутствовали изображения охраняемых объектов. Однако на ресурсе была размещена активная гиперссылка, которая направляла пользователей к контрафактной продукции. В результате суд установил ответственность ресурса исходя из того, что размещение гиперссылки создаёт условия для нарушения прав третьих лиц и может рассматриваться как способ содействия в осуществлении таких нарушений. Важным условием для принятия решения об ответственности посредника являлось то, кто именно совершил действия по размещению гиперссылки. В ходе судебного разбирательства было установлено, что гиперссылку разместил разработчик сайта ещё на этапе создания платформы, но поскольку между разработчиком и владельцем был заключён договор найма, в котором было установлено, что исполнитель не несёт ответственности за содержание сайта заказчика, а в акте приёмки не было отражено каких-либо претензий со стороны владельца сайта, суд признал, что вина за размещение гиперссылки лежит именно на нём (владельце сайта) [5].

Использование гиперссылки при нарушении прав лица не только прямо определяет лицо как информационного посредника⁷, но и является квалифицирующим признаком для определения категории посредника. В случае, если нарушение прав вызвано именно размещением гиперссылки, в результате перехода по которой будет происходить неправомерное использование объекта интеллектуальных прав, то информационный посредник в данном случае будет попадать во вторую категорию, хотя изначально, по своей природе, относится к первой или третьей категории.

Следует заключить, что основное различие трёх видов информационных посредников между собой состоит в степени автономности абонентов, потребителей или пользователей ресурса при размещении материалов. Для наглядности представим классификацию информационных посредников с характеристиками каждой группы в виде таблицы. Поскольку субъект оказывается в статусе информационного посредника только при нарушении интеллектуальных прав, то установление того факта, является ли конкретное лицо информационным посредником, производится судом с учётом характера осуществляемой соответствующим лицом деятельности⁸.

⁶ Решение № 2-863/2023 от 28 ноября 2023 г. по делу № 2-863/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9A8zBn61YYUC/> (дата обращения: 03.10.2024).

⁷ Пункт 17 обзора судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, утверждённый Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г.

⁸ Абзац второй пункта 77 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Таблица

Степень автономности пользователя в зависимости от типа информационного посредника

Table

The degree of user autonomy depending on the type of information intermediary

Категория информационных посредников	Роль информационного посредника в размещении контента	Степень автономности пользователя
1	Информационный посредник лишь предоставляет технические возможности размещения материала в информационно-телекоммуникационной сети, пользователь может автономно загружать материалы	Высокая
2	Информационный посредник по инициативе пользователя может предоставлять как сам материал, так и ссылку (путь) к нему	Средняя
3	Информационный посредник предоставляет площадку для распространения материала, при этом он лично проводит мониторинг всего контента	Низкая

Таким образом, от степени автономности пользователя будет зависеть степень вовлечённости в правонарушение информационного посредника и, следовательно, наличие или отсутствие оснований для привлечения информационного посредника к ответственности.

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИКА

При установлении ответственности информационного посредника судебная практика опирается на критерии, касающиеся размера причинённого вреда и наличия вины посредника.

В отличие от некоторых других областей гражданского права, ответственность информационного посредника за нарушение прав интеллектуальной собственности всегда *наступает только при наличии вины*⁹. Объяснения этому могут быть различны. Так, например, А. А. Иванов обосновывает этот феномен тем, что информационные посредники, по общему правилу, являются лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, а значит, их ответственность строится на началах риска, а не на началах вины [6]. В действующих правовых условиях посредник будет виновен в нарушении в том случае, если он будет знать о противоправном размещении объекта интеллектуальных прав, т. е. будет уведомлён о нарушении. В таком случае его вина переквалифицируется из формы простой неосторожности в грубую неосторожность. Уведомление о нарушении может быть подано напрямую посреднику или через органы государственной власти. В зависимости от выбранного правообладателем пути восстановления своего нарушенного права будут отличаться правовые последствия.

⁹ Абзац 3 пункта 77 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Порядок рассмотрения уведомлений о нарушении интеллектуальных прав на охраняемый объект и их сроки рассмотрения регулируются Законом об информации, который устанавливает, что правообладатель может подать уведомление о нарушении его интеллектуальных прав к владельцу сайта¹⁰. Срок рассмотрения уведомления и принятия решения по нему, согласно ст. 15.7 указанного закона, составляет 24 часа. С правовой точки зрения отсутствие реакции лица на полученное уведомление о нарушении интеллектуальных прав можно считать виновным деянием, выраженным в форме бездействия. До введения ст. 1253.1 ГК РФ законодатель уже подразумевал схожий подход. В частности, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда указывалось, что суды должны оценивать действия провайдеров по удалению или блокированию контента при получении уведомлений от правообладателей. При отсутствии адекватной реакции со стороны провайдера в разумные сроки его пассивность может быть расценена как наличие вины, что может привести к привлечению его к ответственности¹¹.

В контексте определения ответственности информационных посредников ключевыми являются пункты 2 и 3 ст. 1251.1 ГК РФ. Данные пункты устанавливают исчерпывающий перечень условий, освобождающих посредника от ответственности за нарушение интеллектуальных прав. Законодатель дифференцирует условия освобождения от ответственности в зависимости от категории посредника, устанавливая два набора соответствующих обстоятельств.

Для первой категории информационных посредников (которые осуществляют передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет) освобождение от ответственности обусловлено совокупностью следующих критериев:

- 1) информационный посредник не является инициатором передачи нелегального контента и не определяет получателя соответствующего материала;
- 2) информационный посредник не вносит изменения в содержание передаваемого контента;
- 3) информационный посредник не знал и не должен был знать о том, что использование контента является неправомерным.

В случае, если информационный посредник относится ко второй категории (лица, предоставляющие возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети), условиями освобождения являются:

- 1) информационный посредник не знал и не должен был знать о том, что использование контента является неправомерным;
- 2) информационный посредник в случае получения заявления правообладателя о нарушении интеллектуальных прав своевременно принял необходимые и меры для прекращения нарушения.

Установив условия освобождения от ответственности для первой и второй категории информационных посредников, законодатель не предусмотрел

¹⁰ Под понятие «владелец сайта» попадают все субъекты, признаки которых позволяют применять к ним ст. 1253.1 ГК РФ.

¹¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.11.2011 г. № 6672/11.

условий, при которых лица, предоставляющие возможность доступа к материалу в конкретной сети (третья группа посредников), могли бы избежать ответственности. Это представляется необоснованным, поскольку квалификация лица как посредника первой или второй категории (передающего материал или предоставляющего возможность размещения) становится инструментом уклонения от ответственности. Посредник, чья деятельность не позволяет чётко и безусловно отнести его к конкретной категории, может в случае нарушения выгодно представить себя принадлежащим к первой или второй категории, для которых закон предусматривает условия освобождения.

Представители третьей категории посредников (лица, предоставляющие возможность доступа к материалу в этой сети), пусть и самостоятельно отбирают контент для размещения на своих площадках, но фактически оказываются в более невыгодном положении, поскольку определить правообладателя объекта интеллектуальных прав на охраняемый объект не всегда возможно (ведь в отношении произведений и объектов смежных прав не предусмотрена государственная регистрация, а для программ ЭВМ и баз данных она является добровольной). Отсутствие специальных условий освобождения от ответственности подвергает их непропорционально высокому риску привлечения к ответственности, даже при минимальной степени вовлечённости в нарушение. Такая дискриминация делает правовые последствия непредсказуемыми и может затруднять развитие информационной инфраструктуры в научной и образовательной среде, поскольку самыми яркими представителями третьей категории посредников являются веб-библиотеки и образовательные ресурсы.

Для того чтобы создать оптимальные правовые условия для распространения научно-образовательного контента, избежать необоснованного привлечения к ответственности информационных посредников, относящихся к третьей категории, можно предложить следующий перечень условий, одновременное выполнение которых будет являться основанием для освобождения от ответственности:

- 1) отсутствие контроля по отношению к контенту, выраженное в невозможности редактирования или изменения контента, при этом технические действия по обеспечению доступа не должны рассматриваться как контроль;
- 2) неосведомлённость о неправомерности контента, к которому предоставляется доступ;
- 3) своевременное реагирование на уведомления о нарушении интеллектуальных прав, выражающееся в безотлагательном принятии необходимых и достаточных мер для ограничения доступа к нелегальному контенту;
- 4) отсутствие обязанности по проверке контента на предмет потенциальных нарушений.

При одновременном выполнении всех приведённых условий можно будет утверждать, что лицо является в надлежащей мере осмотрительным, предприняло все меры предосторожности и не причастно к нарушению интеллектуальных прав.

Судебная практика свидетельствует, что при определении размера компенсации за причинённый вред суд будет учитывать, насколько своевременно

правообладатель обращался к административным органам с целью воздействия на информационного посредника и как оперативно действовал посредник для прекращения нарушения. Согласно п. 2 ст. 15.7 Закона об информации, правообладатель при обращении к администратору площадки или государственному органу о пресечении нарушения его интеллектуальных прав должен приложить информацию, содержащую:

- 1) сведения о правообладателе или лице, уполномоченном правообладателем;
- 2) информацию об объекте авторских и (или) смежных прав, размещённом с нарушением;
- 3) указание на доменное имя и (или) сетевой адрес площадки нарушителя;
- 4) указание на наличие у правообладателя прав на объект авторских и (или) смежных прав;
- 5) указание на отсутствие разрешения правообладателя;
- 6) согласие заявителя на обработку его персональных данных (в случае если заявитель физическое лицо).

При этом никаких требований по полноте предоставленных правообладателем данных закон не предъявляет, что создаёт проблемы для посредника, поскольку он обязан обработать уведомление и самостоятельно решить, является ли размещение спорного контента на его площадке неправомерным¹². Усугубляется положение посредника ещё и необоснованно коротким сроком проверки – 24 часа. Таким образом, посредник может оказаться в ситуации, когда ему необходимо оценить законность использования контента без достаточной информации о правовом статусе объекта интеллектуальных прав в необоснованно короткий срок. Особенно это актуально в случае проверки принадлежности правообладателю авторских прав, где отсутствие обязательной государственной регистрации делает идентификацию правообладателя затруднительной.

Таким образом, уведомление о нарушении и последующие действия информационного посредника выступают не только как механизм защиты прав правообладателя, но и как индикатор правомерности действий информационного посредника. Оно служит показателем его осмотрительности и добросовестности в процессе администрирования интернет-платформы.

Вторым ключевым фактором, определяющим степень ответственности за нарушение интеллектуальных прав, является размер ущерба, причинённого правообладателю. Размер данного ущерба будет зависеть от особенностей распространения контента между пользователями. В случае, когда контент передаётся неограниченному кругу лиц, причинённый ущерб может быть квалифицирован как значительный и требовать вмешательства надзорных органов. Напротив, в ситуациях, когда передача контента ограничивается несколькими пользователями, как это имеет место на торрент-трекерах, оценка вреда становится значительно более сложной задачей. Если нарушение носит систематический характер, оно также может рассматриваться как значительное, однако в случаях единичных нарушений российское законодательство

¹² Пункт 78 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации».

следует западной модели, предполагающей возможность квалификации такого обмена как добросовестного использования объектов интеллектуальной собственности [7].

Ещё одним важным и интересным вопросом в анализируемой теме является соотношение ответственности информационного посредника и абонента, действиями которого было спровоцировано нарушение. Природа ответственности информационного посредника двойственна, она строится как на действиях посредника, так и на его бездействии в совокупности с действиями его абонентов. И если в первом случае ответственность полностью ложится на нарушителя, то во втором случае вопрос о распределении ответственности неоднозначен, исследователи не имеют единого мнения в его решении. О. Н. Фомина, например, считает, что ответственность должна распределяться в соответствии со ст. 399 ГК РФ и быть субсидиарной, при этом нельзя не учитывать тот факт, что четвертая часть ГК РФ уже содержит правила распределения ответственности в ст. 1252 и определяет её в качестве солидарной [8]. Зачастую при рассмотрении дел правоприменитель не привлекает абонентов к ответственности, полагая, что ответственность в полном объёме ложится на посредника, ведь именно он предоставляет контрафактный продукт. В некоторых случаях абоненты всё-таки привлекаются к ответственности, но неурегулированность вопроса о распределении ответственности между ними и информационными посредниками приводит к спорным решениям о размере компенсации за нарушение интеллектуальных прав.

В качестве примера приведём решение арбитражного суда по делу № А60-9876/2021¹³, где истец подал иск к ООО «ВКонтакте» и ООО «МФинанс» за нарушение его исключительных прав на несколько произведений. Разбирательство велось в рамках ст. 1253.1 ГК РФ, регламентирующей ответственность информационных посредников. Суд удовлетворил исковые требования, основываясь на положениях ст. 1301 ГК РФ, предусматривающей альтернативные способы возмещения ущерба при нарушении авторских прав. В результате с ООО «ВКонтакте» было взыскано более миллиона руб., а с ООО «МФинанс» – лишь 20 000 руб. Такое различие в размере компенсации обосновано тем, что «ВКонтакте» не предприняла должных мер для реагирования на уведомление правообладателя о нарушении, что было оценено судом как наличие вины и послужило основанием для присуждения компенсации в значительном размере. Данное дело иллюстрирует, что при определении ответственности информационных посредников суды учитывают не только сам факт нарушения, но и степень вины посредника, определяемую в том числе и своевременностью реагирования на уведомления о нарушении интеллектуальных прав.

В заключение следует сказать, что платформы, имеющие высокие шансы оказаться в статусе информационных посредников, зачастую принимают превентивные меры для минимизации рисков, связанных с возможными нарушениями прав третьих лиц, вызванными действиями пользователей. Эти меры выражаются как в разработке специального программного обеспечения, так

¹³ Решение от 23 июля 2021 г. по делу № А60-9876/2021. Арбитражный суд Свердловской области // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/VAQHdZRrGGxT/> (дата обращения: 03.10.2024).

и в формулировании особых условий пользовательских соглашений. Например, пользовательские соглашения платформ «Яндекс» и «ВКонтакте» содержат положения, согласно которым пользователи обязуются не нарушать интеллектуальные права третьих лиц и в случае нарушения несут ответственность перед правообладателями лично. Особое внимание следует уделить ситуациям, когда пользователь не только размещает контент, но и получает финансовые отчисления за его продажу. В таких случаях меры воздействия на нарушителя могут быть более строгими. В частности, в пользовательском соглашении цифрового сервиса электронных книг «ЛитРес» указано, что в случае нарушения интеллектуальных прав вознаграждения за продажи могут быть приостановлены или полностью аннулированы, а партнёрские отношения с нарушителем прекращены¹⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ института информационного посредничества в российском законодательстве демонстрирует наличие существенных правовых неопределённостей. Дефиниция понятия «информационный посредник», основанная на совокупности признаков деятельности соответствующих субъектов, с точки зрения теории права, недостаточна и требует развития. В связи с этим предложено определение информационного посредника как субъекта, функция которого заключается в оказании содействия пользователям сети Интернет посредством предоставления технических средств для размещения контента и применения механизмов управления доступом к нему. Выявлена проблема отсутствия достаточно чётких критериев для классификации информационных посредников, особенно когда речь идёт о субъектах, чья деятельность имеет признаки третьей категории посредников. Значимость этого вопроса обуславливается тем фактом, что неоднозначность статуса посредника с точки зрения категории и, соответственно, условий освобождения от ответственности прямо влияет на потенциальное решение суда об освобождении или о привлечении посредника к ответственности в случае спора. Ключевой проблемой здесь является отсутствие ясных критериев освобождения от ответственности для посредников третьей категории (предоставляющих доступ к материалам).

Названные проблемы усугубляются отсутствием сформированной единообразной судебной практики по вопросам распределения ответственности между информационным посредником и пользователем, чьи действия привели к правонарушению. Это затрудняет прогнозирование правовых последствий для посредников и создаёт неопределённость в вопросах, касающихся объёма и характера ответственности в зависимости от действий пользователя. Перекладывание чрезмерной ответственности с пользователя на информационного посредника может способствовать возникновению злоупотреблений со стороны последних. Эти злоупотребления не только могут иметь правовые последствия, но и пагубно сказаться на степени достоверности распространяемой

¹⁴ Правила пользования сайтом «ВКонтакте» устанавливают взаимные права и обязанности пользователя сети и администрации (ООО «ВКонтакте»).

в Сети информации. Данный аспект особенно актуален в контексте научной деятельности, которая требует высочайшей степени ответственности субъектов. Нельзя не отметить, что значимость укрепления доверия пользователей к цифровым сервисам и платформам посредством установления чётких норм и стандартов для информационных посредников подчёркивается в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.¹⁵

При этом необходимо отметить, что применительно к проблеме распределения ответственности особенно ярко проявляется вопрос фактического отсутствия статуса информационного посредника за пределами правонарушения. В этом аспекте представляется целесообразным расширить сферу применения понятия «информационный посредник» и, соответственно, содержание этого понятия. Таким образом, тема информационного посредничества в правовой доктрине и институт информационных посредников в российском праве заслуживают пристального внимания правоведов, дальнейшего исследования и развития с учётом потребностей цифровой среды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Сараскин В. А.* Этапы правового регулирования информационных посредников в США // *Юридическая наука.* 2020. № 4. С. 106–109. EDN RIGLJM.
2. *Стерлигова А. В.* Практические критерии и признаки, позволяющие применять нормы об информационных посредниках, при нарушении исключительных прав правообладателей в Интернете // *Интеллектуальная собственность и инновации : материалы IX Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 26 апреля 2017 г.). Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2017. С. 272–280. EDN ZDWGBH.*
3. *Иванов Н. В.* Особенности ответственности информационного посредника за нарушение исключительного права // *Закон.* 2023. № 5. С. 37–52. DOI 10.37239/0869-4400-2023-20-5-37-52. EDN HMLIEZ.
4. *Терещенко Л. К., Тиунов О. И.* Информационные посредники в российском праве // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения.* 2016. № 6 (61). С. 46–51. DOI 10.12737/23470. EDN XDEESH.
5. Комментарий к части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / О. Л. Алексеева, Д. С. Борминская, С. А. Горленко [и др.] ; отв. ред. Е. А. Павлова. М. : ИЦЧП имени С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. 928 с. ISBN 978-5-9500334-8-3. EDN CYDXMB.
6. *Иванов А. А.* Ответственность информационного посредника за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети // *Вестник Поволжского института управления.* 2015. № 2 (47). С. 48–53. EDN TPHRFV.
7. *Жвалов К. А.* Файлообменные сети и добросовестное использование: опыт США // *Информационное право.* 2009. № 1. С. 17–22. EDN JDDOCO.
8. *Фомина О. Н.* Правовая природа ответственности информационного посредника // *Гражданское право.* 2022. № 2. С. 33–36. DOI 10.18572/2070-2140-2022-2-33-36. EDN PDJAXG.

¹⁵ Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 20.02.2025).

REFERENCES

1. Saraskin V. A. Stages of legal regulation of information intermediaries in the United States. *Legal Science=Juridicheskaya nauka*. 2020;(4):106–109. (In Russ.).
2. Sterligova A. V. Practical standards and indicators that allow applying the rules of information intermediaries in violation of the exclusive rights of right holders on the Internet. In: Intellectual property and innovations [Intellektual'naya sobstvennost' i innovatsii] : Proceedings of the 9th International science-to-practice conference (Yekaterinburg, April 26, 2017). Yekaterinburg : Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; 2017. P. 272–280. (In Russ.).
3. Ivanov N. V. Peculiarities of liability of the information intermediary for violation of an exclusive right. *Law=Zakon*. 2023;(5):37–52. (In Russ.). DOI 10.37239/0869-4400-2023-20-5-37-52.
4. Tereshchenko L. K., Tiunov O. I. An information intermediary in Russian law. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law=Zhurnal inostrannogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo prava*. 2016;(6):46–51. (In Russ.). DOI 10.12737/23470.
5. Alekseeva O. L., Borminskaya D. S., Gorlenko S. A. [et al.] A commentary on part four of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article) [Kommentarii k chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)]. Ed. by E. A. Pavlova. Moscow : S. S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation; 2018. 928 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9500334-8-3.
6. Ivanov A. A. Information intermediary liability for infringement of intellectual property rights in the information and telecommunication network. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration=Vestnik Volzhskogo instituta upravleniya*. 2015;(2):48–53. (In Russ.).
7. Zhvalov K. A. File-sharing networks and fair use: Experience of the USA [Failoobmennyye seti i dobrosovestnoe ispol'zovanie: opyt SShA]. *Information Law =Informatsionnoe pravo*. 2009;(1):17–22. (In Russ.).
8. Fomina O. N. The legal nature of the liability of an information intermediary. *Civil Law=Grazhdanskoe pravo*. 2022;(2):33–36. (In Russ.). DOI 10.18572/2070-2140-2022-2-33-36.

Поступила в редакцию / Received 15.01.2025.

Одобрена после рецензирования / Revised 19.02.2025.

Принята к публикации / Accepted 03.03.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чекалкин Владимир Дмитриевич wasdftchekalkin@yandex.ru

Студент, кафедра «Безопасность в цифровом мире», МГТУ имени Н. Э. Баумана,
Москва, Россия
SPIN-код: 7064-2696

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir D. Chekalkin wasdftchekalkin@yandex.ru

Student, Department of Security in the Digital World, Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, Russia
ORCID: 0009-0001-5801-8583

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.8

EDN: DEQRGO

Научная статья

Research article

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПЛАТФОРМЫ DIMENSIONS

**Ударцева
Ольга Михайловна¹**

¹ Государственная публичная научно-техническая библиотека
СО РАН, Новосибирск, Россия

Для цитирования: Ударцева О. М. Перспективные возможности информационной платформы Dimensions // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 116–132. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.8. EDN DEQRGO.

Аннотация. В статье проведён анализ возможностей информационного продукта Dimensions, который в последние годы всё чаще рассматривается как альтернативный источник информации для выполнения библиометрических исследований. Этот ресурс привлёк внимание не только зарубежных учёных, но и некоторые российские исследования выполняются сегодня с использованием его функциональных возможностей. Оценка поисковых и аналитических возможностей бесплатной версии базы данных проведена на основе изучения темы “Altmetrics”. Изучены тенденции развития альтметрических исследований, выявлены авторы и авторские коллективы, которые занимаются разработкой этих направлений, а также дана характеристика аналитическим возможностям ресурса в виде визуализированной оценки результатов поиска. В статье было уделено внимание создаваемым компанией Digital Science платным сервисам на базе искусственного интеллекта (Research GPT, AI Summarization, API для импорта и др.). Рассмотрена общая источниковая база платформы, её основные функции, представлена статистика видов документов. Выявлено, что статьи составляют на сегодняшний день 80% от общего объёма документов. Сделан вывод, что бесплатная версия Dimensions при проведении библиометрического анализа подходит не для всех задач, в частности, применение этой версии не позволит дать исчерпывающую характеристику развития исследовательских направлений относительно разных стран.

Ключевые слова: информационные ресурсы, поиск информации, аналитические инструменты, открытая наука, открытый доступ, Dimensions

Благодарности. Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Разработка модели функционирования научной библиотеки в информационной экосистеме открытой науки», № 122041100150-3.

PROSPECTIVE CAPABILITIES OF THE DIMENSIONS INFORMATION PLATFORM

Olga M. Udartseva¹

¹ State Public Scientific Technological Library, SB RAS, Novosibirsk, Russia

For citation: Udartseva O. M. Prospective capabilities of the Dimensions information platform. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):116–132. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2025.7.1.8.

Abstract. The article provides an analysis of the capabilities of the Dimensions platform as an information product, which in recent years has increasingly been considered as an alternative source of information for performing bibliometric research. This resource has attracted the attention of not only foreign researchers. Some Russian studies are also carried out today using its functionality. The evaluation of the search and analytical capabilities of the free version of the database is conducted based on studying the topic “Altmetrics”. The trends in the development of altmetric research are studied, the authors and teams of authors who are developing these areas are identified and the analytical capabilities of the resource are characterized in the form of a visualized assessment of search results. The article also gives attention to paid services based on artificial intelligence created by Digital Science (Research GPT, AI Summarization, API for import, etc.). The author considers the general source base of the platform and its main functions. Statistics of document types are presented. It has been found out that articles currently make up 80% of the total volume of documents. It is concluded that the free version of Dimensions is not suitable for all tasks when conducting a bibliometric analysis; in particular, the use of this version will not allow for a comprehensive description of the development of research areas in relation to different countries.

Keywords: information resources, information retrieval, analytical tools, open science, open access, Dimensions

Acknowledgments. The article was prepared according to the research plan of the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project “Development of a Model for the Functioning of a Scientific Library in the Information Ecosystem of Open Science”, No. 122041100150-3.

ВВЕДЕНИЕ

В качестве основного источника библиометрических данных ещё недавно активно использовались такие источники, как мультидисциплинарные базы данных (Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Web of Science (WoS), Scopus) и отраслевые библиографические базы данных (PubMed, MathSciNet, zbMATH, INSPIRE, Chemical Abstracts, GeoRef, DBLP и т. п.), которые отражают информацию об источниках одной предметной области. Однако в связи с ограничением доступа к данным WoS и Scopus для России с 2022 г. исследователи начинают активно искать альтернативные им варианты, потому что далеко не все зарубежные источники индексируются в РИНЦ [1]. В частности, исследователи обращают внимание на открытые информационные

ресурсы (OpenAlex, Google Scholar, The Lens, Dimensions, ScienceOpen, Base и т. п.). Для того, чтобы определить, какой из ресурсов позволит выполнять поставленные в библиометрических исследованиях задачи, авторы дают подробную сравнительную характеристику открытым базам данных с WoS и Scopus с точки зрения отражаемого контента (тип и источники данных, количественная характеристика общего числа записей, цитирований, авторов, индексируемых журналов), а также функциональных возможностей (полнота данных, наличие профилей автора и организации, широкий набор фильтров для поиска, возможности расширенного запроса, возможности выгрузки) [1].

Одним из открытых быстроразвивающихся ресурсов сегодня является платформа Dimensions, которая была разработана международной технологической компанией Digital Science и запущена в 2018 г. Следует отметить, что Dimensions – это больше чем информационный ресурс; это наукометрическая система, которая позволяет не только проводить поиск информации, но и на основании аналитических данных выявлять перспективные научные направления и определять вектор дальнейшего развития науки, таким образом, сочетая две базовые функции: поисковую и аналитическую.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В эпоху цифровых технологий создаются огромные массивы данных и растёт численное количество универсальных и отраслевых информационных ресурсов. В связи с чем появляются исследования, в которых анализируются возможности таких ресурсов (Google Scholar, Microsoft Academic, Crossref и т. п.), сравниваются с более известными источниками библиографических данных, такими как Scopus и WoS, определяются минусы и преимущества их использования. Освещаются проблемы, связанные с полнотой и ограничением данных цитирования. Анализируя этот аспект в своих исследованиях, авторы приходят к выводу, что все рассматриваемые ресурсы, включая Dimensions, страдают от проблем неполноты и неточности ссылок на цитирование, однако с точки зрения качества ссылок на цитирование более устойчивыми источниками данных являются Scopus и WoS [2].

Dimensions активно используется учёными и авторскими коллективами для проведения библиометрических исследований [3; 4; 5]. Рассматривается польза этого ресурса в работе библиотечных специалистов при поиске литературы и оказании консультационных услуг исследователям [6]. При этом отмечается, что применение Dimensions предоставляет доступ к широкому спектру исследований из разных областей знания, позволяя отслеживать существующие тенденции развития. На основании полученных выводов авторы считают Dimensions хорошей альтернативой Scopus и WoS и пророчат ресурсу большое будущее [7; 8; 9]. Результаты проводимых исследований свидетельствуют о высокой корреляции (0.96) между данными о цитированиях в Dimensions и Scopus, более того – 97% статей с DOI отражены в Dimensions [9]. Кроме того, авторы работы [10] уделяют внимание анализу охвата журналов, сравнивая количественное соотношение Dimensions с базами данных WoS и Scopus. Результаты исследования показали, что на платформе Dimensions отражено на 82,22%

больше журналов, чем в WoS, и на 48,17% больше, чем в Scopus. В перспективе дальнейшей стратегией развития Dimensions является расширение охвата материалов не только за счёт включения текстов на разных языках (помимо англоязычных), но и путём формирования базы исследований гуманитарных и социальных наук, а также интеграции большего числа монографий [7].

Актуальной темой остаётся открытый доступ к информации, авторы не обошли стороной изучение открытости данных, собираемых на платформе Dimensions. Результаты исследования [11] показали, что доля публикаций открытого доступа, индексируемых в Dimensions, выше, чем публикаций, индексируемых в WoS. При этом процент публикаций открытого доступа для Европы, Центральной Азии и Северной Америки схож с данными в WoS, тогда как для менее развитых регионов характерна обратная картина, что, по мнению авторов, может быть связано с тем, что организации этих стран не включены в систему GRID, которая применяется в Dimensions для стандартизации оформления аффилиации.

В качестве важных преимуществ использования Dimensions разные авторские коллективы отмечают следующие [1; 2; 7; 10; 11; 12]:

- 1) количественное превосходство индексируемых статей и их цитирований по сравнению с другими популярными наукометрическими системами (WoS и Scopus);
- 2) широкий охват журналов по сравнению с WoS и Scopus;
- 3) обеспечение доступа к разным исследовательским данным (гранты, патенты, научные данные, клинические испытания, политические документы, отчёты);
- 4) наличие бесплатной версии ресурса, что обеспечивает доступ к некоторой части собираемых на платформе данных для исследователей.

Отрицательные стороны использования Dimensions на практике [10; 11; 12; 13]:

- 1) включение препринтов может привести к манипуляциям с цитированием, т. к. учитываются цитаты на статьи, которые ещё не прошли рецензирование;
- 2) авторский охват несколько ниже, чем в других ресурсах (Google Scholar, Microsoft Academic), что может влиять на общий охват цитирования;
- 3) более низкий охват цитирования, по сравнению с Google Scholar и Microsoft Academic;
- 4) наличие проблем с аффилиацией в связи с использованием системы GRID для их стандартизации;
- 5) сложности с идентификацией и связыванием данных, например, для монографий и их отдельных глав.

Анализ источников свидетельствует о нарастающем интересе к Dimensions, авторы делают попытки сравнительного анализа, чтобы определить преимущества использования ресурса. Однако наблюдается осторожность при выполнении наукометрических исследований на основании данных Dimensions, что связано, на наш взгляд, с устоявшимся имиджем WoS и Scopus, а также пролонгированной подпиской среди научных организаций. Эти междисциплинарные

наукометрические системы за годы своего существования заслужили доверие среди учёных всего мира, тогда как Dimensions появился совсем недавно. Вследствие чего возникает вторая причина, которая связана с недостаточной апробацией возможностей Dimensions на практике при проведении библиометрических исследований.

Таким образом, целью статьи является изучение поисковых и аналитических возможностей ресурса Dimensions и определение некоторых перспектив его использования. В качестве основных задач в исследовании выступают оценка поисковых и аналитических возможностей Dimensions и выявление преимуществ его использования.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Dimensions является довольно молодым информационным ресурсом, на платформе которого размещена информация о миллионах научных публикаций, наборов данных, грантов, патентов, политических документов, а также о тысячах клинических исследований. На ноябрь 2024 г. количество собранных на платформе публикаций составило порядка 149 млн. Кроме того, на официальном сайте разработчик отмечает, что более 70% публикаций имеют полнотекстовую индексацию, что свидетельствует о том, что Dimensions продолжает развиваться как открытый ресурс, наращивая архивы полнотекстовых документов. Для оценки поисковых и аналитических возможностей Dimensions рассмотрена бесплатная версия базы данных, которая является доступной и открытой в России абсолютно для всех категорий пользователей. Именно поэтому практическая часть работы основана на функциональных возможностях этой версии Dimensions. Анализ проводился на основании поиска по ключевому слову “altmetrics”, при этом для уточнения запроса использовались дополнительные фильтры (по годам, видам публикаций, открытому доступу, автору, источнику и другим параметрам). Поисковый и аналитический функционал ресурса рассматривался исходя из исследовательских задач. В дополнение для сравнения бесплатной и подписной версий изучен функционал Dimensions Analytics.

ПОИСКОВЫЕ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ DIMENSIONS

Основными источниками для Dimensions являются данные крупных издательств, зарегистрированные в Grossref, и исследовательские данные, формируемые посредством идентификатора ORCID. Кроме того, в Dimensions стекается информация, собираемая такими крупными репозиториями, как PubMed, Figshare, arXiv, Pangaea, Dryad и др. Вся информация объединена в один связанный набор, что позволяет проводить поиск и изучать исследовательские данные разных научных учреждений. В основной массе индексируемых Dimensions документов большая часть – это статьи (80% от общего объёма документов), 10% – главы из книг, 6% – продолжающиеся издания, а также препринты (3%); монографии тоже включены в этот список, однако их количество на платформе Dimensions на текущий момент составляет порядка 1% от общего числа документов.

Следует отметить, что объём доступа к информации, поисковый и аналитический функционал Dimensions зависит от версии, которую использует учёный для выполнения собственных исследовательских задач. И Dimensions, как любой коммерческий ресурс, развивается в двух направлениях, предоставляя доступ без подписки (гостевой бесплатный доступ) и с оформлением подписки (коммерческое предложение на платной основе). Бесплатный доступ в сравнении с подписной версией, конечно, имеет определённые ограничения как поисковых, так и аналитических возможностей.

Поиск литературы является важной исследовательской задачей, которая требует от учёного определённых знаний и навыков работы с информационными ресурсами. Анализ поисковых возможностей Dimensions выявлялся на основании поиска по ключевому слову “altmetrics”. В результате поиска были найдены 15 898 публикаций, 490 наборов данных, 59 патентов, 82 гранта и 208 политических документов. Однако необходимо учитывать, что в бесплатной версии Dimensions есть ограничения по объёму данных, поэтому доступ предоставляется только к двум типам данных (публикации и наборы данных). Для уточнения результатов поиска публикаций можно использовать такие фильтры, как год публикации, исследователь, категории исследований, тип публикации, название источника, наименование журнала, открытый доступ. Ретроспектива публикаций на платформе Dimensions достаточно глубокая – с 1665 г. Хронология исследовательской базы Dimensions по тематическому запросу “altmetrics” составила 1970–2024 гг. Учитывая, что точкой отсчёта по официальной версии появления альтметрии считаются 2010-е гг. [14], мы провели качественный анализ полученных результатов. Так, среди полученных результатов выявлены единичные публикации 1970–1980-х гг. нерелевантные нашему запросу, которые не связаны с термином “altmetrics” в интерпретации альтметрии как способа измерения внимания в Интернете и влияния результатов исследований на основе реакций и упоминаний в социальных сетях, СМИ и политических документах [15]. Согласно релевантным данным, альтметрические исследования начинают появляться с 2009 г. В связи с чем запрос был уточнён с использованием фильтров по году публикации – 15 823 публикации (2009–2024 гг.), среди которых 75% – статьи, на втором месте по числу документов – главы из книг (12%), далее по убыванию: 7% – препринты, 3% – отредактированные издания, 2% – продолжающиеся издания, 1% – монографии.

Пик альтметрических исследований приходится на 2020 г., в этом году Dimensions зафиксировано 2220 публикаций. Открытых альтметрических исследований на платформе собрано порядка 59%. Более того, с применением аналитического функционала, который встроен в Dimensions, можно быстро визуализировать полученные результаты за выбранный временной период в виде диаграммы без использования какого-либо другого инструмента для этой цели (рис. 1).

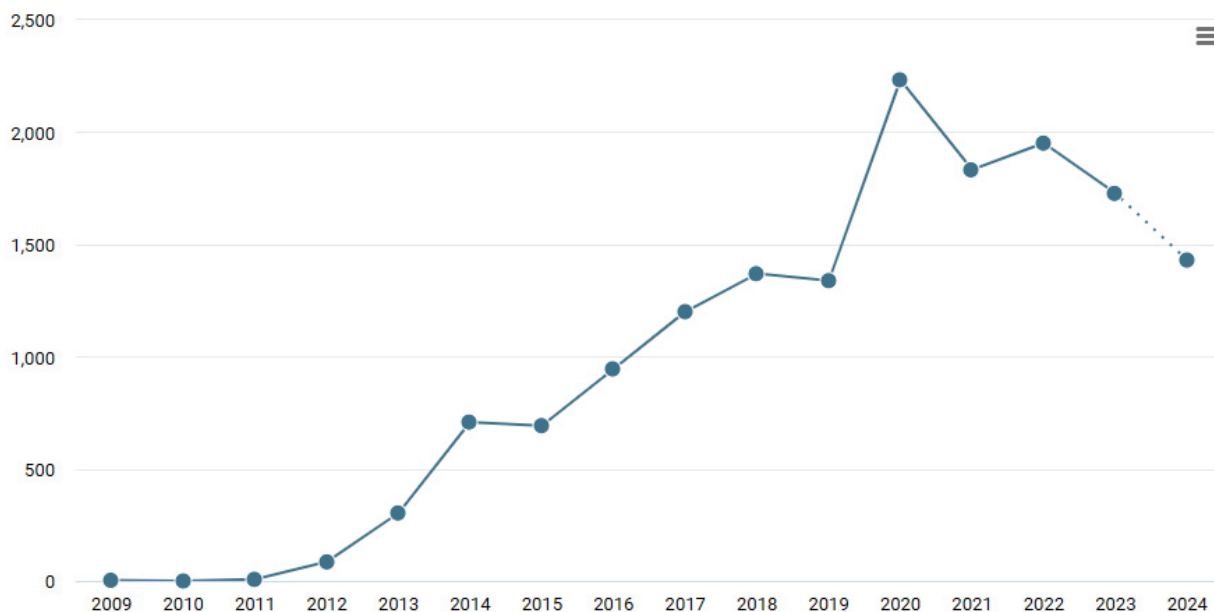

Рис. 1. Количество публикаций по альтметрии, проиндексированное в Dimensions с 2009 по 2024 г

Fig. 1. The number of publications on altmetrics indexed in Dimensions from 2009 to 2024

Для того, чтобы провести более подробный анализ, нужно раскрыть вкладку «Аналитика», где даётся подробный количественный анализ всем категориям исследований на основании показателей: Pubs – количество публикаций, Citas – количество цитирований, Citas mean – среднее число цитирований. Классификация данных может осуществляться по областям исследований или по результатам достижения целей устойчивого развития. Следует отметить, что значительный массив представлен публикациями двух смежных областей научного знания: «Информационные и вычислительные науки» (6336 публикаций / 85 608 цитирований / 13,51 – среднее число цитирований) и «Библиотечное дело и информационные исследования» (5281 публикаций / 71 174 цитирований / 13,48 – среднее число цитирований). Количественные данные также представлены визуально в виде диаграммы для областей, в которых эти направления исследований наиболее популярны, и результатов исследований, достигнувших целей устойчивого развития.

Изучением этого направления занимались разные исследователи. В десятке авторов, которые активно проводили альтметрические исследования, учёные Великобритании, Германии, Нидерландов, Испании и Канады (табл. 1). Ведущим автором в этом тематическом аспекте является Майк Телуолл, им опубликовано порядка 145 публикаций (с 2012 по 2024 г.) в таких категориях, как «Информационные и вычислительные науки», «Библиотечное дело и информатика», «Язык, коммуникация и культура», «Исследования в области коммуникаций и СМИ» и т. д. Для детализации публикационной активности автора достаточно перейти к его странице, где представлены следующие аналитические данные: обзор цитирований публикаций учёного, соавторы, которые принимали совместное участие в исследованиях, список источников,

в которых статьи по альтметрии были опубликованы или размещены (Journal of the Association for Information Science and Technology, Scientometrics, arXiv, Journal of Informetrics, Quantitative Science Studies и т. д.).

Таблица 1

Топ-10 учёных, активно занимающихся альтметрическими исследованиями

Table 1

Top 10 researchers actively engaged in altmetric studies

№	ФИО	Страна	Организация	Количество публикаций	Количество цитирований
1	Thelwall Mike	Великобритания	Университет Вулвергемптона	145	8509
2	Bornmann Lutz	Германия	Общество Макса Планка	114	3314
3	Costas Rodrigo	Нидерланды	Лейденский университет	80	3054
4	Haunschild Robin	Германия	Институт исследований твёрдого тела Макса Планка	67	1321
5	Peters Isabella	Германия	Немецкая национальная экономическая библиотека	56	1304
6	Orduna-Malea Enrique	Испания	Политехнический университет Валенсии	52	1880
7	Torres-Salinas Daniel	Испания	Университет Гранады	51	484
8	Haustein Stefanie	Канада	Университет Оттавы	49	3722
9	Kousha Kayvan	Великобритания	Университет Вулвергемптона	46	1647
10	Hassan Saeed-UI	Великобритания	Городской университет Манчестера	41	988

Важным направлением развития Dimensions является реализация командой Digital Science сервисов с применением искусственного интеллекта (ИИ). Кристиан Херцог (директор по продуктам Digital Science и соучредитель Dimensions) отмечает, что «ответственно используя технологию ИИ, мы можем ускорить исследования, чтобы внести позитивные изменения в мир» (пер. наш. — О. У.)¹. На платформе Dimensions для построения и визуализации библиометрических данных используются различные программные продукты. В частности, для визуализации сети соавторов и их цитирования используется инструмент VOSviewer Online, который позволяет проводить анализ соавторства и совместного цитирования. На рис. 2 представлена сеть соавторов, осуществляющих альтметрические исследования: Майк Телуолл – 84 соавтора, Лutz Борнманн – 95 соавторов, Родриго Костас – 110 соавторов.

¹ Artificial Intelligence // Dimensions. URL: <https://www.dimensions.ai/products/artificial-intelligence/> (дата обращения: 20.09.2024).

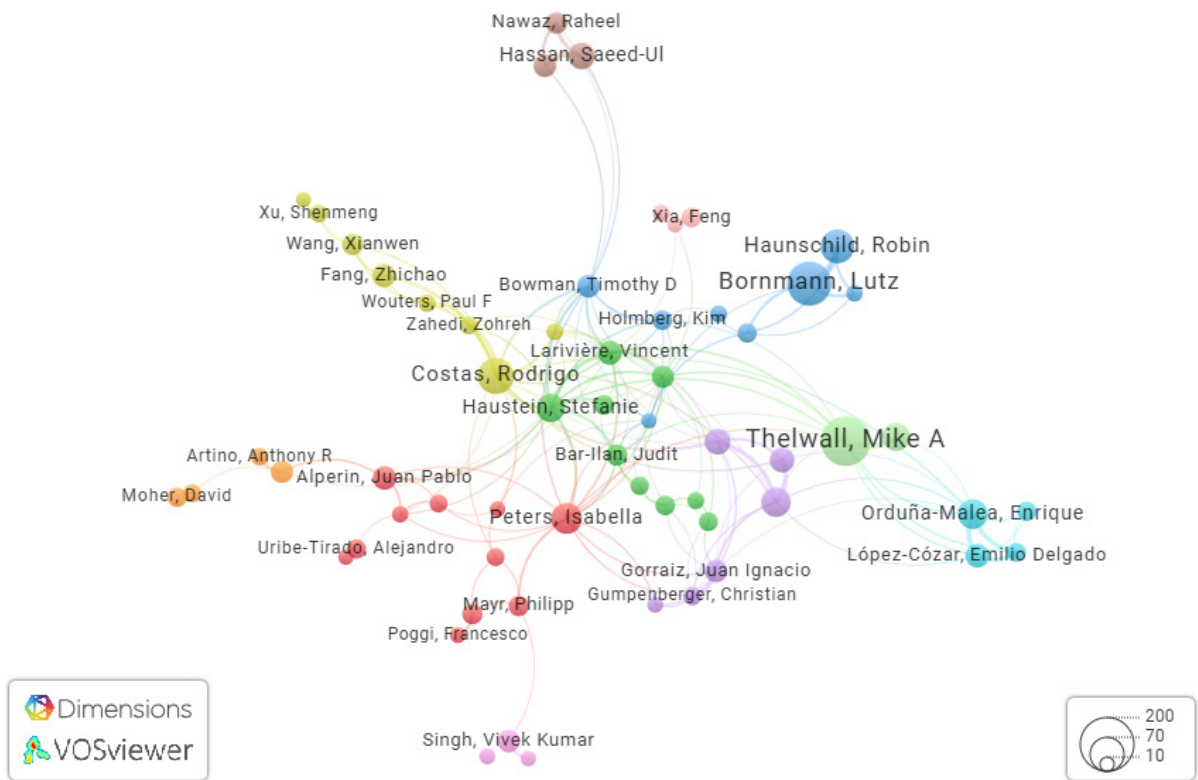

Рис. 2. Сеть 100 соавторов, осуществляющих альтметрические исследования, по данным Dimensions с 2009 по 2024 г. с применением инструмента VOSviewer Online
Fig. 2. A network of 100 co-authors performing altmetric studies, according to Dimensions data from 2009 to 2024 with the application of the VOSviewer Online tool

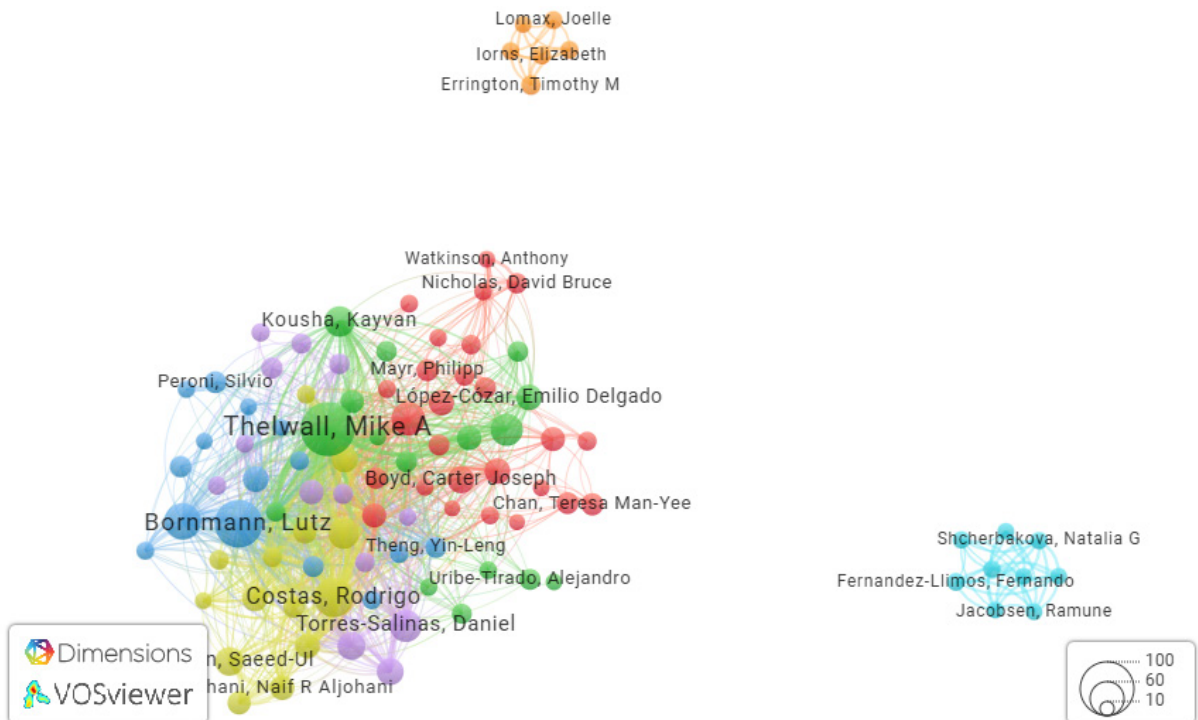

Рис. 3. Сеть цитирований 100 авторов, осуществляющих альтметрические исследования, по данным Dimensions с 2009 по 2024 г. с применением инструмента VOSviewer Online
Fig. 3. A network of citations of 100 authors performing altmetric studies, according to Dimensions data from 2009 to 2024 with the application of the VOSviewer Online tool

Полезным для исследователей является список названий источников, где были опубликованы научные результаты по изучаемой области; этот список можно использовать в качестве базы для ответа на вопрос о том, где публиковать и размещать собственные результаты исследований (статьи, препринты, научные данные). Оценить, где опубликованы результаты научных исследований и как они цитируются, позволит аналитическая информация Dimensions. Для этого достаточно открыть вкладку со списком источников, в которых были опубликованы результаты исследований в рамках конкретного тематического направления.

В качестве примера представлен список журналов (табл. 2) в порядке убывания общего количества публикаций, а также число цитирований, где лидерами по опубликованию альтметрических исследований являются следующие журналы:

- **Scientometrics** (издательства: Springer Science+Business Media, Akadémiai Kiadó) имеет гибридную модель доступа, в нём освещаются наукометрические исследования, а также содержатся рецензии и обзоры моноизданий; в 2023 г. пятилетний импакт-фактор журнала составил 3,8;
- **Nature** (издательство: Nature Portfolio (ранее известная как Nature Publishing Group и Nature Research) публикует исследования естественно-научной тематики в рамках «золотой» модели доступа; импакт-фактор журнала в 2023 г. – 54,4;
- **Journal of Informetrics** (издательство: Elsevier) большое внимание уделяет количественным исследованиям (библиометрия, наукометрия, вебометрия, альтметрика и т. д.); импакт-фактор журнала в 2023 г. – 1,36.

А при публикации препринтов авторы, как правило, выбирают в качестве места размещения arXiv.

Таблица 2

Топ-10 журналов, в которых публикуются альтметрические исследования

Table 2

Top 10 journals that publish altmetric studies

№	Название источника	Количество публикаций	Количество цитирований
1	Scientometrics	564	13 655
2	Nature	344	2463
3	SSRN Electronic Journal	160	276
4	Journal of Informetrics	159	6523
5	PLOS One	137	5859
6	Journal of the Association for Information Science and Technology	126	6690
7	Lecture Notes in Computer Science	118	403
8	The New England Journal of Medicine	102	68 232
9	Learned Publishing	83	1501
10	Journal of Plastic, Reconstructive & Aesthetic Surgery	71	164

Помимо публикаций в бесплатной версии Dimensions по поиску ключевого слова “altmetrics” доступны данные (490 наборов данных). Для уточнения результатов можно использовать такие фильтры, как год публикации, исследователь (который разместил данные), категории исследований, название источника и репозитории, где размещены данные. В карточке набора данных представлена полная информация о нём и указаны следующие сведения: когда и кем созданы данные, аннотация, DOI, место хранения набора, лицензия распространения (CC BY, CC BY-SA, CC BY-ND, CC BY-NC, CC BY-NC-SA, CC BY-NC-ND). Наличие информации о лицензии распространения набора данных позволяет определить, на каких условиях можно делиться данными (указание авторства, ссылка на лицензию, обозначение вносимых изменений и т. д.), в частности, имеется ли возможность адаптировать данные в коммерческих целях. Набор данных представлен в HTML-формате, что позволяет познакомиться с ним онлайн на страницах Dimensions, а можно скачать файл на персональный компьютер.

Dimensions сегодня – это не просто информационная система, на платформе которой можно провести поиск разных типов данных, но ещё и определённый набор сервисных возможностей, которые позволяют пользователям быстро анализировать полученные результаты поиска и сохранять их в собственную библиотеку. Интересным сервисом является «Chat with PDF», выполненный на основе технологий искусственного интеллекта, который может помочь исследователю ускорить анализ большого количества публикаций. Единственным неудобством является то, что для осуществления анализа статьи с применением этого сервиса сначала необходимо загрузить полный текст на персональный компьютер. И только после этого открыть этот вариант текста с использованием сервиса и начать работу в чате, формируя основные интересующие подробности исследования, например, методика исследования, цель исследования, основные результаты, а также можно посмотреть постраничное содержание статьи или для удобства просмотра обратиться к оглавлению содержания публикации. В качестве плюсов ещё следует отметить то, что запросы и ответы в чате формулируются на русском языке, что очень удобно при использовании сервиса для русскоязычных пользователей.

На страницах Dimensions ведётся сбор данных о цитировании публикаций. Для демонстрации количества цитирований разработчики создали значок Dimensions Badge, который могут использовать как учёные, так и издатели. Сегодня этот сервис уже активно применяется на платформах многих журналов и страницах сайтов учёных и организаций, в которых они работают. Примером могут служить портфолио сотрудников научного проекта «Открытая наука в лицах» (<https://lib-os.ru/portfolio/>), где размещается информация о деятельности сотрудников научного проекта «Разработка модели функционирования научной библиотеки в информационной экосистеме открытой науки». Для отслеживания влияния публикаций наших сотрудников используется значок Dimensions Badge, который отражает количество цитирований, полученных этими работами. Такая форма представления является достаточно наглядной и удобной, что позволяет быстро оценить, насколько интересно конкретное исследование научному сообществу. Подробную информацию и сам код для встраивания значка можно посмотреть на странице официального сайта Dimensions.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ФУНКЦИОНАЛ DIMENSIONS ANALYTICS

Dimensions Analytics можно использовать, чтобы отслеживать весь жизненный цикл исследования, начиная от финансирования идеи (на основании данных о грантах) до получения результата в виде публикаций и их воздействия, которое проиллюстрировано на основании цитирования и данных альтметрик. Digital Science для поддержки некоммерческих наукометрических исследовательских проектов предлагают бесплатный доступ к данным Dimensions Analytics, а также к платным сервисам, таким как API Dimensions. Для того, чтобы получить доступ к перечисленным ресурсам и сервисам, достаточно пройти по ссылке (<https://www.dimensions.ai/scientometric-research/>) и заполнить форму заявки на предоставление бесплатного доступа к данным. Кристиан Херцог, Дэниел Хук и Стейси Конкиел подробно описывают все возможности, которые получают исследователи при использовании такой версии Dimensions [7]. В частности, поиск может осуществляться по всему объёму данных в Dimensions Analytics, включая публикации, патенты, гранты, наборы данных, клинические испытания и политические документы. Однако на сегодняшний день эта возможность российским исследователям не предоставляется: при обращении в службу поддержки Dimensions нами был получен отказ в предоставлении бесплатного доступа, основной причиной которого является сложившаяся геополитическая ситуация. Поэтому оценка возможностей Dimensions Analytics нами была осуществлена на основании информации о продуктах Digital Science на официальном сайте Dimensions (<https://www.dimensions.ai/products/all-products/>). После сравнительной оценки поиска и аналитического функционала бесплатной и подписной версий Dimensions была составлена табл. 3.

Искусственный интеллект активно развивается в разных сферах человеческой деятельности, в том числе возможности ИИ используются для стимулирования процесса исследовательской деятельности. Большое внимание возможностям ИИ уделяет и Digital Science. Над разработкой Dimensions и улучшением функциональных возможностей и сервисов на базе ИИ совместно с Digital Science трудится ряд компаний: Symplectic, ReadCube, Figshare, Altmetric, Digital Science Consultancy и ÜberResearch. На текущий момент уже запущены и предлагаются к использованию платные сервисы, которые направлены на помощь исследователям в решении некоторых рабочих процессов, связанных с обработкой данных Dimensions. Одним из таких сервисов является Research GPT, который представляет собой адаптированную версию опыта ChatGPT. Этот сервис позволяет получать ответы на вопросы на основании исследовательских данных Dimensions, сопровождая каждый ответ ссылками на источник. Ещё один платный сервис – AI Summarization, при использовании функционала которого можно не только упрощать поиск информации, но и сравнивать сразу несколько работ на основании их ключевых идей, что может позволить исследователю экономить время на чтение большого количества аннотаций. Использование другого сервиса – API для импорта данных в системы CRIS – связано с перенесением информации из Dimensions в информационные системы текущих исследований, функционирующие на базе программного обеспечения: Elements, DSpace, ePrints, Pure, Converis, Interfolio, Academic Analytics.

Итак, в бесплатной версии ограничен набор поисковых элементов. Уточнить результаты поиска можно только по годам, авторам, категориям исследований, типу публикации, названию источника, списку журналов и открытости доступа. Кроме того, в бесплатной версии ограничена работа с логическими операторами. Есть ограничения и по объёму данных: если в подписной версии доступ предоставляется ко всем данным (публикациям, патентам, грантам, наборам данных, клиническим испытаниям и политическим документам), то в бесплатной – только к публикациям и наборам данных. В качестве положительного момента следует отметить, что на доступ к полным текстам это не влияет. Доступ к текстам публикаций и наборов данных в бесплатной версии предоставляется в полном объёме.

Аналитические возможности бесплатной версии также ограничены и предоставляют только базовые количественные характеристики (общее число публикаций и их цитирований в разных областях науки, хронология развития тематики исследований, оценка публикационной активности авторов исследований). Если профиль организации не зарегистрирован, в бесплатной версии нельзя посмотреть все данные по конкретному учреждению. В том числе нет возможности уточнить запрос по конкретной стране, что является минусом для проведения библиометрических исследований. Только в платной версии доступна панель инструментов для мониторинга воздействия публикации (цитирования, Altmetric), где можно проводить сравнительный анализ публикаций, используя показатели, собираемые Altmetric, и цитирования.

В бесплатной версии Dimensions у зарегистрированного пользователя отсутствует возможность формирования панели «Избранное» и её настройки под собственные исследовательские задачи. На этапе сохранения результатов поиска есть ограничения и по экспорту данных: в бесплатной версии – это 500 записей, в платной – от 5000 до 50 000 записей. И наконец, только на платной основе предоставляются разработанные Digital Science сервисы: Research GPT, AI Summarization, API для импорта.

Таблица 3

Возможности бесплатного и подписного видов доступа в Dimensions

Table 3

Functionalities of free and fee-based access to Dimensions

Dimensions (бесплатный доступ)	Dimensions Analytics (подписка)
Ограниченный набор поисковых элементов (годы, авторы, категории исследований, тип публикации, название источника, список журналов, открытый доступ)	Расширенный набор поисковых элементов (возможность использования различных логических операторов)
Ограниченный объём данных (публикации и наборы данных)	Полный объём данных (публикации, патенты, гранты, наборы данных, клинические испытания и политические документы)
Доступ к полным текстам	Доступ к полным текстам
Ограниченные аналитические возможности по представлению развития мирового научного знания	Расширенный аналитический функционал для оценки развития мирового научного знания
Индикаторы оценки воздействия публикаций (цитирования, Altmetric)	Панель инструментов для мониторинга воздействия публикации (цитирования, Altmetric)

Продолжение Табл. 3 см. на стр. 129

Продолжение Табл. 3

Dimensions (бесплатный доступ)	Dimensions Analytics (подписка)
Параметры экспорта: максимум 500 записей на загрузку	Доступ к Dimensions Research GPT
	Функция AI Summarization (обобщает несколько работ сразу, извлекая их ключевые идеи)
	Специализированный API сервис для импорта данных в системы CRIS
	Добавление выбранных записей в библиотеку (закладки)
	Параметры экспорта: от 5000 до 50 000 записей на экспорт

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Dimensions сегодня является информационным ресурсом, который имеет большие перспективы развития, в том числе для его применения в России. Результаты анализа поисковых возможностей Dimensions показали, что в бесплатной версии можно найти научные статьи и наборы данных, а также при условии наличия платного варианта – получить доступ к грантам, патентам и другим документам открытого доступа. В качестве перспективных функциональных возможностей Dimensions, которые позволят проводить исследовательскую работу быстро и эффективно, можно выделить:

- богатый аналитический функционал Dimensions, который способствует получению мгновенных аналитических данных на основе исходных исследований;
- возможность поиска экспертов/исследователей: определение организаций и учёных, работающих в определённой области;
- выявление перспективных направлений для развития дальнейшей исследовательской работы, в частности, по результатам активно развивающихся направлений исследований и грантовой деятельности, что способствует реализации прогностической функции системы при реализации её возможностей;
- формирование кейса учёного на платформе Dimensions способствует сбору данных в одном месте и при условии работы с профилем и постоянной актуализации информации в нём – дальнейшему продвижению собственного имиджа в Сети;
- наличие аналитической информации, которая позволит оперативно выявить список журналов для опубликования результатов собственных исследований в определённой области знания;
- возможность использовать бесплатные сервисы на базе искусственного интеллекта, которые способствуют быстрому анализу публикаций.

Однако при использовании бесплатной версии следует понимать, что это лишь часть всех перечисленных возможностей, их сокращённый вариант. Более того, имеющиеся ограничения относительно фильтрации источников по географическому принципу (в бесплатной версии) существенно сужают возможности использования Dimensions, особенно при проведении наукометрических исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гуреев В. Н., Ильичёва И. Ю., Мазов Н. А. Профили авторов и организаций в информационных системах Dimensions и Lens: исследование возможностей // Научные и технические библиотеки. 2023. № 10. С. 138–170. DOI 10.33186/1027-3689-2023-10-138-170. EDN GSXDZS.
2. Visser M. S., van Eck N. J., Waltman L. Large-scale comparison of bibliographic data sources: Scopus, Web of Science, Dimensions, Crossref, and Microsoft Academic // Quantitative Science Studies. 2021. Vol. 2, № 1. P. 20–41. DOI 10.1162/qss_a_00112.
3. Чванова М. С., Киселёва И. А., Подлесный Д. В. Международный опыт интернет-социализации молодёжи и их профессионально-ориентированного общения в социальных сетях // Перспективы науки и образования. 2023. № 4 (64). С. 705–723. DOI 10.32744/pse.2023.4.43. EDN YBXYXH.
4. Шеленаева А. Х. Управление цифровой трансформацией в системе высшего образования: мировая практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2023. Т. 22, № 4. С. 580–604. DOI 10.21638/11701/spbu08.2023.406. EDN CGWFZM.
5. Führ F., Bisset Alvarez E., Araújo P. C. de. Producción científica sobre Ciencias de la Información y Humanidades Digitales indexada en las bases de datos Dimensions, Scopus y Web of Science // Anales de Documentación. 2021. Vol. 24, № 2. DOI 10.6018/analesdoc.480201.
6. Petersen D. Dimensions: A research tool for librarians // Journal of Electronic Resources in Medical Libraries. 2022. Vol. 19, № 3. P. 94–100. DOI 10.1080/15424065.2022.2113348.
7. Herzog C., Hook D., Konkiel S. Dimensions: Bringing down barriers between scientometricians and data // Quantitative Science Studies. 2020. Vol. 1, № 1. P. 387–395. DOI 10.1162/qss_a_00020.
8. Google Scholar, Microsoft Academic, Scopus, Dimensions, Web of Science, and OpenCitations' COCI: A multidisciplinary comparison of coverage via citations / A. Martín-Martín, M. Thelwall, E. Orduna-Malea, E. Delgado López-Cózar // Scientometrics. 2021. Vol. 126, № 1. P. 871–906. DOI 10.1007/s11192-020-03690-4.
9. Thelwall M. Dimensions: A competitor to Scopus and the Web of Science? // Journal of Informetrics. 2018. Vol. 12, № 2. P. 430–435. DOI 10.1016/j.joi.2018.03.006.
10. The journal coverage of Web of Science, Scopus and Dimensions: A comparative analysis / V. K. Singh, P. Singh, M. Karmakar [et al.] // Scientometrics. 2021. Vol. 126, № 6. P. 5113–5142. DOI 10.1007/s11192-021-03948-5.
11. The effect of data sources on the measurement of open access: A comparison of Dimensions and the Web of Science / I. Basson, M.-A. Simard, Z. A. Ouangré [et al.] // PLOS One. 2022. Vol. 17, № 3. Art. e0265545. DOI 10.1371/journal.pone.0265545.
12. Harzing A.-W. Two new kids on the block: How do Crossref and Dimensions compare with Google Scholar, Microsoft Academic, Scopus and the Web of Science? // Scientometrics. 2019. Vol. 120, № 1. P. 341–349. DOI 10.1007/s11192-019-03114-y.
13. Hook D. W., Porter S. J., Herzog C. Dimensions: Building context for search and evaluation // Frontiers in Research Metrics and Analytics. 2018. Vol. 3. Art. 23. DOI 10.3389/frma.2018.00023.
14. Priem J., Taraborelli D., Groth P., Neylon C. Altmetrics: A manifesto // Altmetrics. 2010. October 26. URL: <http://altmetrics.org/manifesto/> (дата обращения: 20.09.2024).
15. Taylor M. An altmetric attention advantage for open access books in the humanities and social sciences // Scientometrics. 2020. Vol. 125, № 3. P. 2523–2543. DOI 10.1007/S11192-020-03735-8.

REFERENCES

1. Gureyev V. N., Ilicheva I. Yu., Mazov N. A. Author and organization profiles in Dimensions and Lens information systems: The study of functionality. *Scientific and Technical Libraries*. 2023;(10):138–170. (In Russ.). DOI 10.33186/1027-3689-2023-10-138-170.
2. Visser M. S., van Eck N. J., Waltman L. Large-scale comparison of bibliographic data sources: Scopus, Web of Science, Dimensions, Crossref, and Microsoft Academic. *Quantitative Science Studies*. 2021;2(1):20–41. DOI 10.1162/qss_a_00112.
3. Chvanova M. S., Kiseleva I. A., Podlesny D. V. International experience of Internet socialization of young people and their professionally oriented communication on social networks. *Perspectives of Science and Education*. 2023;(4):705–723. (In Russ.). DOI 10.32744/pse.2023.4.43.
4. Shelepaeva A. Kh. Management of digital transformation in the system of higher education: Global practice. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*. 2023;22(4):580–604. (In Russ.). DOI 10.21638/11701/spbu08.2023.406.
5. Führ F., Bisset Alvarez E., Araújo P. C. de. Producción científica sobre Ciencias de la Información y Humanidades Digitales indexada en las bases de datos Dimensions, Scopus y Web of Science. *Anales de Documentación*. 2021;24(2). DOI 10.6018/analesdoc.480201.
6. Petersen D. Dimensions: A research tool for librarians. *Journal of Electronic Resources in Medical Libraries*. 2022;19(3):94–100. DOI 10.1080/15424065.2022.2113348.
7. Herzog C., Hook D., Konkiel S. Dimensions: Bringing down barriers between scientometricians and data. *Quantitative Science Studies*. 2020;1(1):387–395. DOI 10.1162/qss_a_00020.
8. Google Scholar, Microsoft Academic, Scopus, Dimensions, Web of Science, and OpenCitations' COCI: A multidisciplinary comparison of coverage via citations / A. Martín-Martín, M. Thelwall, E. Orduna-Malea, E. Delgado López-Cózar. *Scientometrics*. 2021;126(1):871–906. DOI 10.1007/s11192-020-03690-4.
9. Thelwall M. Dimensions: A competitor to Scopus and the Web of Science? *Journal of Informetrics*. 2018;12(2):430–435. DOI 10.1016/j.joi.2018.03.006.
10. Singh V. K., Singh P., Karmakar M., Leta J., Mayr P. The journal coverage of Web of Science, Scopus and Dimensions: A comparative analysis. *Scientometrics*. 2021;126(6):5113–5142. DOI 10.1007/s11192-021-03948-5.
11. Basson I., Simard M.-A., Ouangré Z. A., Sugimoto C. R., Larivière V. The effect of data sources on the measurement of open access: A comparison of Dimensions and the Web of Science. *PLOS One*. 2022;17(3):e0265545. DOI 10.1371/journal.pone.0265545.
12. Harzing A.-W. Two new kids on the block: How do Crossref and Dimensions compare with Google Scholar, Microsoft Academic, Scopus and the Web of Science? *Scientometrics*. 2019;120(1):341–349. DOI 10.1007/s11192-019-03114-y.
13. Hook D. W., Porter S. J., Herzog C. Dimensions: Building context for search and evaluation. *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. 2018;3:23. DOI 10.3389/frma.2018.00023.
14. Priem J., Taraborelli D., Groth P., Neylon C. Altmetrics: A manifesto. *Altmetrics*. 2010. October 26. Available at: <http://altmetrics.org/manifesto/> (accessed: 20.09.2024).
15. Taylor M. An altmetric attention advantage for open access books in the humanities and social sciences. *Scientometrics*. 2020;125(3):2523–2543. DOI 10.1007/S11192-020-03735-8.

Поступила в редакцию / Received 03.12.2024.
Одобрена после рецензирования / Revised 10.01.2025.
Принята к публикации / Accepted 03.03.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ударцева Ольга Михайловна *udartseva@spsl.nsc.ru*

Кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник отдела научных исследований открытой науки, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

SPIN-код: 8692-7340

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga M. Udartseva *udartseva@spsl.nsc.ru*

Candidate of Pedagogy, Senior Researcher, Department of Scientific Research of Open Science, State Public Scientific Technological Library, SB RAS, Novosibirsk, Russia

ORCID: 0000-0002-6491-0412

Scopus Author ID: 57204553382

Web of Science ResearcherID: I-9589-2018

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.9

EDN: ULLYKR

Научная статья

Research article

ИЗ ИСТОРИИ НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ КЛАССИФИКАЦИЙ ЦИТИРОВАНИЙ. ПЕРВЫЕ ДВЕ РАБОТЫ И РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ. ЧАСТЬ 2

**Лазарев
Владимир Станиславович¹**

¹ Белорусский национальный технический университет,
Минск, Беларусь

Для цитирования: Лазарев В. С. Из истории наукометрических классификаций цитирований. Первые две работы и русскоязычные публикации. Часть 2 // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 133–146. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.9. EDN ULLYKR.

Аннотация. Видимое многообразие мотиваций цитирования и представление о возможных различиях в его функциях уже в 60-е гг. XX в. (т. е. на заре появления инструментария под названием “Science Citation Index”) привели к появлению первых попыток наукометрических классификаций цитирований, которые создавались исходя из предположения, что их применение позволит получать более точные данные как о характеристиках цитированных документов, так и о самой природе научного цитирования, и которые помогут совершенствовать информационный поиск. Создание подобных классификаций рассмотрено здесь в контексте необходимости правильного понимания отражения свойств научных документов их цитируемостью. В данной работе проанализированы русскоязычные статьи данной тематики, опубликованные в период с 1968 по 1975 г.

Ключевые слова: наукометрические классификации цитирований, мотивация цитирования, функции цитирования, причина цитирования, использование научного документа, ценность научного документа, качество научного документа, «импакт»

FROM THE HISTORY OF SCIENTOMETRIC CITATION CLASSIFICATIONS. THE FIRST TWO WORKS AND RUSSOPHONE PUBLICATIONS. PART 2

Vladimir S. Lazarev¹

¹Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

For citation: Lazarev V. S. From the history of scientometric citation classifications. The first two works and Russophone publications. Part 2. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):133–146. (In Russ.). DOI 10.19181/smt.2025.7.1.9.

Abstract. The apparent diversity of citation motivations and the idea of possible differences in citation functions led to the first attempts at scientometric classifications of citations as early as in the 1960s (i.e. at the dawn of the appearance of a toolkit called the Science Citation Index). These classifications were developed based on the assumption that their application would make it possible to obtain more accurate data on both characteristics of cited documents and the very nature of scientific citation. They were also supposed to help refine information retrieval. The creation of such classifications is considered here in the context of the need for a correct understanding of the reflection of the properties of scientific documents by their citedness. In this work, the Russian-language articles on this topic published in the period from 1968 to 1975 are analyzed.

Keywords: scientometric citation classifications, citation motivation, citation functions, cause for citation, scientific document use, scientific document value, scientific document quality, “impact”

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ВЕТВЬ РАБОТ ПО НАУКОМЕТРИЧЕСКИМ КЛАССИФИКАЦИЯМ ССЫЛОК

На фоне двух рассмотренных в предыдущем разделе [1] публикаций начали развиваться соответствующие события и в русскоязычной научной литературе. Так, в 1968 г. была опубликована небольшая работа философа А. И. Уёмова [2], который, по-видимому, первым среди русскоязычных авторов озаботился вопросом о смысловой неоднородности ссылок и выразил мнение о желательности их дифференцированного учёта. Понимая, что с помощью метода «цитат-анализ» «можно решать как проблему ценности научных работ, так и многие вопросы, связанные с определением структуры системы публикаций в той или иной отрасли науки в целом и с определением взаимосвязей между различными научными направлениями» [2, с. 34], А. И. Уёмов утверждал, что «эффективность указанного метода резко возрастёт, если будет учитываться тип ссылок» и предложил «следующую классификацию ссылок: нейтрально-информационные, критические, творческие» [Там же]. Определений названным классам не даётся, однако классификация интуитивно понятна

на фоне замечания о «нейтрально информационных» ссылках, которые возникают «просто потому, что они (цитируемые работы. – В. Л.) относятся к теме исследования автора» [Там же]. Достоинством классификации представляется её простота; следует также отметить остроумный подход к учёту ссылок различных классов на одну и ту же работу, при котором при оценке цитированных работ ссылки одного класса «поглощают» ссылки другого класса: «наличие нейтрально информационной ссылки одновременно с творческой не препятствует признанию того, что в целом работа *использована* творчески. Наличие нейтральной ссылки также не препятствует критическому характеру¹ работы (второе правило). Наибольшее сомнение может быть связано с третьим правилом. Однако в данном случае одна противоположность преодолевает другую. Наличие критики не ослабевает, а наоборот усиливает творческий характер *использования* источника. Поэтому разумно принять и третье правило <поглощения. – В. Л.>» [2, с. 36] (курсив мой. – В. Л.²).

Однако похоже, что у рассматриваемого автора было достаточно противоречивое отношение к «критическим» ссылкам. С одной стороны – имеется его признание о том, что «[н]аличие критики не ослабевает, а наоборот усиливает творческий характер использования источника» [Там же], которое можно воспринять и как признание способности авторов использовать выполняемые критические разборы чужих работ для лучшей аргументации собственных идей, оттачивания аргументирующих формулировок [3, с. 12]. Но тогда получается, что «критическая» ссылка – просто разновидность ссылки «творческой», а из текста А. И. Уёмова это не следует. По-видимому, в принципе, возможны и другие догадки об отношении данного автора к «критическим» ссылкам: его формулировки попросту недоработаны. Вполне возможно, что речь у него идёт и о «чистой» критике, «критике ради критики» (явление достаточно редкое [4, р. 361], хотя в обзорных текстах и встречающееся), и о той критике, которая стимулирует собственное научное творчество...

При всей подкупающей простоте и интуитивной понятности данной классификации (с вызывающими досаду оговорками, приведёнными выше) её восприятие остаётся полностью умозрительным: никаких примеров конкретных исследований с её использованием автор не приводит. Неизвестны и его дальнейшие работы, которые развивали бы цитируемую. При сравнительной простоте классификации всё же не уйти и от проблемы кропотливости необходимых работ, высоких квалификационных к ним требований – пусть речь и идёт всего лишь о трёх классах без погружения в чрезмерную детализацию. Но, как пишет сам автор, если «[д]ля установления факта наличия ссылки не требуется никакой квалификации», то «классифицировать ссылку труднее» [2, с. 34]. А каких-либо апостериорных доказательств того, что игра стоит свеч, им не приводится. Заметим – и это важно – что из формулировок автора (сноска 2) можно заключить, что выделенные им классы представляют собой частные случаи использования.

¹ Полагаю, чётче было бы: «критическому отношению к работе» (цитируемого автора).

² В коротком цитируемом фрагменте А. И. Уёмов дважды говорит об использовании цитируемых документов.

Резюмируя разбор данной работы, следует также выразить сожаления о её недоработанных формулировках, поскольку – в сравнении с последующими работами, как это будет видно из дальнейшего, – эта работа выглядит весьма здравомысленной и перспективной. Так, автор [2]

- по существу уточнял характер использования, отражаемого цитируемостью, а не подменял его ворохом частных причин или поводов цитирования³;
- предложил максимально простую классификацию, дающую надежду на возможность её практического применения;
- предложил остроумное «правило поглощения», в котором, как представляется, отображается верное понимание сущности цитирования. (Плохо, что оно описано недостаточно чётко, не вполне разборчиво, но это в какой-то степени присуще всей его работе.)

Названные достоинства работы, как представляется, свидетельствуют о том, что автор серьёзно обдумывал возможности практического применения своей классификации (в отличие, как представляется, от Е. Д. Гражданникова, который в своей работе 1987 г. предлагал классификацию, в рамках которых «можно получить 300 различных видов цитирования» [5, с. 41], что звучит архисolidно, но при этом архисомнительно, что такой классификацией можно вообще практически пользоваться). Однако сам А. И. Уёмов [2] никак не применял её на практике и других работ на данную тему, по-видимому, больше не выполнял.

Отсутствие ссылок на англоязычные работы предшественников даже умозрительно никак не может быть поставлено в упрёк именно этому автору: в то время таких работ имелись (в зависимости от трактовки) одна или две, причём работа Юджина Гарфилда была опубликована в заведомо недоступном в то время советскому читателю источнике: в трудах симпозиума Национального бюро стандартов США [6].

Внешне похожая классификация появится через пять лет за подписью И. П. Сулова и Е. Д. Гражданникова в книге под названием «Основы социальной статистики (курс лекций для студентов НГУ)» [7, с. 279–280]. Количество классов в ней возросло до пяти: «критическое» цитирование сохранено, но появился и отдельный новый класс – «негативное цитирование», а «нейтрально информационные ссылки» А. И. Уёмова названы здесь «информирующим цитированием». Вместо «творческих ссылок» [2, с. 34] здесь два класса: «авторитетное» и «конструктивное» цитирование [7, с. 279]. Ссылок на публикацию А. И. Уёмова нет. При этом «[п]од авторитетным цитированием понимаются такие цитирования, когда сведения, извлекаемые из цитируемой публикации, считаются совершенно правильными и *используются* в качестве основополагающих положений», а «[п]ри конструктивном цитировании цитируемая публикация служит источником таких сведений, которые *используются* в своей работе авторами цитирующего документа» [Там же]⁴ (курсив мой. – В. Л.). Что до «критического

³ О такой подмене говорилось в первой части этой работы [1].

⁴ Формулировки не убедительны: ведь использование цитируемых сведений имеет место в обоих случаях, но в первом случае характер использования уточнён, а во втором – такое уточнение отсутствует и как бы в нём нет и нужды. Но тогда «авторитетное цитирование» оказывается разновидностью «конструктивного цитирования», т. е. часть рассматривается как самостоятельное целое. (Если будет позволено забежать вперёд, заметим: но ведь и остальные классы ссылок также указывают на использование! Чтобы в этом убедиться, достаточно будет сравнить приведённый ниже разбор определений слова «использование» в контексте рассматриваемой проблематики с характеристикой «классов цитирования» в [7, с. 279].)

цитирования», то в данной работе оно не является синонимом «негативного»: «[п]ри критическом цитировании проводится анализ содержания цитируемой публикации и указываются её слабые стороны, но в целом исходные положения и выводы не отбрасываются, и не считаются ошибочными. Такую критику считают конструктивной» [7, с. 280]. «Критическое цитирование» относится к четырём типам цитирования, которые «свидетельствуют о положительном отношении авторов цитирующего документа к цитированной публикации» [Там же]. Мягко говоря, не вполне ясно, как практически вычленить именно такие ссылки из работы, не будучи её автором, а являясь информационным посредником: они могут смешиваться как с «конструктивными», так и с «негативными» цитированиями. Да и с «информирующими», которые, по мысли авторов, «лишь указывают на связь цитируемой публикации с данным научным направлением» [Там же]. Как по мне, «критическая» разновидность именно может относиться как к «конструктивным ссылкам» (напомним слова авторов: «Такую критику считают конструктивной» [Там же]), так и к «информирующим»: последние «лишь указывают на связь», а «критические» – содержат указание на «содержание цитируемой публикации» и, указывая на её слабые стороны, её основные «положения и выводы» не отрицают; однако при чуть ином взгляде на предмет что это, если не «информирование»? Получается, что грани между классами (у авторов: «типами» [7, с. 279]) цитирования размыты. Да и создана ли эта классификация по единому основанию? Поскольку, согласно книге, она создана в чисто прикладных целях – для оценки «научного уровня» цитируемых работ [Там же], – возможно, что отсутствие единого основания и не было бы помехой при выполнении чисто прикладной оценки⁵. Но это в теории. А как на практике выделять классы для тех цитирований, которые, как видим, могут относиться к нескольким классам одновременно?! (Стоило повиситься сложности классификации, как понизилась её способность к использованию?) Далее, использование связано в данной работе её авторами лишь с двумя из пяти выделенных классов; что же до «информирующего цитирования», то о нём сказано, что «сведения из цитируемой публикации не используются непосредственно в данной публикации, а лишь указывается на связь цитируемой публикации с данным научным направлением» [7, с. 279–280]. Но здесь вольно или невольно осуществлена подмена понятий: ведь цитированию подвергается документ, а не содержащиеся в нём сведения. А если документ был «употреблён для какого-либо дела», если ему было «найдено применение», то это, согласно словарному определению [8, с. 684], – использование. Что и имеет место. Но речь у авторов идёт не о «документе» и даже не об «информации», единство которой с носителем и представляет собой документ [9, с. 122; 10], а именно о «сведениях» – т. е. в [7, с. 280] употреблено слово, значение которого неоднозначно [11; 27, с. 38–39], слово, отсутствующее в качестве термина в «Терминологическом словаре по информатике» [9]. Соображения формальной корректности побуждают поэтому автора этих строк разобрать данный тезис И. П. Сулова и Е. Д. Гражданникова [7] более подробно. Итак...

⁵ Напр., «информирующее и критическое цитирование» «позволяет относить оцениваемую публикацию к работам высокого уровня», а «[е]сли... имеет место авторитетное или конструктивное цитирование, или 3–5 информирующих цитирований, то оцениваемую публикацию можно относить к работам очень высокого уровня» [7, с. 280]. Заметим, однако, что из приведённой формулировки тогда совершенно не ясно, для чего было разделять, к примеру, «авторитетные» и «конструктивные» ссылки. (А ведь это, мягко говоря, отнюдь не простая задача для выполнения.)

Разброс значений слова «сведения»: от «факты, данные» [11; 27, с. 38–39] до «знания» [27, с. 38–39; 12]. При этом многозначность термина «знания» отнюдь не упрощает понимания⁶. Но возмём – исходя из определения знания как наличия совокупности информации у человека [12] – в качестве значения слова «знания» его употребление как синонима термина «информация». Тогда, как бы ни трактовать этот последний термин⁷, информация по классическому определению в любом случае является неотъемлемой составляющей документа [9, с. 122; 10]⁸. Он, документ, был «информирующе» процитирован (что, в понимании авторов [7] лишь указывало на его связь с обсуждаемой проблематикой), т. е. был выбран в качестве некоего примера, а значит, – «употреблён для какого-либо дела», ему было «найдено применение», и это, согласно словарному определению [8, с. 684], есть использование. Но тогда была использована и неотделимая от документа информация (к которой можно свести значение слова «сведения»)⁹; итак, акцентирование использования/неиспользования именно на «сведениях», имея в виду такое значение данного слова, ситуацию не изменяет¹⁰. Если же «сведениями» считать «знания», но применять к термину «знания» определение ISO [18, 3.1.17], согласно которому «знания» суть «сохранённая, обработанная и истолкованная информация» (здесь и далее перевод мой. – В. Л.), то, даже в случае её «неиспользования» при цитировании, цитирование могло быть вызвано использованием не «знания» (согласно данному определению), а намёков, выражений сомнений и прочих не истолкованных

⁶ Так, мне доводилось уже цитировать следующее определение знания: «Знание есть целостная упорядоченная совокупность смысловых квантов, распределённых по ячейкам памяти, плюс набор правил оперирования (извлечения и соединения) этими квантами. Хранилище знания есть память» [13, с. 57]. При таком, к примеру, подходе к понятию знания ясно, что сведения, содержащиеся в публикации, ему никак не тождественны.

⁷ Разнообразные трактовки см. в [13]. При этом хотя верной трактовкой термина «информация» было бы «семантическое преобразование отражения реальности субъектом», реально существующей «лишь в сознании субъекта» [13, с. 54], традиция требует употребления его в общем значении системы «сигналов, которые субъект способен воспринять и осмыслить» [13, с. 58].

⁸ В общем виде документ суть любой материальный объект, позволяющий получить от него требуемую информацию [14, с. 76]. Иначе: единство сигналов с их материальным носителем («...документ представляет собой... содержащуюся на материальной основе... выраженную в знаковой форме... информацию» [15, с. 76]). В общем-то, к тому, что «сведения», это – «информация», можно было бы прийти и минуя термин «знания»: в «Терминологическом словаре...» [9, с. 168] «информация» трактуется, в частности, как «сведения». Однако пользоваться такой аргументацией было вряд ли корректно: ведь определения термина «сведения» в данном словаре вообще нет, и это не «сведения» определены как «информация», а «информация» – как «сведения».

⁹ В следующей публикации с участием Е. Д. Гражданникова речь пойдёт не о «сведениях», но о «данных» [16, с. 15].

¹⁰ Поскольку в случае «информирующего цитирования» речь идёт о статье-примере, как знать, что, кроме её содержания, повлияло на использование. Допустим, что кроме научной информации (в традиционном значении слова), публикация, которую читал исследователь до её цитирования, отличается от подобной по данному научному направлению (им прочитанной и впоследствии не процитированной) тем, что содержащий её журнал имеет более привлекательный шрифт, более броский дизайн таблиц и лучшее качество иллюстраций. Или, к примеру, он имеет более высокую репутацию, нежели тот, в котором была опубликована другая статья по этому же научному направлению, имеющая аналогичные научные достоинства... Или: у автора процитированной впоследствии статьи более высокая репутация. Или: цитирующий автор имеет сентиментальные воспоминания об этом журнале, связанные ещё со своей аспирантской молодостью... И всё это может делать цитируемость статьи более вероятной. Как известно, «чистая „зрелищность“... вне связи с содержательным высказыванием может иметь определённую эстетическую привлекательность» [17, с. 39]. Это было сказано не о научных документах, но распространяется и на них. Но как бы сильно она не влияла на «употребление статьи для дела» [8, с. 684], этот фактор может начинать работать только при условии соответствующего содержания.

При этом, если отталкиваться от современных представлений об информации и помнить, что она «представляет собой субъективную реальность», что «[в]не субъекта её некому воспринимать и иметь о ней хоть какое-нибудь представление» [13, с. 37], то внешняя или субъективная привлекательность документа, повлиявшая на его цитируемость, также входит в само понятие информации.

чётко высказываний, которые могут быть отличным стимулом для развития научной мысли.

Если же рассматривать «сведения» как «факты, данные» [11], несостоятельность идеи о неиспользовании документа при «информирующем цитировании» становится ещё более явной: ведь помимо фактов и данных, документ содержит идеи, гипотезы, подсказки, намеки. Чрезвычайно плодотворно можно использовать статью из-за одной формулировки, которой её автор, быть может, не придавал никакого значения...

Столь подробно одна-единственная формулировка была рассмотрена не только из педантизма. Ведь её авторы [7] в своей работе пытались уйти от признания того, что фактически (вольно или невольно) признал их предшественник А. И. Уёмов: что использование в цитируемости отражается *всегда*. Но, проводя такую позицию, они ушли от терминологической чёткости (случайно ли?), подменив понятие документа понятием «сведений», обратившись к слову, имеющему «смазанное» значение. Отвергать правомочность такой подмены *ex cathedra* мы вначале не стали: в связи с известной трудностью опровержения именно такой их формулировки отказ от её рассмотрения мог выглядеть неубедительным. При этом тезис о «неиспользовании сведений» я предполагал рассмотреть ещё и с привлечением формулировок и определений соответствующих терминологических стандартов – русскоязычного стандарта терминов и определений в области «информационно-библиотечной деятельности и библиографии» [19] и англоязычного стандарта-словаря по «информации и документации» Международной организации по стандартизации [18]. Однако это оказалось невозможным: термин «сведения» в этих источниках отсутствует. (Что касается английского языка, то в нём вообще нет и сколь-либо полного эквивалента слову «сведения» с подходящим значением.) Между тем, если по-прежнему считать «сведения» «данными и фактами» либо «знаниями», то можно заметить, что, согласно стандарту ISO [18, 3.1.16], «информация относится к фактам, понятиям, объектам, событиям, идеям, процессам и т. д.», т. е. предполагаемое в [7] «неиспользование сведений» оставит как минимум вероятную возможность *использования* цитирующим автором идей и понятий. Таким образом, рассматривая ситуацию с этих позиций, приходим к тому, что И. П. Суслов и Е. Д. Гражданников [7] фактически не заявили о *полном* «неиспользовании» информации, содержащейся в цитируемом документе при его «информирующем цитировании». Если же «сведениями» считать «знание», то, коль скоро, согласно определению ISO [18, 3.1.17], «знание» суть «сохранённая, обработанная и истолкованная информация», то в случае её «неиспользования» при цитировании последнее может быть вызвано использованием не «знания», а намёков, выражений сомнений и прочих не истолкованных чётко высказываний, которые могут быть отличным стимулом для развития научной мысли.

Далее. Применительно к «критическому» и «негативному» цитированию вопрос об использовании цитированных документов И. П. Сусловым и Е. Д. Гражданниковым [7] не поднимается, но если «[п]ри критическом цитировании *проводится анализ содержания цитируемой публикации и указываются её слабые стороны*, но в целом исходные положения и выводы

не отбрасываются и не считаются ошибочными» [7, с. 280] (курсив мой. – В. Л.), то имеющее место использование несомненно. Как?! Работа получила переосмысление, новая интерпретация которого предложена читателю... и это не использование?! Цитируемая публикация была приложена для достижения определённой цели [20]; ей было найдено применение [8] – смысл работы с публикацией словарным статьям соответствовал. Конечно, можно по-разному понимать значения слов, но эдак и перекованный металл в пору будет не считать металлом использованным. Что же до негативного цитирования («когда в цитируемой публикации обнаруживают серьёзные ошибки, и она в целом признаётся ошибочной» [7, с. 280]), о котором авторы [7] также не сообщают, имеется ли в этом случае, по их мнению, здесь использование, то при опровержении идеи оно однозначно имеет место: ведь если разбор какой-то работы помогает мне находить новые аргументы для своей точки зрения, новые пути, да и поводы, для изложения своего взгляда на проблему, то эта работа служит стимулятором для совершенствования работы цитирующей [3, с. 12]. При этом она подвергается самому пристальному анализу, из неё извлекаются и рассматриваются формулировки отвергаемых цитирующим автором аргументов.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что работа [7] представляет более громоздкую, более трудную в применении и, как представляется, внутренне несколько противоречивую классификацию. Содержание её классов раскрыто подробнее, нежели в работе предшественника [2], однако с позиций сегодняшних подходов к терминологии нельзя назвать их описания достаточно строгими. Классификация предлагается для практической оценки «научного уровня» документов, однако выделенные в работе «авторитетные» и «конструктивные» ссылки дают оцениваемым документом одинаковую оценку (сноска 5), что может свидетельствовать о недостаточной продуманности классификации. (Косвенно на таковую указывает и формулировка «можно выделить» [7, с. 279] применительно к «типам цитирования» (как авторы называют классы): ведь выделить *можно* то, что понравится, но какие классы выделить *необходимо*? Если вопрос заключается не в необходимости, а в возможности, то, полагаю, можно говорить и об искусственной, неоправданной усложнённости классификации.)

Считаю путаным (и запутывающим читателя) отношение авторов к признанию того, что цитируемость отображает использование: согласие на этот счёт имеется у них применительно лишь к двум из пяти выделенных им классов, в то время как трактовка цитирований прочих классов как не отражающих использование цитированных документов представляется неубедительной. (Правда, обращаясь к определениям терминов, мы пользуемся *сегодняшней* терминологией, не имея информации о том, какими значениями терминов пользовались авторы [7]. Но в отсутствии ссылок на терминологию и содержится ещё одна слабость данной работы, и позиция [7] была бы более убедительной, если бы они привели и определение понятия «использования документов», которое исповедовали, и определения таких терминов, как «сведения».)

Замечу, что вообще признание отражения использования цитируемого материала лишь несколькими классами цитирования достаточно характерно для наукометрических классификаций ссылок. Так, авторы [21, р. 97] готовы

принять, что цитируемость отображает использование только в том случае, если при выполнении цитирующей статьи имело место буквальное воспроизведение цитируемой методики; однако по ходу своей статьи они проговариваются, называя использованием цитируемых документов и иное их применение при создании документов цитирующих [Ibid.]. (Этот весьма характерный пример приводился мной и в [22].) А как знать, а если бы авторами классификаций принимался факт в принципе повсеместного использования цитируемого материала, может быть, многие из этих классификаций и не возникли бы?

В 1975 г. появляется статья Э. К.-Ф. Ваттера, в которой была применена рассмотренная выше классификация [23, с. 20]. Ссылки в трёх небольших информационных массивах (в годовом комплекте периодического издания «Научно-техническая информация. Серия 2» и в двух монографиях В. В. Налимова [23, с. 17]) были распределены в соответствии с данной классификацией; при этом оказалось, что «в журнальных статьях по информатике... доля ссылок конструктивного характера меньше 10%», в то время как в монографиях «их доля весьма значительна – 40–70%» [23, с. 20]. «Пока из этого мы не можем сделать никаких содержательных выводов», – сообщает автор. Вот, похоже, и вся история применения данной классификации. И хотя эта история стремится к нулю, в своей следующей работе Е. Д. Гражданников (на этот раз – в соавторстве с Т. В. Сорокиной) лишь усложняет свою классификацию [16]. Что же до работы Э. К.-Ф. Ваттера [23, с. 20], следует упомянуть, что данный автор отождествляет «информирующее цитирование» по [7] со ссылками на обзорные работы, долю которых в своём исследовании выделяет Ю. А. Махотенко [24, с. 90], а «авторитетное цитирование» по [7] – со «ссылками методического характера» по Ю. А. Махотенко [24, с. 89–90]... Здесь может возникнуть вопрос, почему попытка классифицирования ссылок в научных отчетах, предпринятая Ю. А. Махотенко и опубликованная им в 1972 г., упомянута в нарушение хронологического принципа изложения не до, а после работы И. П. Сулова и Е. Д. Гражданникова 1973 г. [7]. Это связано, во-первых, с тем, что если между работой А. И. Уёмова [2] и работой И. П. Сулова и Е. Д. Гражданникова [7] имеет место очевидная преемственность – равно как и между работой И. П. Сулова и Е. Д. Гражданникова [7] и Э. К.-Ф. Ваттера [23, с. 20], то о преемственности между работами А. И. Уёмова [2] и Ю. А. Махотенко [24] речь не идёт: хотя Э. К.-Ф. Ваттер [23, с. 20] и проводит аналогии между классами ссылок, использованных Ю. А. Махотенко [24, с. 89–90] и И. П. Суловым – Е. Д. Гражданниковым [7], которые пытались развить классификацию А. И. Уёмова [2], т. н. «смысловые рубрики» Ю. А. Махотенко (он не называет их «классами») можно считать классификацией лишь отчасти. В самом деле, ведь «обзорные работы», рассматриваемые Ю. А. Махотенко [24, с. 90] в качестве «смысловой рубрики», это, согласно используемой им лексике, – не мотивация или функция их использования (как «информирующее цитирование»), а вид научной публикации. Ю. А. Махотенко и пишет не столько об их «информирующем цитировании», сколько о публикации обзоров, привлекая которые удобно «писать введение» [Там же]¹¹ Хромают и терминология, и смысл: ведь

¹¹ «Появление в последнее время многих работ обзорного характера... облегчает авторам отчётов писать введение» [24, с. 90].

для «написания введения», для «информирующего цитирования» (а разве оно только во введении возможно?) привлекаются не только обзоры. «Ссылки методического характера» (как называет их Э. К.-Ф. Ваттер [23, с. 20], проводя между нами и «авторитетным цитированием» знак равенства) названы на самом деле в публикации Ю. А. Махотенко «*работами* методического характера» [24, с. 89–90] (курсив мой. – В. Л.), ссылки на которые, по его словам, «содержат установочные методические указания и в основном встречаются в описании экспериментальной части НИР» [24, с. 89]. Но на такие работы могут приходиться, к примеру, и «информирующие ссылки», и ссылки «критические», а описания полезных методик и методических подходов могут содержаться и в не специально методических работах. Ещё более странной «смысловой рубрикой» являются у Ю. А. Махотенко «предшествующие работы» [24, с. 90]: ведь кроме редчайших ссылок на собственные работы, находящиеся «в печати», все цитируемые работы являются предшествующими. Определение таких работ слабо и невнятно: «Цитирование этих документов вызывается необходимостью подвести теоретический “фундамент” под научные основы проводимых НИОКР» [Там же]. Это – аналог «конструктивного» цитирования [7, с. 279]? Или всё же – «авторитетного» [Там же], т. е. того, которое предполагает, что «сведения, извлекаемые из цитируемой публикации, считаются совершенно правильными и используются в качестве основополагающих положений» [Там же] и с которым Э. К.-Ф. Ваттер [23, с. 20] уравнивает вовсе не «предшествующие работы» по Ю. А. Махотенко [24, с. 90], но почему-то «ссылки методического характера» [23, с. 20], а точнее – «работы методического характера» [24, с. 89–90]? Наконец, Ю. А. Махотенко выделяет т. н. «сопоставительные работы», «[н]еобходимость цитирования» которых «вызвана стремлением авторов НИОКР показать превосходство своих достижений» [24, с. 90]. Это не очень понятно, но дальше – больше: «[м]ногие из работ, отнесённых к рубрике “предшествующих”, могли быть представлены и как сопоставительные, поскольку, описывая чьи-то предшествующие достижения, авторы отчёта, естественно, сопоставляют (и противопоставляют) их своим собственным» [Там же]. Т. е. автор понимает и признаёт сам, как непросто однозначно распределять материал по классификационным рубрикам; что при этом остаётся неясным, так это то, как он сам управлялся с собственной околосклассификацией. А ведь при этом в его статье содержится ещё одно признание: распределить ссылки «по четырём рубрикам... было непросто, так как часто необходимо было обратиться к тексту цитируемого документа, который не всегда был под рукой» [24, с. 89]. Непростая работа, а оправдывает ли себя её выполнение? Но ведь и это не всё. Разве легче без многократного прочтения цитирующего текста понять мотивацию цитирующего автора?! Ведь они так часто не понимают этого и сами [25, р. 615; 26, с. 70].

Промежуточный итог рассмотрения публикаций Э. К.-Ф. Ваттера [23] и Ю. А. Махотенко [24] таков: первая из работ не вносит никакого нового вклада в развитие соответствующих классификаций и, будучи опытом практического применения классификации И. П. Сулова и Е. Д. Гражданникова [7], не привела её автора ни к каким новым содержательным выводам; вторая же, несмотря на оригинальность содержащейся в ней классификации, предлагает

в действительности классификацию весьма слабую с точки зрения логики, причём её автор признаёт трудности в воплощении классифицирования цитирований по предложенной им схеме [24, с. 89]. Кумулятивных знаний автору этих строк две только что рассмотренные работы не добавили.

(Окончание следует.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лазарев В. С. Из истории наукометрических классификаций цитирований. Первые две работы и русскоязычные публикации. Часть 1 // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 4. С. 143–162. DOI 10.19181/sntp.2024.6.4.8. EDN MEXRYZ
2. Уёмов А. И. Учёт многообразия ссылок в науковедческом анализе // Проблемы науки управления и применение вычислительной техники для автоматизации и механизации управленческого труда : тезисы докладов Республиканской научно-технической конференции. Секция 5 : Организация и управление научными исследованиями. Киев : УкрНИИИТИ, 1968. Ч. 1. С. 34–38.
3. Лазарев В. С. Научные документы и их упорядоченные совокупности: цитируемость, использование, ценность // Международный форум по информации. 2017. Т. 42, № 1. С. 3–16. EDN YHDACD.
4. Garfield E. Is citation analysis a legitimate evaluation tool? // Scientometrics. 1979. Vol. 1, № 4. P. 359–375.
5. Гражданников Е. Д. Проблемы критериальной оценки научных результатов // Проблемы развития научно-образовательного потенциала. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1987. С. 24–46.
6. Garfield E. Can citation indexing be automated? // Statistical association methods for mechanized documentation : Symposium proceedings (Washington 1964). Ed. by M. E. Stevens, V. E. Giuliano, L. B. Heilprin. Washington, DC, 1965. P. 189–192. (National Bureau of Standards Miscellaneous Publication 269).
7. Суслов И. П., Гражданников Е. Д. Основы социальной статистики : (курс лекций для студентов НГУ) / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск : [б. и.], 1973. 317 с.
8. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А–Й. 702 с. ISBN 5-200-02673-3.
9. Терминологический словарь по информатике. М. : МЦНТИ, 1975. 752 с.
10. Столяров Ю. Н. Документ: и информация, и носитель // Научные и технические библиотеки. 2003. № 2. С. 128–129. EDN IUJNHW.
11. Сведения / Толковый словарь русского языка // Поволжский образовательный портал : [сайт]. URL: <https://vedu.ru/expdic/104700/> (дата обращения: 30.07.2024).
12. Сведения / Большой толковый словарь русских существительных // Грамота.ру : [сайт]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=сведения&mode=slovari&dicts\[\]=50](https://gramota.ru/poisk?query=сведения&mode=slovari&dicts[]=50) (дата обращения: 30.07.2024).
13. Столяров Ю. Н. Сущность информации. М. : ГПНТБ России, 2000. 106, [1] с. ISBN 5-85638-057-6. EDN YUTUQH.
14. Столяров Ю. Н. Теория относительности документа // Научные и технические библиотеки. 2006. № 7. С. 73–78. EDN IAZRZJ.
15. Столяров Ю. Н. Документология : учебное пособие. Орёл : Горизонт, 2013. 370 с. ISBN 978-5-904977-37-5. EDN YWSBML.

16. Гражданников Е. Д., Сорокина Т. В. Наукометрические методы библиографического поиска. Новосибирск : [б. и.], 1976. 19 с.
17. Ион Э. Некоторые теоретические проблемы эстетического воспитания // Современная прогрессивная эстетическая мысль : сборник статей / отв. ред. М. Ф. Овсянников и др. М. : Наука, 1974. С. 35–55.
18. ISO 5127:2017(en), Information and documentation – Foundation and vocabulary // ISO Online Browsing Platform (OBP) : [сайт]. URL: <https://iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:5127:ed-2:v1:en> (дата обращения: 16.08.2024).
19. ГОСТ 7.0-99. Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. Минск : Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 1999. IV, 23 с. URL: <https://ifap.ru/library/gost/7099.pdf> (дата обращения: 29.07.2024).
20. Use (S.a.). // Cambridge Dictionary : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/use/> (дата обращения: 15.08.2024).
21. NLP-driven citation analysis for scientometrics / R. Jha, A.-A. Jbara, V. Qazvinian, D. R. Radev // Natural Language Engineering, 2017. Vol. 23, № 1. P. 93–130. DOI 10.1017/S1351324915000443.
22. Лазарев В. С. О ценности научного документа. Часть 2 // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 1. С. 165–197. DOI 10.19181/sntp.2024.6.1.9. EDN WIGULV.
23. Ваттер Э. К.-Ф. О структуре научных ссылок // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 1975. № 5. С. 17–20.
24. Махотенко Ю. А. Библиографический аппарат научно-технического отчета как объект науковедческого анализа // Науковедение и информатика : респ. межвед. сб. Киев : Наукова думка, 1972. Вып. 6. С. 88–92.
25. Nicolaisen J. Citation analysis // Annual Review of Information Science and Technology. 2007. Vol. 41, № 1. P. 609–641. DOI 10.1002/aris.2007.1440410120.
26. Бредихин С. В., Кузнецов А. Ю., Щербакова Н. Г. Анализ цитирования в библиографии. Новосибирск : ИВМиМГ СО РАН ; НЭИКОИ, 2013. 344 с. ISBN 978-5-91907-009-2. EDN WAUMXH.
27. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4: С–Я. 800 с. ISBN 5-200-02676-8.

REFERENCES

1. Lazarev V. S. From the history of scientometric citation classifications. The first two works and Russophone publications. Part 1. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(4):143–162. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2024.6.4.8.
2. Uemov A. I. Taking into account the diversity of references in science studies analysis [Uchet mnogoobraziya sсылок v naukovedcheskom analize]. In: Issues of management science and the use of computer technology for automation and mechanization of managerial work [Problemy nauki upravleniya i primenenie vychislitel'noi tekhniki dlya avtomatizatsii i mekhanizatsii upravlencheskogo truda] : Abstracts of the Republican science and technology conference. Section 5: Organization and management of scientific research [Organizatsiya i upravlenie nauchnymi issledovaniyami]. Kiev : Ukrainian Research Institute of Scientific and Technical Information; 1968. Part 1. P. 34–38. (In Russ.).
3. Lazarev V. S. Scientific documents and their ordered sets: Citedness, use, value [Nauchnye dokumenty i ikh uporyadochennyye sovokupnosti: tsitiruemost', ispol'zovanie, tsennost']. *International Forum on Information=Mezhdunarodnyi forum po informatsii*. 2017;42(1):3–16. (In Russ.).

4. Garfield E. Is citation analysis a legitimate evaluation tool? *Scientometrics*. 1979;1(4):359–375.
5. Grazhdannikov E. D. Problems of criteria-based evaluation of scientific results [Problemy kriterial'noi otsenki nauchnykh rezul'tatov]. In: Problems of the development of scientific and educational potential [Problemy razvitiya nauchno-obrazovatel'nogo potentsi-ala]. Novosibirsk : Nauka, Siberian Branch; 1987. P. 24–46. (In Russ.).
6. Garfield E. Can citation indexing be automated? In: Stevens M. E., Giuliano V. E., Heilprin L. B., eds. Statistical association methods for mechanized documentation : Symposium proceedings (Washington 1964). Washington, DC; 1965. P. 189–192. (National Bureau of Standards Miscellaneous Publication 269).
7. Suslov I. P., Grazhdannikov E. D. Fundamentals of social statistics [Osnovy sotsial'noi statistiki] : A lecture course for NSU students. Novosibirsk : S.I.; 1973. 317 p. (In Russ.).
8. Evgenieva A. P., ed. Dictionary of the Russian language [Slovar' russkogo yazyka] : in 4 vols. RAS, Institute for Linguistic Studies. 4th, stereotypical ed. Moscow : Russkii yazyk ; Poligrafresursy; 1999. Vol. 1. 702 p. (In Russ.). ISBN 5-200-02673-3.
9. Dictionary of informatics terms [Terminologicheskii slovar' po informatike]. Moscow : International Centre for Scientific and Technical Information; 1975. 752 p. (In Russ.).
10. Stolyarov Yu. N. Document: both information and media [Dokument: i informat-siya, i nositel']. *Scientific and Technical Libraries=Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*. 2003;(2):128–129. (In Russ.).
11. Data / Explanatory dictionary of the Russian language [Svedeniya / Tolkovyi slovar' russkogo yazyka]. *Volga Region Educational Portal*. Available at: <https://vedu.ru/expdic/104700/> (accessed: 30.07.2024). (In Russ.).
12. Data / A large explanatory dictionary of Russian nouns [Svedeniya / Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushchestvitel'nykh]. *Gramota.ru*. Available at: [https://gramota.ru/poisk?query=сведения&mode=slovari&dicts\[\]=50](https://gramota.ru/poisk?query=сведения&mode=slovari&dicts[]=50) (accessed: 30.07.2024). (In Russ.).
13. Stolyarov Yu. N. The essence of information [Sushchnost' informatsii]. Moscow : Russian National Public Library for Science and Technology; 2000. 106, [1] p. (In Russ.). ISBN 5-85638-057-6.
14. Stolyarov Yu. N. The theory of relativity of a document [Teoriya odnositel'nosti dokumenta]. *Scientific and Technical Libraries=Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*. 2006;(7):73–78. (In Russ.).
15. Stolyarov Yu. N. Documentology [Dokumentologiya] : A study guide. Oryol : Gorizont; 2013. 370 p. (In Russ.). ISBN 978-5-904977-37-5.
16. Grazhdannikov E. D., Sorokina T. V. Scientometric methods of bibliographic search [Naukometricheskie metody bibliograficheskogo poiska]. Novosibirsk : S.I.; 1976. 19 p. (In Russ.).
17. Ion E. Some theoretical problems of aesthetic education [Nekotorye teoreticheskie problemy esteticheskogo vospitaniya]. In: Ovsiyannikov M. F. [et al.], eds. Modern progressive aesthetic thought [Sovremennaya progressivnaya esteticheskaya mysl']. Moscow : Nauka; 1974. P. 35–55. (In Russ.).
18. ISO 5127:2017(en), Information and documentation – Foundation and vocabulary. *ISO Online Browsing Platform (OBP)*. Available at: <https://iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:5127:ed-2:v1:en> (accessed: 16.08.2024).
19. GOST 7.0-99. An interstate standard. System of standards on information, librarianship and publishing. Information and library activities, bibliography. Terms and definitions [GOST 7.0-99. Mezhsudarstvennyi standart. Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatel'skomu delu. Informatsionno-bibliotchnaya deyatel'nost', bibliografiya. Terminy i opredeleniya]. Minsk : Euro-Asian Interstate Council for Standardization, Metrology and Certification; 1999. iv, 23 p. Available at: <https://ifap.ru/library/gost/7099.pdf> (accessed: 29.07.2024). (In Russ.).

20. Use (S.a.). *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/use/> (accessed: 15.08.2024).
21. Jha R., Jbara A.-A., Qazvinian V., Radev D. R. NLP-driven citation analysis for scientometrics. *Natural Language Engineering*. 2017;23(1):93–130. DOI 10.1017/S1351324915000443.
22. Lazarev V. S. On the value of a scientific document. Part 2. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(1):165–197. (In Russ.). DOI 10.19181/smtп.2024.6.1.9.
23. Vatter E. K.-F. On the structure of scientific citations [O strukture nauchnykh sсыlok]. *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics=Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 1975;(5):17–20. (In Russ.).
24. Makhotenko Yu. A. Bibliographic apparatus of scientific and technical report as an object of science-of-science analysis [Bibliograficheskii apparat nauchno-tekhnicheskogo otcheta kak ob’ekt naukovedcheskogo analiza]. In: Science studies and information science [Naukovedenie i informatika]: A republic-wide interagency collection. Kiev : Naukova dumka; 1972. Issue 6. P. 88–92. (In Russ.).
25. Nicolaisen J. Citation analysis. *Annual Review of Information Science and Technology*. 2007;41(1):609–641. DOI 10.1002/aris.2007.1440410120.
26. Bredikhin S. V., Kuznetsov A. Yu., Scherbakova N. G. Citation analysis in bibliometrics. Novosibirsk : ICM&MG SB RAS; NEICON; 2013. 344 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91907-009-2.
27. Evgenieva A. P., ed. Dictionary of the Russian language [Slovar’ russkogo yazyka]: in 4 vols. RAS, Institute for Linguistic Studies. 4th, stereotypical ed. Moscow : Russkii yazyk ; Poligrafresursy; 1999. Vol. 4. 800 p. (In Russ.). ISBN 5-200-02676-8.

Поступила в редакцию / Received 21.08.2024.
Одобрена после рецензирования / Revised 23.12.2024.
Принята к публикации / Accepted 05.03.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазарев Владимир Станиславович vs lazarev@bntu.by

Ведущий библиограф отдела развития научных коммуникаций, Научная библиотека,
Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
SPIN-код: 9750-7985

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Lazarev vs lazarev@bntu.by

Leading bibliographer, Department for Research Communication Development, Scientific Library,
Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
ORCID: 0000-0003-0387-4515
Scopus Author ID: 7101791251
Web of Science ResearcherID: D-5165-2016

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.10

EDN: PHTZHХ

Научная статья

Research article

ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ИНСТРУМЕНТА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**Осадчук
Евгений Валентинович¹**

¹ АНО «Цифровая экономика», Москва, Россия

Для цитирования: *Осадчук Е. В.* Об основных направлениях развития технологий искусственного интеллекта как инструмента научных исследований // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 147–157. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.10. EDN PHTZHХ.

Аннотация. Статья подготовлена на основе доклада на межведомственном круглом столе «Использование технологий искусственного интеллекта при проведении научных исследований в области гуманитарных наук», состоявшемся 27 сентября 2024 г. Работа содержит обзор отдельных положений актуализированной в феврале 2024 г. Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., направленных на расширение применения технологий ИИ в качестве инструмента научных исследований. Обзор положений сопровождается описанием преимуществ, которые получает исследователь, использующий технологии ИИ в рамках общепринятых этапов научной работы. Наряду с преимуществами для исследователя в статье представлены возможности применения отдельных инструментов ИИ по отношению к другим инструментам, в том числе преимущества больших моделей ИИ и сильного ИИ. Также статья содержит перечень возможных результатов применения технологий ИИ в ряде гуманитарных наук и направлений – в социологии, экономике, медицине и пр. При этом конкретные инструменты отечественных исследователей, созданные на основе этих технологий, взяты из практики деятельности сформированных в 2021–2023 гг. исследовательских центров в сфере ИИ.

Ключевые слова: AI4Science, искусственный интеллект, ИИ, стратегия развития ИИ, инструменты науки, инструменты исследователя, обработка больших данных, анализ больших данных, проверка гипотез, генерация гипотез, планирование экспериментов, автоматизация сбора данных, интерпретация данных, компьютерное моделирование, большие модели ИИ, сильный ИИ, исследовательские центры в сфере ИИ

ON THE MAIN TRENDS FOR THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES AS A RESEARCH TOOL

Evgeny V. Osadchuk¹

¹ ANO “Digital Economy”, Moscow, Russia

For citation: Osadchuk E. V. On the main trends for the development of artificial intelligence technologies as a research tool. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):147–157. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.10.

Abstract. The article was prepared on the basis of a report presented at the interdepartmental round table “The Use of Artificial Intelligence Technologies for Pursuing Research in the Humanities” that was held on September 27, 2024. The work provides an overview of certain provisions of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030, which was updated in February 2024 and is aimed at expanding the application of AI technologies as a research tool. The overview of the provisions is accompanied by a description of the advantages that scholars gain using AI technologies within the framework of generally accepted stages of research work. Along with the advantages for researchers, the article presents the possibilities of applying certain AI tools in relation to other tools, including the benefits of large AI models and strong AI. The article also contains a list of possible results of the use of AI technologies in a number of humanities disciplines and fields – in sociology, economics, medicine, etc. In particular, the specific tools of Russian researchers created on the basis of these technologies are taken from the practices of AI research centers established in 2021–2023.

Keywords: AI4Science, artificial intelligence, AI, AI development strategy, science tools, research tools, big data processing, big data analysis, hypothesis testing, hypothesis generation, experiment planning, automation of data collection, data interpretation, computer modeling, large AI models, strong AI, AI research centers

ВВЕДЕНИЕ

Искусственный интеллект (ИИ) всё больше интегрируется в практику проведения научных исследований, расширяя и ускоряя их, помогая учёным генерировать гипотезы, планировать эксперименты, собирать и интерпретировать большие массивы данных, получать информацию, которая недоступна при использовании традиционных научных методов. Эта интеграция сопровождается разнообразными вариантами применения ИИ в качестве инструмента научных исследований, а также закреплением такого применения в государственных документах.

Одним из таких документов является Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, ряд положений которой легитимизирует применение ИИ в качестве инструмента научного исследования.

При этом необходимо помнить, что технологии ИИ имитируют деятельность человека не с позиции воспроизводства всей его высшей нервной деятельности, а путём расширения возможностей информационно-коммуникационных и компьютерных технологий, что имеет мало общего с естественной природой мышления [1].

ОБ УЧАСТИИ В АКТУАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ

Согласно постановлению Правительства РФ от 2 марта 2019 г. № 234¹ АНО «Цифровая экономика» является частью системы управления национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и в том числе взаимодействует с бизнес-сообществом, научно-образовательным и иными сообществами, выявляя их потребности в области цифровой экономики.

Для взаимодействия с указанными сообществами на базе АНО «Цифровая экономика» создана рабочая группа «Искусственный интеллект», которая объединяет представителей бизнеса, науки и образования, федеральных органов исполнительной власти.

В 2023 г. рабочая группа принимала активное участие в актуализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года² (далее – Стратегия). Актуализированная версия Стратегии была утверждена Указом Президента от 15 февраля 2024 года № 124.

В Стратегии в числе прочих представлен раздел о поддержке научных исследований и разработок в целях обеспечения опережающего развития ИИ.

ТЕХНОЛОГИИ И СФЕРЫ, КОТОРЫЕ ИСПОЛЬЗУЮТ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В Стратегии говорится не только о необходимости финансирования научных исследований и разработок технологий ИИ (т. е. тех исследований, где ИИ выступает объектом исследования), но и о финансировании тех *технологий, в которых в качестве инструмента для выполнения научных и прикладных задач используются технологии искусственного интеллекта*. Таким образом, ИИ интересен ещё и как инструмент исследователя.

Что это за технологии, в которых ИИ выступает инструментом?

В первую очередь, это обработка и анализ посредством ИИ больших объёмов данных. В ходе такой обработки в данных могут выявляться закономерности и аномалии.

Если мы говорим обо всех этапах научной работы, то ИИ обеспечивает исследователю следующие преимущества [2]:

- помогает обследовать обширные области возможных гипотез для формирования теорий (лабораторные эксперименты, необходимые для оценки научных гипотез, могут быть дорогостоящими и непрактичными, тогда как компьютерное моделирование, усовершенствованное посредством ИИ, позволяет проводить эксперименты ещё более эффективно и гибко);

¹ Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 г. № 234 (ред. от 01.08.2024) «О системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”») // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319701/ (дата обращения: 06.11.2024).

² Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 06.11.2024).

- помогает генерировать гипотезы (например, в форме дискретных объектов, таких как формулы в физике или химические соединения в фармацевтике и материаловедении);
- планировать эксперименты, оптимизируя использование ресурсов и сокращая количество ненужных исследований;
- собирать большие массивы данных через автоматизацию их сбора³ (с последующей визуализацией), выявляя научно-значимые закономерности;
- интерпретировать научные данные и извлекать взаимосвязи и знания из научной литературы в обобщённом виде, понимать сложные научные концепции;
- ИИ может усовершенствовать само компьютерное моделирование за счёт более точного и эффективного обучения, лучше подбирая ключевые параметры сложных систем, решая управляющие сложными системами дифференциальные уравнения и моделируя состояния в сложных системах.

Здесь необходимо упомянуть о проблемах объяснимости результатов ИИ, недоверия к выводам, сделанным по итогам применения технологий ИИ, его восприятию как «чёрного ящика» в контексте понимания работы внутренних алгоритмов. Указанный аспект необходимо учитывать при оценке достоверности результатов применения технологии в науке [4]. Например, одно из крупнейших мировых издательств научной литературы Elsevier (владелец Scopus) издало документ “Generative AI Policies for Journals” об использовании технологий ИИ в издаваемых Elsevier научных журналах. В данном документе прямо говорится о запрете использования всех видов ИИ для рецензентов и редакторов «поскольку критическое мышление и оригинальная оценка, необходимые для рецензирования, выходят за рамки этой технологии, и существует риск того, что технология сгенерирует неверные, неполные или предвзятые выводы о рукописи» (пер. наш. – Е. О.)⁴.

Понятно, что обработка больших массивов данных – это актуальная задача для ряда научных направлений. Например:

- 1) В социологии исследования общественного мнения, анализ социальных сетей и поведения социальных групп требуют обработки больших объёмов данных для выявления паттернов (повторяющихся структур или закономерностей в данных) и трендов⁵.
- 2) В экономических исследованиях анализируются большие массивы данных о транзакциях⁶, потребительском поведении и рыночных трендах, что помогает в прогнозировании и моделировании экономических процессов.

³ Дополнительно об автоматизации научной деятельности см. статью [3].

⁴ Оригинал: “Generative AI or AI-assisted technologies should not be used by editors to assist in the evaluation or decision-making process of a manuscript as the critical thinking and original assessment needed for this work is outside of the scope of this technology and there is a risk that the technology will generate incorrect, incomplete or biased conclusions about the manuscript” – Generative AI policies for journals // Elsevier : [сайт]. URL: <https://elsevier.com/about/policies-and-standards/generative-ai-policies-for-journals> (дата обращения: 15.01.2024).

⁵ См. статью [5], в которой дан обзор литературы по применению ИИ для анализа/обработки больших объёмов данных в социальных сетях в целях эффективного управления стихийными бедствиями.

⁶ См. работу [6], в которой показано, как применять ИИ для обнаружения статистических неэффективностей на финансовых рынках.

- 3) В медицине анализируются большие объёмы данных о пациентах⁷, клинических испытаниях и геномных исследованиях для выявления закономерностей и улучшения диагностики.
- 4) Исследования в области экологии и изменения климата⁸ требуют обработки данных о погоде, экосистемах и биоразнообразии, чтобы моделировать и прогнозировать изменения в окружающей среде.
- 5) В психологии данные из опросов, экспериментов и наблюдений могут быть очень объёмными, и их анализ помогает в понимании человеческого поведения и когнитивных процессов⁹.
- 6) В политологии анализ больших данных по выборам, опросов и социальных медиа позволяет исследовать политические тренды и поведение избирателей.

В контексте использования ИИ в гуманитарных науках необходимо иметь в виду такой риск, как смещение исследований в сторону тех задач, которые можно решать с применением ИИ-технологий. Примером такого смещения является проведение экспериментов, включающих человеческое поведение, которое можно смоделировать с помощью ИИ, и отказ от экспериментов по поведению, которое не может быть смоделировано посредством ИИ-технологий [10].

В целом, с увеличением доступности данных и вычислительных мощностей необходимость в обработке больших массивов данных становится важной частью многих научных исследований.

О ПОЛЬЗЕ БОЛЬШИХ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В Стратегии также говорится о поддержке разработки и адаптации больших фундаментальных моделей ИИ¹⁰, разработке новых способов и инструментов формирования этих моделей для развития фундаментальных основ технологий ИИ, новых архитектур таких моделей.

Почему внимание уделяется в том числе и большим моделям? Потому что анализ применения ИИ в качестве инструмента для научных исследований показывает, что в некоторых случаях результативнее применять не просто модели ИИ, а большие модели – языковые¹¹ или генеративные¹².

Большие модели могут просто работать с большим объёмом данных, что позволяет им извлекать больше пользы¹³. Например, большие языковые модели:

- обладают высокой способностью к обработке естественного языка, могут анализировать тексты и извлекать информацию из больших объёмов данных;

⁷ См. статью [7], в которой даётся обзор литературы в целях обобщения результатов исследований о применимости анализа больших данных в здравоохранении.

⁸ См. статью [8], в которой представлены в том числе возможные решения климатических проблем посредством инструментов работы с большими данными.

⁹ См. статью [9], посвящённую решению проблемы воспроизводимости поведенческих исследований посредством анализа на основе машинного обучения.

¹⁰ Большие фундаментальные модели содержат не менее 1 млрд параметров и применяются для выполнения большого количества различных задач.

¹¹ Большие языковые модели способны интерпретировать и создавать текстовые данные.

¹² Большие генеративные модели способны интерпретировать и создавать мультимодальные данные (тексты, изображения, видеоматериалы и т. п.).

¹³ См. статью [11], в которой говорится о том, что масштабирование языковых моделей значительно повышает производительность, вне зависимости от решаемой задачи.

- лучше подходят для задач, связанных с анализом литературы, генерацией гипотез и автоматизацией написания научных статей.

Большие генеративные модели способны создавать новые данные (например, изображения, текст или даже молекулы), что может быть полезно в таких естественных науках, как химия, биология и материаловедение.

В тоже время для специализированных задач с ограниченными данными обычные модели могут оказаться более подходящими.

О СИЛЬНОМ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

В Стратегии сказано и о сильном ИИ, а также о формировании условий для его создания. Сильный ИИ – это гипотетический искусственный интеллект, который способен понимать, обучаться и применять знания в самых разных областях подобно человеку. Он должен уметь решать любые задачи, которые может решить человек, самостоятельно адаптироваться к новым условиям.

Большие модели ИИ – это, конечно, мощные инструменты для решения конкретных задач, тогда как сильный ИИ – это концепция универсального интеллекта, который пока что остаётся недостижимым идеалом.

Есть мнение, что сильный ИИ может значительно изменить подход к научным исследованиям, в том числе в области гуманитарных наук. Например, сильный ИИ

- может объединять знания из различных областей [12] в большей степени, чем обычный ИИ, например, обобщая их в одной области и применяя в другой; это позволяет сильному ИИ лучше интегрировать информацию из различных источников, а исследователям – находить новые подходы к решению научных задач («обычный» ИИ разрабатывается для выполнения конкретных задач и не может легко и адекватно переносить свои знания на другие области);
- может содействовать формированию новых гипотез на основе существующих данных и теорий [13], что в свою очередь может привести к новым открытиям («наводки» ИИ на новые гипотезы могут принимать различные формы: от символических выражений в математике до молекул в химии и генетических вариантов в биологии);
- сможет создавать сложные модели социальных процессов, культурных изменений и исторических событий, что поможет лучше понять динамику гуманитарных явлений;
- сможет анализировать культурные контексты и различия между ними, способствуя лучшему пониманию глобальных вопросов;
- может поддерживать и расширять обсуждение этических вопросов, связанных с гуманитарными науками (выявляя тенденции и паттерны, связанные с этическими вопросами, моделируя различные сценарии в целях оценки последствий тех или иных этических решений, предоставляя информацию и аргументы за и против различных этических позиций, анализируя, как алгоритмы принимают решения и какие факторы влияют на результаты).

Таким образом, сильный ИИ имеет потенциал значительно ускорить и углубить научные исследования в гуманитарных науках, открывая новые горизонты для понимания человеческой культуры и общества.

ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕНТРАХ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

И наконец, в Стратегии говорится о поддержке и создании исследовательских центров в области ИИ. На сегодняшний день создано 12 таких центров и многие из них рассматривают ИИ не только как объект исследования, но в том числе и как помощника исследователя.

Приведём несколько примеров.

- 1) Институт статистических исследований и экономики знаний¹⁴, участвующий в Исследовательском центре в сфере искусственного интеллекта НИУ ВШЭ, разработал ИИ-ассистент исследователя iFORA¹⁵, который на базе технологии RAG¹⁶ и дообученных открытых больших языковых моделей позволяет исследователю получать специализированные точечные ответы по профессиональным темам, включая ссылки на источники.

Такие точечные ответы могут быть полезны для погружения в новую предметную область со специфичными терминами для понимания их связи, для подготовки более релевантного материала и обзора литературы.

Преимущество ИИ-ассистента состоит в том, что он генерирует ответ не из общих соображений, а специально был дообучен на исследовательских запросах и ответах. Кроме того, ассистент опирается на коллекции собранных патентов, публикаций и рыночной аналитики высокорейтинговых изданий.

- 2) Исследовательский центр «Сильный искусственный интеллект в промышленности»¹⁷ на базе Университета ИТМО использует технологии ИИ, например, следующим образом:

- в целях подготовки данных для исследователей: посредством компьютерного зрения автоматически «считают» количество окон и рекламы на зданиях; решаемая при этом задача – кардинальное увеличение объёмов информации, извлекаемой из «человекочитаемых» (слабоструктурированных) источников;

¹⁴ Институт статистических исследований и экономики знаний : [сайт]. URL: <https://issek.hse.ru/> (дата обращения: 06.11.2024).

¹⁵ Система интеллектуального анализа больших данных iFORA // Институт статистических исследований и экономики знаний : [сайт]. URL: <https://issek.hse.ru/ifora/> (дата обращения: 06.11.2024).

¹⁶ Технология RAG (Retrieval-augmented generation) – это подход в области обработки естественного языка, который сочетает в себе извлечение информации и генерацию текста. Основная идея заключается в том, чтобы улучшить качество создаваемого текста за счёт использования внешних источников данных. На первом этапе система извлекает релевантные документы или фрагменты текста из большого корпуса данных (например, базы знаний, статьи и т. д.) на основе заданного запроса или контекста. Затем сгенерированная модель (обычно основанная на трансформерах, таких как GPT) использует извлечённые данные для создания более информативного и контекстуально обоснованного ответа.

¹⁷ Исследовательский центр «Сильный искусственный интеллект в промышленности» // Национальный центр когнитивных разработок : [сайт]. URL: <https://actcognitive.org/o-tsentre/sai> (дата обращения: 06.11.2024).

- для ускорения научных вычислений, например, ускорения расчёта свойств пласта на порядок за счёт генеративных моделей ИИ; цель – кардинально расширить возможности применения ресурсоёмких моделей ИИ (исключить суперкомпьютеры, получить возможность решать обратные задачи и т. д.);
- для того, чтобы «дописать» математические модели некоторого сложного явления в форме дифференциальных уравнений для получения корректно работающего цифрового двойника этого явления¹⁸;
- для визуализации посредством генеративного дизайна: расчёт геометрических характеристик сложной атомно-молекулярной структуры («оптимизация геометрии»), расчёт физических характеристик структур, расчёт макропараметров системы на основе атомно-молекулярных структур (термодинамические, оптические, фотоэлектрические и другие свойства).

3) Исследовательский центр доверенного искусственного интеллекта на базе Института системного программирования РАН¹⁹ разработал платформу (сделал доверенную версию) для построения информационно-аналитических систем, которая позволяет с помощью методов ИИ анализировать неструктурированные данные и наполнять базы знаний. Эта платформа содержит более 50 моделей машинного обучения, способных извлекать информацию об объектах интереса и связях между ними посредством анализа текстов на более чем ста языках, фотографий и изображений, видео и других данных.

Применение этой платформы распространяется на широкий круг задач, включая поддержку научных исследований. В частности, в рамках совместного проекта с МГИМО была создана система для проведения гуманитарных исследований в области международных отношений²⁰. Эта система непрерывно собирает информацию из ведущих СМИ всех стран, социальных сетей, сайтов государственных органов, патентных ведомств и других источников. С её помощью исследователи производят анализ международных финансовых потоков, выявляют тенденции и закономерности в области международной политики, а также проверяют научные гипотезы на большом объёме актуальных данных. Проект в 2023 г. получил премию «Гравитация» в специальной номинации «Открытие года».

¹⁸ Остановимся на этом подробнее. Есть некоторое сложное явление (как правило, мультифизическое), которое включает в себя несколько областей физики, химии, биологии и других наук. И оно настолько сложное, что нет специалистов, которые могут корректно сформулировать все описывающие это явление модели, чтобы создать цифровой двойник. Т. е. модели специалисты формулируют (каждый в своей области), но не могут соединить вместе в единый цифровой двойник. За них это делает ИИ – он «дописывает» математические модели в форме дифференциальных уравнений, чтобы весь двойник работал корректно.

¹⁹ Исследовательский центр доверенного искусственного интеллекта // ИСП РАН : [сайт]. URL: <https://ispras.ru/ai-center/> (дата обращения: 06.11.2024).

²⁰ Talisman. Платформа для построения интеллектуальных информационно-аналитических систем // ИСП РАН : [сайт]. URL: <https://ispras.ru/technologies/talisman/> (дата обращения: 06.11.2024).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года содержит положения, способствующие развитию данной технологии в качестве инструмента для научных исследований. Например, следующие пункты:

- 1) о необходимости финансирования тех технологий, в которых в качестве инструмента для выполнения научных и прикладных задач используются технологии ИИ;
- 2) о развитии больших моделей ИИ – языковых и генеративных;
- 3) о формировании условий для создания сильного ИИ;
- 4) о поддержке существующих и создании новых исследовательских центров в сфере ИИ.

Изучение практического применения технологий ИИ в науке указывает на то, что российские учёные уже активно осваивают эти технологии в качестве инструмента проведения научных исследований. Причиной является то, что ИИ усиливает потенциал исследователя до ранее недоступного уровня.

Следующий шаг в направлении применения ИИ-технологий в науке эксперты видят в повышении ответственного использования этих технологий, в том числе путём измерения уровней неопределённости, ошибок и полезности систем ИИ. Это понимание позволит точно интерпретировать результаты применения искусственного интеллекта и исключать потенциально ошибочные результаты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Фонотов А. Г., Бедняк Ю. А.* Искусственный интеллект: ожидаемое или немигущее? // *Управление наукой: теория и практика.* 2024. Т. 6, № 2. С. 15–25. DOI 10.19181/sntp.2024.6.2.1. EDN EYMDJO.
2. Scientific discovery in the age of artificial intelligence / H. Wang, T. Fu, Y. Du [et al.] // *Nature.* 2023. Vol. 620, № 7972. P. 47–60. DOI 10.1038/s41586-023-06221-2.
3. *Фок Д.* Как искусственный интеллект меняет науку / пер. с англ. В. Голованова // Хабр : [сайт]. 2019. 29 марта. URL: <https://habr.com/ru/articles/445806/> (дата обращения: 25.10.2024).
4. *Тамбовцев В. Л.* О чём стоит помнить, размышляя об искусственном интеллекте // *Управление наукой: теория и практика.* 2024. Т. 6, № 2. С. 26–34. DOI 10.19181/sntp.2024.6.2.2. EDN FFDRFQ.
5. *Nunavath V., Goodwin M.* The role of artificial intelligence in social media big data analytics for disaster management – initial results of a systematic literature review // 2018 5th International Conference on Information and Communication Technologies for Disaster Management (ICT-DM) (Sendai, Japan, 2018, December 4–7). P. 1–4. DOI 10.1109/ICT-DM.2018.8636388.
6. *Hilpisch Y.* Artificial intelligence in finance : A Python-based guide. Sebastopol, CA : O'Reilly Media, Inc., 2020. 475 p. ISBN 9781492055433.
7. Big data analytics in healthcare: A systematic literature review / S. Khanra, A. Dhir, A. K. M. Najmul Islam, M. Mäntymäki // *Enterprise Information Systems.* 2020. Vol. 14, № 7. P. 878–912. DOI 10.1080/17517575.2020.1812005.

8. Sebestyén V., Czvetkó T., Abonyi J. The applicability of big data in climate change research: The importance of system of systems thinking // *Frontiers in Environmental Science*. 2021. Vol. 9. Art. 619092. DOI 10.3389/fenvs.2021.619092.

9. Machine learning in psychometrics and psychological research / G. Orrù, M. Monaro, C. Conversano [et al.] // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 10. Art. 2970. DOI 10.3389/fpsyg.2019.02970.

10. Артамонов В. А., Артамонова Е. В., Милаков А. С. Когнитивизм как база искусственного интеллекта // *Управление наукой: теория и практика*. 2024. Т. 6, № 2. С. 35–45. DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.3. EDN FMRRBD.

11. Language models are few-shot learners / Т. В. Brown, B. Mann, N. Ryder [et al.] // *arXiv.org* : [сайт]. 2020. July 22. URL: <https://arxiv.org/abs/2005.14165> (дата обращения: 25.10.2024). DOI 10.48550/arXiv.2005.14165.

12. Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии / пер. с англ. С. Филина. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 490, [2] с. ISBN 978-5-00057-810-0.

13. Домингос П. Верховный алгоритм: как машинное обучение изменит наш мир / пер. с англ. В. Горохова ; [науч. ред. А. Сбоев, А. Серенко]. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 336 с. ISBN 978-5-00100-172-0.

REFERENCES

1. Fonotov A. G., Bednyak Y. A. Artificial intelligence: Expected or inevitable? *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(2):15–25. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.1.

2. Wang H., Fu T., Du Y. [et al.] Scientific discovery in the age of artificial intelligence. *Nature*. 2023;620(7972):47–60. DOI 10.1038/s41586-023-06221-2.

3. Falk D. How artificial intelligence is changing science / transl. from English by V. Golovanov. *Habr*. 2019, March 29. Available at: <https://habr.com/ru/articles/445806/> (accessed: 25.10.2024). (In Russ.).

4. Tambovtsev V. L. Things to keep in mind when thinking about artificial intelligence. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(2):26–34. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.2.

5. Nunavath V., Goodwin M. The role of artificial Intelligence in social media big data analytics for disaster management – initial results of a systematic literature review. In: 2018 5th International Conference on Information and Communication Technologies for Disaster Management (ICT-DM) (Sendai, Japan, 2018, December 4–7). P. 1–4. DOI 10.1109/ICT-DM.2018.8636388.

6. Hilpisch Y. Artificial intelligence in finance : A Python-based guide. Sebastopol, CA : O'Reilly Media, Inc.; 2020. 475 p. ISBN 9781492055433.

7. Khanra S., Dhir A., Najmul Islam A. K. M., Mäntymäki M. Big data analytics in health-care: A systematic literature review. *Enterprise Information Systems*. 2020;14(7):878–912. DOI 10.1080/17517575.2020.1812005.

8. Sebestyén V., Czvetkó T., Abonyi J. The applicability of big data in climate change research: The importance of system of systems thinking. *Frontiers in Environmental Science*. 2021;9:619092. DOI 10.3389/fenvs.2021.619092.

9. Orrù G., Monaro M., Conversano C., Gemignani A., Sartori G. Machine learning in psychometrics and psychological research. *Frontiers in Psychology*. 2020;10:2970. DOI 10.3389/fpsyg.2019.02970.

10. Artamonov V. A., Artamonova E. V., Milakov A. S. Cognitivism as the basis of artificial intelligence. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(2):35–45. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.3.

11. Brown T. B., Mann B., Ryder N. [et al.] Language models are few-shot learners. *arXiv.org*. 2020. July 22. Available at: <https://arxiv.org/abs/2005.14165> (accessed: 25.10.2024). DOI 10.48550/arXiv.2005.14165.
12. Bostrom N. *Superintelligence: Paths, dangers, strategies* / transl. from English by S. Filin. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber; 2016. 490, [2] p. (In Russ.). ISBN 978-5-00057-810-0.
13. Domingos P. *The master algorithm: How the quest for the ultimate learning machine will remake our world* / transl. from English by V. Gorokhov ; ed. by A. Sboev, A. Serenko. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber; 2016. 336 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00100-172-0.

Поступила в редакцию / Received 24.10.2024.

Одобрена после рецензирования / Revised 25.11.2024.

Принята к публикации / Accepted 05.03.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Осадчук Евгений Валентинович *wildidea@mail.ru*

Кандидат экономических наук, директор направления «Искусственный интеллект»,
АНО «Цифровая экономика», Москва, Россия

SPIN-код: 8418-0345

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny V. Osadchuk *wildidea@mail.ru*

Candidate of Economics, Director, Artificial Intelligence Department, ANO "Digital Economy",
Moscow, Russia

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.11

EDN: OUDCHY

Научная статья

Research article

КИТАЙСКИЕ ГУМАНИТАРИИ В РОССИЙСКОЙ АСПИРАНТУРЕ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛИИ

**Кононенко
Евгений Иванович¹**

¹ Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

Для цитирования: Кононенко Е. И. Китайские гуманитарии в российской аспирантуре: ожидания и реалии // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 158–176. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.11. EDN OUDCHY.

Аннотация. Растущее количество китайских соискателей вынуждает говорить об «образовательной экспансии», выгода от которой для российской науки невелика. Данные опросов обучающихся в России граждан КНР свидетельствуют, что качество получаемой подготовки не удовлетворяет их спрос на образовательные услуги. Откровенно пониженные требования к «китайским диссертациям» девальвируют российские учёные степени и противоречат стремлению к повышению конкурентоспособности отечественной науки. В статье рассматриваются некоторые очевидные проблемы, возникающие при обучении граждан КНР в аспирантуре российских вузов и НИИ по гуманитарным научным направлениям (на примере искусствоведения). Исследование базируется на данных о защитах китайских соискателей на сайте ВАК РФ и обращает внимание на дублирование и незначительность избираемых тем исследований, слабость научного руководства, «облегчённость» требований к качеству диссертаций, недостаточную подготовленность вузов и диссоветов к работе с иностранцами в целом.

Ключевые слова: китайские соискатели, высшая школа, аспирантура, диссертационные советы, методика научной работы

CHINESE HUMANITIES SCHOLARS IN RUSSIAN POSTGRADUATE EDUCATION: EXPECTATIONS AND REALITIES

Evgenii I. Kononenko¹

¹ The State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

For citation: Kononenko E. I. Chinese humanities scholars in Russian postgraduate education: Expectations and realities. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):158–176. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2025.7.1.11.

Abstract. The growing number of Chinese applicants forces us to talk about “educational expansion”, the benefit from which is small for Russian science. Survey data of Chinese citizens studying in Russia indicate that the quality of the training they receive does not satisfy their demand for educational services. The obviously lowered requirements for “Chinese dissertations” devalue Russian academic degrees and contradict the desire to increase the competitiveness of national science. The article examines some apparent problems that arise when teaching Chinese citizens in humanities postgraduate programs at Russian universities and research institutes (drawing on the case of art history). The study is based on data on defenses of Chinese applicants provided on the website of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. It draws attention to the duplication and insignificance of selected research topics, the weakness of academic supervision, the “easiness” of requirements for the quality of dissertations and the insufficient preparedness of universities and dissertation councils to work with foreigners in general.

Keywords: Chinese applicants, higher school, postgraduate education, dissertation councils, methods of research work

Несмотря на очевидные проблемы и противоположные оценки направления реформирования, российские «образовательные услуги» сохраняют привлекательность для иностранцев – свидетельством тому является количество поступающих в российские колледжи и вузы граждан других государств. Россия заняла 8-е место в мире по количеству обучаемых иностранных граждан [1, с. 214]. Правда, по сравнению с советским временем произошло «замещение» студентов и аспирантов из стран СЭВ «образовательными мигрантами» из азиатских и африканских государств. Возникает, однако, диспропорция: если представители, например, Вьетнама, Бангладеш, Сирии, Йемена предпочитают получать востребованные «утилитарные» профессии (медики, фармацевты, педагоги, инженеры) и ограничиваются дипломом специалиста, то многие выходцы из «более благополучных» стран нацелены на продолжение обучения в аспирантурах российских вузов и научных институтов¹, причём значительное их число выбирают гуманитарные дисциплины, специфический российский опыт в которых может лишь с оговорками применяться в научных школах других стран [2; 3; 4].

¹ Для поднимаемых вопросов различия между аспирантами и соискателями, а также между кафедрами вузов и отделами и секторами НИИ не представляются существенными.

Не удивительно, что подавляющее большинство иностранцев, поступающих в российские аспирантуры, – граждане КНР. О причинах выбора китайцами именно российского высшего образования написано много [5; 6; 7; 8], но эти причины мало объясняют и интерес китайцев к гуманитарным наукам, и удивительную статистику: анализ объявлений о защитах на сайте ВАК за отдельно взятые периоды показывает, что общее число выполненных китайцами исследований по некоторым гуманитарным дисциплинам (например, по филологии и искусствоведению) превышает четверть всех защит; страницы диссоветов свидетельствуют, что в некоторых организациях количество работ китайских соискателей достигает трёх четвертей от общего числа принятых диссертаций. «Академическая мобильность» приобретает характер экспансии, обслуживание которой определённно требует значительных ресурсов. Вопрос – получает ли российская гуманитарная наука какую-либо пользу – перестаёт быть риторическим.

Десятилетие назад А. Г. Ларин, анализируя подготовку китайских специалистов в России, был вынужден отметить низкий международный престиж российского образования, «пониженный барьер для иностранцев, поступающих в российские вузы», «альтернативные, облегчённые пути получения дипломов, порождённые коррупционной средой вкупе с укоренившимся снисходительным отношением вузов к платным студентам»; был сделан осторожный вывод: «Китай больше заинтересован в интенсивном образовательном сотрудничестве и, в частности, в обучении своих студентов в России, чем сама Россия» [9, с. 287–288]. Пять лет назад в исследовании социологов РГСУ эти выводы были лишь переформулированы [10, с. 154–156].

За последние годы привлекательность российского образования для китайцев возросла, в КНР создаются «подготовительные базы для учёбы в России», отечественные и китайские вузы разрабатывают совместные программы обучения и т. д. [11; 12; 13; 14; 15]. Защищенные в России диссертации китайских соискателей уже стали частью отечественной историографии и постепенно оформляются в отдельный объект исследования [16; 17; 18].

В данной статье обратим внимание лишь на некоторые аспекты подготовки китайских соискателей учёных степеней по искусствоведению; однако выделяемые на примере данных специальностей проблемы, наверняка, являются общими для всех гуманитарных (и не только) дисциплин.

Прежде всего необходимо чётко понимать цели и возможности обучения граждан КНР в российской аспирантуре. К сожалению, в очень многих случаях углублённое изучение дисциплины и приобретение навыков исследовательской работы – это «сопутствующие цели». Не секрет, что китайцев интересует прежде всего сама учёная степень.

В России во многих гуманитарных дисциплинах наличие кандидатской степени воспринимается едва ли не как обязательное условие для работы в научном учреждении, хотя в последние десятилетия вследствие многочисленных лишений оно оказалось значительно девальвировано. В Китае учёные степени и звания котируются высоко, поскольку обеспечивают и карьерный рост, и значительную прибавку к зарплате: неслучайно китайцы приходят в недоумение по поводу материальной оценки труда российских учёных.

Кроме того, при трудоустройстве в китайский вуз или научную организацию при равных прочих условиях соискатель с иностранной степенью имеет заведомое преимущество.

При сложившемся скептическом отношении к российским учёным степеням возникает логичный вопрос: если для китайцев приоритет имеет любая иностранная учёная степень, то почему многие из них при почти недостижимом для нас высоком уровне «академической мобильности» поступают именно в российскую аспирантуру и пытаются защититься в России? Одним из важнейших факторов выбора России китайскими учащимися является низкая стоимость обучения [12, с. 479]. Статистика показывает, что почти 20% китайских студентов, оказавшихся в России, изначально нацеливались на другие страны (в первую очередь – географически близкие к Китаю страны Азии, затем следуют Европа и США). Немаловажными аргументами для предпочтения России оказываются низкая стоимость проживания, транспортная доступность, простота оформления визовых документов и низкие требования к приёму в российские вузы [1, с. 221–222]. Не последнюю роль играют личные связи и наличие студенческих диаспор, облегчающих языковую, бытовую и культурную адаптацию.

Россия для китайских соискателей – преимущественно поставщик дипломов о присуждении учёных степеней, причём поставщик тендерный, т. е. конкурентно дешёвый и удобный для адаптации. Российское образование привлекает тех, кто, не получив высоких баллов за *гаокао* (аналог ЕГЭ), не имеет шансов на поступление в хорошие китайские вузы либо не может позволить себе образование в Европе или в США [1, с. 232; 10, с. 151–153].

К чести китайцев необходимо отметить, что подавляющее большинство из них готовы к полноценному обучению в аспирантуре и серьёзной научной работе. Присуждённая степень как показатель этой работы открывает желанные перспективы трудоустройства и карьерного роста. Китайцы заинтересованы в овладении российским (как и любым зарубежным) образовательным и научным опытом; платя за обучение, они надеются получить полезный для дальнейшей работы на родине багаж знаний, умений и навыков. Для отделов аспирантуры и руководства отечественных вузов и НИИ появление иностранных соискателей – безусловное благо: это немаловажный источник внебюджетного финансирования, показатель «международного сотрудничества», бюрократический критерий «авторитетности» и «востребованности» для составления различных рейтингов.

Простота оформления документов, необходимых для прикрепления к аспирантуре, приводит китайцев в восторг и вводит в заблуждение, потому что после благоприветствования со стороны руководства вуза они тотчас сталкиваются с «благопрепятствованием» на уровне кафедр и секторов, где будет проходить их обучение. Не секрет, что подавляющее большинство научных руководителей характеризуют опыт работы с китайскими аспирантами как предельно непродуктивный, а словосочетание «китайская диссертация» используется для обозначения некачественной, пустословной, мелкотемной и зачастую несамостоятельной научной работы. Правда, в последние годы предвзято-негативное отношение к защищённым диссертациям китайских аспирантов в российской

академической среде несколько смягчилось, но не столько из-за их возросшего качества, сколько из-за требовательности ряда диссоветов, отклоняющих заведомо слабые работы. Некоторые диссоветы негласно устанавливают своего рода квоту на приём к защите «китайских диссертаций».

Нормативные требования к обучению в аспирантуре, аттестации и диссертациям в России едины, какие-либо особенности работы с иностранцами в них не отражены. Практика показывает, что представления новоявленного соискателя о требованиях к научной работе и методах исследования могут значительно отличаться от привычных академических норм. Эти отличия в компетенциях в значительной степени объясняются не личными качествами, а различием в программах подготовки и государственных стандартах образования, но преодоление этих различий, безусловно, нельзя возлагать на сотрудников кафедр и секторов. Многие иностранные соискатели вообще не представляют себе содержание, объекты и методы «науки об искусстве» в отечественном понимании (так, в китайской номенклатуре специальностей это «Антропология»), – для них это сродни «рассказам о картинках», тем более что новомодное название группы специальностей «5.10.3 – Виды искусства» (против размытости которого безрезультатно выступают все причастные) способно ввести в заблуждение кого угодно. «На искусствоведение» в российские аспирантуры поступает большое количество китайских художников, музыкантов, актёров, явно не склонных к научной работе и предпочитающих участие в выставках, концертах и спектаклях конференциям молодых учёных.

Можно ли исправить ситуацию? Например, в РГПУ им. А. И. Герцена в последние годы китайские выпускники магистратуры поступали в аспирантуру только после прохождения годичной стажировки, отдельного собеседования и курса обучения по программе «Научные исследования в области искусствознания», которая призвана улучшить уровень русского языка и определить направления будущего исследования. По завершении программы граждане КНР получают отдельный диплом, а при демонстрации успехов в освоении русского языка и искусствознании – рекомендацию в аспирантуру РГПУ. За время стажировки не только китайцы успевают адаптироваться к российской образовательной системе и понять особенности конкретной дисциплины, но и будущие учителя и коллеги – оценить склонности и возможности потенциального соискателя.

Обучение в аспирантуре далеко не всегда завершается защитой диссертации, и зависит это не только от успехов конкретного соискателя, но и от диссовета. Не все организации, имеющие аспирантуру, открывают диссоветы, и целый ряд соискателей вынуждены «пристраивать» свою диссертацию в диссоветы других организаций. Лишь немногие диссоветы принимают работы «чужих китайцев», а некоторые крайне скептически относятся и к «своим» (обучавшимся в аспирантуре этой же организации) и находят формальные предлоги отказать в приёме работы к защите (часто вопреки давлению ректоратов). Кроме того, не исключаются случаи, когда и результаты защиты оказываются негативными, и ВАК отменяет положительное решение диссовета... Конкурентные преимущества, которые степень может дать в Китае, сохраняют актуальность лишь до достижения 36-летнего возраста (чтобы обеспечить занятие вакансии

профессора в престижном китайском вузе); после этого присуждение российской степени китайцу малоинтересно. Несмотря на прилежание и трудолюбие, свойственные гражданам КНР, и их искреннее желание приобрести знания и навыки, полезные в дальнейшей работе, «образовательная миграция» в Россию при отсутствии гарантий защититься в срок теряет привлекательность.

Потенциальные соискатели обычно идут наиболее простым путём: получив документ об обучении в аспирантуре известных в Китае российских вузов с высоким рейтингом, пытаются защититься в диссоветах, имеющих репутацию более «лояльных», обеспечивая подобным организациям и внебюджетное финансирование (через краткосрочное прикрепление), и славу «диссеродельных фабрик». Кроме того, следует иметь в виду и факт, о котором китайские соискатели сообщают при личном общении: защита в определённых диссоветах оказывается слишком затратной, и не всегда речь идёт только об оформлении официального прикрепления для защиты... Подобные «расценки» хорошо известны в среде китайских аспирантов, они становятся известны и китайской прессе и превращаются в «репутационные издержки» и «имиджевые потери», отрицательно влияющие не только на рейтинги наших диссоветов и вузов, но и, как следствие, – на перспективы российских образовательных проектов [9, с. 287–288]. Здесь следует отметить, что, например, иранские организации, заинтересованные в подготовке научных кадров, следят за подобными рейтингами, руководствуются ограниченным списком «доверенных» вузов с аспирантурами и запрещают своим соискателям защищаться в диссоветах вне этого списка.

Пожалуй, наиболее важные и ответственные для любого аспиранта и для принимающей его кафедры моменты – определение темы исследования и назначение научного руководителя. В случаях с китайскими соискателями эти «оргмоменты» превращаются в серьёзные проблемы: перспектива руководить работой и доводить до аттестации и защиты неизвестного, слабо подготовленного (как правило), плохо говорящего по-русски (как правило) будущего учёного, не представляющего себе (как правило) научной проблематики, методики, историографии мало кого вдохновляет. Перед кафедрой открываются два простых и логичных пути: поручить научное руководство китайским аспирантом либо самому опытному, либо самому молодому сотруднику.

В первом случае предполагается, что мэтр имеет большой опыт научного руководства, прекрасно представляет себе конъюнктурность тем (их работанность в историографии, необходимый круг источников, возможность обосновать актуальность темы, сформулировать теоретическое значение исследования и практическое применение его результатов), приобрел навык разнообразить «повороты» одних и тех же исследовательских сюжетов и выделять различные «предметы исследования» применительно к одному и тому же объекту, облачая их в инновационные наукообразные формулировки. Кроме того, у маститого учёного и педагога наверняка есть и определённый «исследовательский задел», которым он вполне может поделиться с аспирантами, а то и старые темы диссертаций, которые можно дополнить, развить, «актуализировать», даже пересмотреть в свете новых данных или с привлечением иных аргументов... В опубликованном обзоре диссертаций, выполненных

китайскими искусствоведами в РГПУ им. А. И. Герцена, среди руководителей указаны всё больше профессора, зав. кафедрами и даже декан факультета... [17, с. 16–18]. Опытные руководители извлекают из такого педагогического опыта определённую пользу: во-первых, за руководство аспирантами (тем более иностранными) во многих организациях доплачивают; во-вторых, количество защищённых учеников – аргумент при назначении, присвоении, избрании и обретении иных академических благ.

Во втором случае руководство «тёмной лошадкой» по принципу «а больше некому!» и под предлогом необходимого приобретения опыта навязывается начинающему преподавателю. Такой руководитель вполне может взяться за дело с полной отдачей, вдохновиться миссией культуртрегерства, придумать изощрённую тему; однако весь его опыт ограничивается собственной диссертацией. Он уже знает, как работать с материалом и как писать текст, но часто ещё не представляет, как именно этому учить, насколько нагружать и что именно требовать. Он знает предмет и объект собственного исследования, но пока ещё с трудом представляет себе, какими могут быть «шаг влево, шаг вправо»... Неудивительно, что молодым руководителям зачастую проще писать диссертацию самим или «в тесном соавторстве» с китайским аспирантом, чем объяснять, как её надо писать, и тем более требовать результат надлежащего качества и в назначенный срок. Через какое-то время «неподготовленность к работе с китайской аудиторией российских преподавателей, незнание их этнопсихологических особенностей и характерной для китайской системы образования принципов обучения приводят к раздраженности научных руководителей, которые не могут добиться от китайских аспирантов каких-либо результатов научной деятельности. Некоторые научные руководители, наоборот, сочувственно относятся к своим подопечным, считая, что требования к диссертациям в Китае принципиально иные, и требуется время, чтобы китайский аспирант смог адаптироваться и понять требования к диссертации в российском вузе» [18, с. 278].

Совместная работа аспиранта и научного руководителя над текстамиощряется и не является препятствием для защиты. Соавторство в этом случае логично и оправдано – хотя бы потому, что именно руководителю приходится редактировать написанный китайским аспирантом текст, готовить его к публикации, оформлять по требованиям конкретных изданий. Аспиранту – реальная помощь, руководителю – бонус в виде пары-тройки ВАКовских публикаций по «смежной» теме; а если в названии опубликованных статей окажутся какие-либо формы слова «китайский», то такие статьи молодой российский учёный, когда к нему обратятся из другого диссовета, смело укажет в «сведениях об оппоненте», и поди поспорь, что он не является экспертом в любой отрасли синологии или даже востоковедения в целом...

В России довольно быстро формируется особый круг специалистов, готовых оппонировать диссертации иностранцев по любым темам, при этом не знающих ни языков, ни историографии, ни культуры «подведомственных регионов», приобретших лишь скороспелый опыт работы с аспирантами. Достаточно посмотреть документы на сайтах диссоветов, «специализирующихся» на защитах иностранных соискателей, чтобы убедиться: оппонентами на таких защитах

выступают, как правило, одни и те же люди, чьи научные интересы далеки от тем диссертаций, но «заклучения диссовета» канцелярски-однообразно настаивают на их компетентности, и чаще всего такие декларации удовлетворяют ВАК. Есть и учёные, некогда известные как хорошие узкие профессионалы, после занятия руководящих должностей лишь наращивающие списки публикаций и создающие себе репутацию «специалистов во всём» благодаря совместным с аспирантами (преимущественно иностранными) статьям, размещаемым в вузовском журнале, «обслуживающем» местный диссовет...

Ассоциации «китайских диссертаций» с мелкотемьем и пустословием, к сожалению, не безосновательны, и вопросы о действительной ценности исследований рождает уже беглое ознакомление с названиями работ на сайтах диссоветов и ВАК.

К сожалению, в российской практике не существует единого реестра предлагаемых соискателям тем диссертаций, которые были бы действительно актуальны и востребованы. Обоснование теоретического и практического значения исследования – задача самого соискателя степени, но ни для кого не секрет, что требуемые п. 8 «Положения о присуждении...» «решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний... или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны» – симуляция. Необходимые разделы «Научная новизна», «Актуальность», «Практическая значимость» с небольшими вариациями черпаются из аналогичных работ и потом наукообразно подтверждаются в отзывах ведущих организаций [19, с. 333–336]. Те научные учреждения, которые откровенно стремились отказаться от притока китайских соискателей, просто предложили абитуриентам список тем, разработка которых была бы интересна именно самим учреждениям, и достигли желаемого результата.

Предполагаемая слабость подготовки китайских соискателей вынуждает кафедры и научных руководителей придумывать для них «облегчённые темы» – не те, которые были бы интересны и перспективны с исследовательских позиций, а с которыми соискатель заведомо справится: по которым существует достаточное количество литературы, имеются схожие разработки и т. д. Члены учёных советов, на которых утверждаются аспирантские темы, неоднократно признавались, что подобную формулировку российскому исследователю предлагать было бы неловко.

В силу полученной на родине научной подготовки и определённых традиций китайской гуманитарной науки аспиранты из КНР склонны не к аналитике, а к описательности. Актуальность работы для них связана в первую очередь с обращением к культурному наследию Китая и ограничивается самим фактом этого обращения. В собственном представлении они являются некими «первооткрывателями», проливающими свет на абсолютно не известные за рубежом области китайской культуры. Уважение к историографической традиции таково, что чем богаче библиография – тем тема выглядит важнее, и приоритетом становится не новизна ракурса исследования или оригинальность точки зрения, но встраивание своей работы в цепочку уже существующих; при этом не зная в необходимой степени русского языка и не желая (а то и попросту не умея) работать с русскоязычной научной литературой, китайские аспиранты обращаются

по большей степени лишь к китайским источникам. С наработками западных или российских гуманитарных дисциплин аспиранты-китайцы редко знакомы, а ценность собственных разработок (как теоретическая, так и практическая) оценивается лишь из потенциальной пользы для китайской науки. Отсюда узкая направленность их научных интересов и ограниченность (во всяком случае, на начальном этапе обучения) научного кругозора.

Важная особенность китайского научного мышления – необходимость формулировки рекомендаций для продолжения исследований, которое подаётся как перспектива развития целой научной отрасли и приобретает глобальный характер. Отчасти отсюда проистекает и характерная постановка целей и задач, непомерных ни для отдельного узконаправленного исследования, ни для ограниченного объёма текста диссертации. Соответствуют ли привлекаемые аргументы этим целям и задачам – аспирант-китаец вряд ли самостоятельно задумывается, ему порой достаточно двух-трёх хрестоматийных памятников, чтобы на 160 страницах очертить историю развития всей китайской культуры на протяжении пары тысяч лет. Таковы же будут выводы: слишком общие, лишённые конкретики и причинно-следственной связи. Это исследование прямолинейное, оно не нуждается в сомнениях, уточнениях, поиске параллелей, отступлениях: цель сформулирована во введении, соответствующие ей выводы понятны изначально, всё, что между, – лишь необходимый «наполнитель», своего рода «гарнир». Вопросы «Из чего следует такой-то вывод?», «Правомерно ли выделять предложенный ракурс при исследовании избранного объекта?», «Не надо ли дополнительно доказать такой-то тезис?», «Можно ли объяснить феномен иначе?», – вызывают искреннее недоумение. Поверхностное исследование, откровенно неприличное и недопустимое для российского соискателя, в случае защиты китайских граждан вполне устраивает и кафедру, и диссовет, и ВАК.

Российские вузы часто предлагают китайским аспирантам темы сравнительного характера, чтобы хоть как-то связать их интерес и имеющийся у них материал с российской методологией, предполагая, что молодые учёные смогут ввести в отечественную науку достижения китайских коллег, позволяющие судить об особенностях подходов и методик или же раскрывающие особенности и результаты адаптации российской культуры в Китае. Даже простой, но качественный анализ имеющейся китайской историографии по различным проблемам и вопросам, грамотное изложение особенностей восприятия китайской аудиторией отдельных событий и явлений, взгляды китайских критиков могли бы стать востребованной научной работой. Однако чаще всего и этого не происходит.

Анализ объявлений о защитах показывает, что в последнее десятилетие с завидной регулярностью появляются «китайские диссертации» с полностью совпадающими объектом, предметом, целями, аргументацией и выводами. Так о «современной китайской скульптуре» созданы (и успешно защищены) три однотипные работы, о традиционных жанрах в современной китайской живописи – шесть, о становлении в Китае живописи маслом – не менее четырёх, об общем влиянии советской живописи на становление китайского изобразительного искусства – минимум пять, а если разнообразить базу аргументов

и добавить сюда оговоренные в названиях конкретные жанры живописи, различные техники графики, книжную иллюстрацию – получим ещё дюжину вариантов трактовки адаптации отечественного опыта в китайском изобразительном искусстве. Создание «китайских диссертаций» на однотипные темы поставлено на конвейер, в защитах задействованы одни и те же диссоветы, организации и люди («узкий круг...»), пользы ни российской, ни китайской науке никакой, растёт лишь количество выдаваемых дипломов о присуждении степени.

Некоторые китайские соискатели самостоятельно предлагают предмет, который интересен им, с лёгкостью убеждают руководителей, кафедры и учёные советы в перспективности исследования, и после окружения такого предмета некоторым количеством наукообразных терминов рождается формулировка темы, которую можно дополнительно аргументировать «обращением иностранного учёного к национальной культуре» и «введением в отечественную науку новых данных». Сложность заключается в том, что знакомство научных руководителей, сотрудников кафедр, членов учёного и диссертационного советов с избранным предметом чаще всего приходится оценивать как факультативное. Этому есть целый ряд объяснений: курсы истории, культуры, искусства Востока в европоцентричных учебных программах российских вузов читаются по остаточному принципу и, как правило, недостаточно подготовленными преподавателями, не являющимися специалистами, не знающими проблематики, историографии (как отечественной, так и европейской), текстов и памятников. В такой ситуации иностранный аспирант ощущает себя культуртрегером, просветителем и едва ли не первооткрывателем, свободным в постановке вопроса, выборе аргументов, подборе памятников, трактовках, оценках, а главное – работе с литературой [3, с. 9; 4, с. 188], небезосновательно полагая, что те, от кого будет зависеть оценка его работы, не знают ни китайского языка, ни китайской историографии и соответственно не смогут ни оценить (не)полноту и (не)оригинальность исследования, ни выявить переводной плагиат.

«Почему-то» особое внимание соискателей из КНР привлекло искусство далекой эпохи Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.): в течение трёх лет российская наука обогатилась как минимум четырьмя исследованиями памятников данного периода. Не обойдены вниманием китайских диссертантов оказались и фрески в буддийских пещерных монастырях Цяньфодун: несмотря на обширную библиографию (российскую, англоязычную, китайскую), отечественная наука почти одновременно приросла сразу тремя выполненными в разных организациях исследованиями. Стандартно-безликие формулировки обязательного параграфа «Актуальность исследования» никак не объясняют важность изучения именно ранних китайских памятников для российского искусствоведения. В то же время целый ряд интересных и малоизвестных в России памятников, действительно специфических художественных явлений и серьёзных исследовательских проблем китайской культуры остаются «не востребованными» ни диссертантами, ни их руководителями, ни кафедрами.

Научные руководители упомянутых исследований не являлись синологами и могли представить себе объект исследования лишь по аналогии с другими произведениями, не погружаясь в китайскую специфику. Таким руководителям

оставалось лишь полностью доверять аргументам и мнению своих аспирантов, подбирать лояльных оппонентов и надеяться, что защита останется незамеченной специалистами по культуре Китая. Говорить о научной ценности «диссертаций по аналогии» не приходится – подобный продукт напоминает результат применения хорошо известного Диссернету метода «мясо – шоколад» [20].

Очевидно, что «пониженный барьер» для иностранных учащихся, о котором говорилось ещё в начале 2010-х гг. [9], «вырос» незначительно, а «укоренившееся снисходительное отношение» распространяется не только на дипломы, но и на защиты.

Ещё один аспект, откровенно портящий жизнь отделам аспирантуры, имеющих дело с китайскими соискателями, – необходимость обеспечения публикаций в «рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ». Несколько лет, проведённых в российском вузе, большинству иностранцев для овладения русским языком недостаточно; «уверенного владения языком в бытовой и профессиональной сферах» достигает лишь четверть опрошенных китайцев [12, с. 479; 1, с. 224, 231]. Проблема обучения китайских учащихся русскому языку осознана и описана [21; 22]), но уровень владения иностранными соискателями языком общения и профессиональной терминологией к моменту защиты зачастую не позволяет оценить квалификацию молодого учёного.

Принимая диссертацию к защите и обеспечивая соискателю режим наибольшего благоприятствования, диссоветы обычно стараются трактовать любые понятийные вольности, явные противоречия, грубые нарушения логики как «трудности перевода», а требуемая протоколом «дискуссия» сводится к декларациям об укреплении международного сотрудничества и важности культурных контактов. При этом членов диссоветов не смущают многочисленные случаи, когда автор грамотного русскоязычного текста на защите не может внятно прочесть по бумажке вступительную речь и понять задаваемые ему вопросы. А вот экспертные советы ВАК уже недоумевают: «Как могла быть защищена диссертация, написанная на русском языке, если при вызове “на ковёр” её автор не может понять задаваемые экспертом вопросы?», и такие далеко не единичные прецеденты становятся поводом для вынесения замечаний диссоветам.

И всё-таки иностранные аспиранты сталкиваются с необходимостью написания текстов (мы не рассматриваем случаи заказных работ). Безусловно, эти тексты нуждаются в редакторской правке, которую могут осуществлять друзья, коллеги, научные руководители; не запрещено и не зазорно привлечь к работе профессиональных редакторов и корректоров. Подавляющее большинство коллег, имеющих опыт руководства китайскими соискателями, признавались, что «правила» их диссертации перед сдачей в диссовет окончательного варианта.

В некоторых случаях ответственный научный руководитель привлекает аспиранта (и не только иностранца) к участию в разработке интересующей его широкой темы, предлагая для посильного изучения частную задачу, связанную с собственным проектом. В процессе совместной работы научному руководителю проще и эффективнее направлять исследование, объяснять особенности работы, аргументировать необходимость доработки, дополнений, изменений. О привлечении нескольких аспирантов и сотрудников кафедры к одному большому исследовательскому проекту, сопоставимому с взаимодействием

в лабораториях, большинство гуманитариев могут лишь мечтать, поэтому выполнение части общей работы по принципу «делай как я» под постоянным контролем руководителя «проекта» для иностранных аспирантов может оказаться идеальным вариантом обучения.

Подобная организация работы над диссертацией полностью оправдывает соавторство статей и докладов аспиранта и его руководителя. Но уже по списку статей в авторефератах можно понять, как велась работа и какова доля участия каждого из соавторов: в одних случаях соискатель (вернее – его руководитель) ограничивается необходимыми двумя-тремя тезисами-отписками на одну и ту же сформулированную с незначительными вариациями тему по 3–4 странички в последних (перед датой защиты) номерах (а нередко и в одном номере) платного местечкового журнала (перечень «площадок» для публикаций, входящих в пресловутый «список ВАК» и при этом доступных китайским соискателям, весьма невелик), в других – авторский коллектив размещает разносторонние результаты исследования в авторитетных рецензируемых изданиях, дополняет необходимый минимум ещё несколькими «резервными» публикациями, сообщениями на конференциях разного уровня, статьями в энциклопедиях, словарях, популярных журналах... Скорее всего, и отзывы на автореферат во втором случае будут не только «по разнарядке» от преподавателей соседней кафедры, но и от известных учёных, причём по их собственной инициативе. Про первого соискателя мы больше никогда не услышим, а вот если второй останется на родной кафедре и продолжит сотрудничество с бывшим руководителем или вернётся в КНР и там будет исследовать начатую тему, регулярно выступая на российских конференциях, – это никого не удивит.

Однако необходимо оговорить, что в самом факте соавторства для китайцев кроются подводные камни. Для российских и европейских учёных совместный продукт нескольких авторов – привычное дело, и вопрос «Кого указывать первым?» чаще всего решается в алфавитном порядке или каким-то иным объяснимым способом. В китайской практике дело обстоит иначе: чье имя напечатано первым, тот и автор, остальные – просто «группа поддержки». Стоит обратить внимание на то, что китайцы, оформляя список литературы, часто «приписывают» ту или иную статью или монографию лишь одному «главному» автору, упоминая о наличии соавторов уже после выходных данных. По возвращении в Китай нашему бывшему аспиранту будет очень сложно подтвердить свой вклад в научную работу, если в списке соавторов он указан не первым, и никакие отсылки к иностранному алфавитному порядку не будут приняты во внимание. Наверно, руководителям китайских соискателей следует учитывать этот аспект и уступать им первое место в списке соавторов.

Работа с китайскими аспирантами требует акцентирования новизны, личного вклада и самостоятельности, причём речь идёт не столько о преднамеренном плагиате (не секрет, что иностранные учащиеся порой получают прямые инструкции по компиляции текстов [4, с. 190–191]), сколько о «традиционных установках» носителей культуры, разработавшей целую палитру жанров «воспроизведения», «подражания» и т. д. Объяснить китайцам требования к диссертации – задача непростая уже из-за очевидных различий в научных подходах и даже мировоззрении. Ценность собственной научной работы китайцы

часто видят не в оригинальности постановки вопроса и выделении объекта исследования, а в реферативном изложении проблемы и существующих взглядов, считая достаточным «личный вклад» в качестве «редактора-составителя». «Китаеориентированность», дополняемая незнанием европейских языков и историографии, часто приводит к поверхностному обзору, отсутствию научного контекста и невозможности оценивать (и тем более отстаивать) новизну собственного исследования.

Реферативность подобных работ неизбежно ведёт к тому, что их авторы не считают необходимым указывать источники цитирования. Создателям текстов кажется вполне достаточным один раз в историографическом разделе упомянуть, что этим вопросом уже занимались такие-то предшественники и для данной работы оказались наиболее полезны те или иные монографии и статьи, и далее приводить цитаты и мнения без многочисленных ссылок. Это не попытка выдать чужую идею за свою, присвоить формулировку, суждение или открытие, – это скорее отражение обычного для китайской традиции интеллектуальной работы предположения, что образованному читателю, обратившему внимание на предлагаемое исследование, хорошо известен не только его предмет, но и работы высококочтимых предшественников, причём известны настолько, что читатель в состоянии узнать цитату и отличить ранее сформулированную мысль от предлагаемого её дополнения. Отсутствие многочисленных ссылок воспринимается китайскими соискателями как уважительный реверанс научному руководителю и оппонентам, – они (китайские соискатели) с трудом представляют себе, что авторитетные специалисты, на коих возложены передача знаний и оценка научного труда, могут быть «не в теме».

Увы, эта стадия «наивности» быстро проходит – иностранные аспиранты легко убеждаются в том, что отечественные «авторитетные специалисты» действительно не могут распознать заимствования, особенно когда дело касается переводов с китайского, и, поскольку заинтересованы в благополучной защите, с готовностью воспринимают любой текст без ссылок как самостоятельную работу. Выполнение перевода рассматривается китайскими соискателями как сложная авторская работа, требующая необходимой квалификации. С китайского языка зачастую переводятся не только обширные фрагменты монографий и научных статей: несмотря на наличие на русском языке комментированных академических изданий, в текстах диссертаций в довольно корявом пересказе появляются и выдержки из античных авторов, и цитаты из хрестоматийной европейской литературы, ссылки на которые отправляют к продукции пекинских и шанхайских издательств.

Сноски в «китайских диссертациях» могут расставляться произвольно и относиться к любому высказыванию: довольно часто компиляция больших фрагментов чужого текста сопровождается «закавычиванием» лишь последнего абзаца или предложения, снабжаемым необходимой ссылкой. Придаться к «отсутствию сносок» в таком случае невозможно – они же есть! Создаётся видимость «квалифицированного цитирования» и правильного оформления аппарата, а «присвоение» крупного фрагмента текста при обнаружении легко выдаётся за опечатку – мол, открывающие кавычки «съехали». Такое оправдание охотно принимается диссоветами, а авторы отзывов всё равно единодушно

отметят «самостоятельность и оригинальность исследования» [4, с. 190–191]. Вузовская версия системы «Антиплагиат» не сопоставит русскоязычный текст с китайскими первоисточниками, доказательство «переводного плагиата» (если его кто-то и заметит) потребует привлечения переводчиков, владеющих научной лексикой, и следующее поколение китайских соискателей делает справедливый вывод: можно и так.

Именно режим «благоприятствования», обеспечиваемый отдельными диссоветами, создал негативную репутацию всем «китайским диссертациям» и, к сожалению, продолжает её укреплять. Эта репутация влияет на публикационную активность аспирантов: увидев явно китайское имя автора присланной статьи, большинство редакторов научных журналов предпочтут найти благоприятный предлог для отказа в принятии. Очень немногие китайские соискатели могут похвастаться наличием публикаций без соавторства в действительно авторитетных журналах (впрочем, такие журналы, заботясь о сохранении своей позиции в «квартилях», вообще стараются не злоупотреблять публикациями аспирантов). Уделом китайцев остаются, как правило, малозаметные вузовские журналы (или издания, как-либо «аффилированные» с диссоветом и чаще всего берущие плату за публикацию) и материалы конференций (зачастую именно благодаря участию китайских партнёров индексируемые в Scopus или WoS), формально обеспечивающие требуемый «апробационный минимум». Малозначительность подобных публикаций, количество которых растёт пропорционально увеличению количества китайских соискателей (учитывая необходимость для многих гуманитариев трёх ВАКовских статей – минимум 1:3), в свою очередь поддерживает мнение о несостоятельности большинства исследований аспирантов из КНР. Замкнутый круг...

Однако возрастающее число соискателей из КНР и представляемых к защите их работ – объективная реальность, и нет предпосылок к тому, что их станет меньше. Мы имеем дело с «образовательной миграцией», но, как и в случае с миграцией трудовой, почти не пытаемся изменить её качество.

Данные опросов показывают, что организация учебного процесса в России не оправдывает ожидания более половины китайских учащихся, причём процент «недовольных» растёт с количеством лет, проведённых в российском вузе [1, с. 226]. На этом фоне отчёты об успехах образовательных реформ и плодотворности международного сотрудничества оказываются очередной фикцией. Отстаивая высокое качество российского образования, мы предлагаем «образовательную услугу», качество которой даже у нас самих вызывает сомнения. Мы жалуемся, что наши дипломы не котируются за границей, и продолжаем выдавать дипломы и степени тем, чья работа объективно не соответствует критериям, обозначенным в наших же нормативных документах.

Очевидно, что создание внутривузовских барьеров – изобретение поводов для затруднения приёма иностранцев в аспирантуру, введение «квот» на защиты и т. д. – не окажется эффективным инструментом ни для ограничения «образовательной экспансии», ни для повышения некоего среднего уровня защищаемых диссертаций: в условиях «рынка образовательных услуг» спрос на эти самые услуги со стороны иностранцев неминуемо родит предложения, только усугубляющие ситуацию [23].

Наивно лишний раз призывать к следованию духу «Положений...», соблюдению академических критериев и заботе о репутации [19, с. 342–345]. Но российским образованию и науке было бы выгодно не только «остепенить» китайских соискателей, украсить отчётность и «подпитать» бюджет вузов и НИИ, но и попытаться извлечь пользу из присущих китайцам прилежания и работоспособности, «инкорпорировать» их исследования в отечественные научные программы.

Несложно создать совместные исследовательские проекты, работа над которыми была бы полезна как китайской, так и российской науке. Такое сотрудничество потребует единого планирования и распределения заданий между «рабочими группами», но этим как раз могли бы заняться китайские партнёры, благо у них, как показывает опыт организации технологических процессов, это прекрасно получается. Впрочем, научные сотрудники прекрасно представляют себе и академическую экспертизу госзаданий, и ЕГИСУ НИОКТР, позволяющие, в частности, выявить совпадения формулировок и контролировать ход работы над долгосрочными исследованиями, – по этому образцу мог бы функционировать единый реестр тем диссертаций. Если бы выполнявшиеся в разное время в разных организациях диссертации создавались в рамках подобных проектов, мы бы уже собрали, например, и «Свод памятников искусства династии Хань», и «Полную историю китайской живописи», и «Энциклопедию современной китайской музыки». Грамотное овладение китайскими исследователями отечественной методологией сделало бы такие комплексные работы востребованными и китайской наукой. Но, возможно, российских исследователей заинтересуют какие-то иные масштабные темы, в разработке которых участие исследователей из КНР оказалось бы не лишним. В большинстве крупных вузов есть «отделы по работе с иностранными учащимися» – пора бы им действительно поработать не только над решением бытовых вопросов.

Китайские аспиранты вполне могут превратиться из «балласта» (каковым их сейчас воспринимают на многих кафедрах) в полноправных и заинтересованных участников исследований. Им не нужно ни благоприятствовать, ни благопрепятствовать, – с ними надо просто работать, но не формально, не подстраивая академические требования под возможности иностранных соискателей, а добиваясь полного соответствия их работ российским стандартам.

Утопия ли это? Можно хотя бы попробовать...

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Что ищет китайский студент в России: анализ образовательных потребностей китайских студентов в российских вузах по материалам социологического исследования / В. Ю. Вашкявичус, Ю. Н. Кондракова, Е. С. Кузьмина, И. Б. Сметанников // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 213–237. DOI 10.17223/1998863X/65/19. EDN PYGENB.
2. Везевкин Л. П., Карелов С. В. Иностранные студенты в российских вузах: мотивы приезда и перспективы трудоустройства // Энергия: экономика, техника, экология. 2006. № 5. С. 68–72. EDN OPHECR.
3. Кононенко Е. И. Искусствоведческое образование в условиях рынка: российский опыт // Вопросы искусствоведения XX – начала XXI века : мат. Международной научно-практической конференции (Алматы, 5–6 апреля 2016 г.). Алматы, 2016. С. 5–11.

4. *Кононенко Е. И.* Разработка «восточных» тем в диссертациях российских аспирантов из арабских стран // Востковедение: история и современность : мат. Международной научно-практической конференции для студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных, посвящённой 10-летию востоковедческого направления кафедры востоковедения и башкирского языкознания Башкирского государственного университета (Уфа, 6 декабря 2018 г.). Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 186–192. EDN YVICEX.
5. Интернационализация российских вузов: китайский вектор. М. : Спецкнига, 2013. 72 с. ISBN 978-5-91891-330-7. EDN VCBYVP.
6. *Гомбоева Д. О.* Характеристика реализации академической мобильности во взаимодействии российского и китайского профессионального образования // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 5 (64). С. 71–75. EDN VJLSFP.
7. *Старыгина А. М.* Интернационализация высшего образования в России в контексте двусторонних связей с Китаем // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 2. С. 280–290. EDN YLOBTZ.
8. *Леонтьева Э. О.* Социально-исторические факторы китайской образовательной миграции в Россию // Регионалистика. 2018. Т. 5, № 4. С. 35–40. DOI 10.14530/reg.2018.4.35. EDN VANVRF.
9. *Ларин А. Г.* Китайская образовательная миграция в России: невесёлая картина // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42, № 2. С. 285–289. EDN PYPNTX.
10. *Танатова Д. К., Погосян В. Г., Королев И. В.* Обучение китайских студентов в российских университетах: мотивация и демотивация // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 150–157. DOI 10.31857/S013216250004969-8. EDN SCSCHF.
11. *Ван Л., Баранова И. И.* Совместные образовательные программы китайских университетов с российскими вузами: состояние, тенденции и перспективы // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 134–141. DOI 10.18721/JHSS.8116. EDN YRXLYP.
12. *Лань Л., Аликберова А. Р.* Анализ академической мобильности китайских студентов // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47, № 1. С. 471–481. EDN YUFBOP.
13. *Гурулева Т. Л.* Совместные образовательные программы России и Китая: состояние и проблемы реализации // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 12. С. 93–103. DOI 10.31992/0869-3617-2018-27-12-93-103. EDN YQORLF.
14. *Донецкая С. С., Ли М.* Китайские студенты за рубежом: динамика численности и цели выезда // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 6. С. 153–168. DOI 10.31992/0869-3617-2020-6-153-168. EDN WEOKIO.
15. *Николаев В. К.* Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 2. С. 149–166. DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166. EDN NYVDVA.
16. *Есипова М. В.* Об особенностях изучения китайской музыки в России в XXI веке // Художественная культура. 2017. № 3 (21). Ст. 8. EDN YUCDYD.
17. *Некрасова-Каратеева О. Л.* Китайские аспиранты РГПУ им. А. И. Герцена о китайском искусстве // Искусство и диалог культур : сб. научных трудов XII Международной межвузовской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 27 марта 2018 г.) / под ред. С. В. Анчукова, Т. В. Горбуновой, О. Л. Некрасовой-Каратеевой. СПб. : Книжный дом, 2018. Вып. 12. С. 15–18. EDN UPNEWU.
18. *Иванова Л. В.* Особенности обучения китайских учащихся в аспирантуре МГХПА им. С. Г. Строганова // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С. Г. Строганова. 2021. № 2. Ч. 2. С. 275–285. EDN VMSAPU.

19. Кононенко Е. И. Ещё раз о симуляции научной деятельности в гуманитарных дисциплинах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2021. Т. 11, № 2. С. 327–349. DOI 10.21638/spbu15.2021.209. EDN ODQWEV.
20. Ростовцев А. Метод «мясо – шоколад»: что это значит? // Дипломный проект. 2015. № 11. http://contrlist.ucoz.ru/index/diplomnyj_proekt_2015_11/0-1105 (дата обращения: 30.04.2024).
21. Балыхина Т. М., Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. 2-е изд. М. : РУДН, 2010. 344 с. ISBN 978-5-209-03404-9.
22. Би Нань. Практика обучения китайских студентов российских вузов устной речи на русском языке // Вопросы методики преподавания в вузе. 2022. Т. 11, № 4. С. 48–56. DOI 10.57769/2227-8591.11.4.04. EDN ZRUHUA.
23. Воробьева И. М. Иностранцы студенты в российском вузе: повышение конкуренции российского образования или вынужденная необходимость // Молодой учёный. 2015. № 10 (90). С. 1115–1119. EDN TWAQ SJ.

REFERENCES

1. Vashkyavichus V. Yu., Kondrakova Yu. N., Kuzmina E. S., Smetannikov I. B. What a Chinese student is looking for in Russia: An analysis of the educational needs of Chinese students in Russian universities. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2022;(65):213–237. (In Russ.). DOI 10.17223/1998863X/65/19.
2. Verevkin L. P., Karelov S. V. Foreign students in Russian HEIs: Motives for visits and employment prospects [Inostrannye studenty v rossiiskikh vuzakh: motivy priezda i perspektivy trudoustroistva]. *Energy: Economy, Technology, Ecology=Energiia: Ekonomika, Tekhnika, Ekologiya*. 2006;(5):68–72. (In Russ.).
3. Kononenko E. I. Art history education in market conditions: Russian experience [Iskusstvovedcheskoe obrazovanie v usloviyakh rynka: rossiiskii opyt]. In: Issues of art studies of the 20th – early 21st centuries [Voprosy iskusstvovedeniya XX – nachala XXI veka]: Proceedings of the International science-to-practice conference (Almaty, April 5–6, 2016). Almaty; 2016. P. 5–11. (In Russ.).
4. Kononenko E. I. Development of “oriental” topics in dissertations of Russian graduate students from Arab countries [Razrabotka «vostochnykh» tem v dissertatsiyakh rossiiskikh aspirantov iz arabskikh stran]. In: Oriental studies: History and modernity [Vostokovedenie: istoriya i sovremennost’]: Proceedings of the International science-to-practice conference for students, undergraduates, postgraduates and young researchers dedicated to the 10th anniversary of the Orientalism field of the Department of Oriental Studies and Bashkir Linguistics at Bashkir State University (Ufa, December 6, 2018). Ufa : Printing and Publication Center of Bashkir State University; 2018. P. 186–192. (In Russ.).
5. Internationalization of Russian universities: Chinese vector [Internatsionalizatsiya rossiiskikh vuzov: kitaiskii vector]. Moscow : Spetskniga; 2013. 72 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91891-330-7.
6. Gomboeva D. O. Characteristics of the implementation of academic mobility in the interaction of Russian and Chinese professional education. *Scholarly Notes of Transbaikal State University=Uchenye Zapiski Zabaikalskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2015;(5):71–75. (In Russ.).
7. Starygina A. M. Internationalization of higher education in Russia in the context of bilateral relations with China. *Humanities of the South of Russia=Gumanitarii Yuga Rossii*. 2017;6(2):280–290. (In Russ.).

8. Leontyeva E. O. Socio-historical factors of Chinese educational migration to Russia. *Regionalistika*. 2018;5(4):35–40. (In Russ.). DOI 10.14530/reg.2018.4.35.
9. Larin A. G. Chinese educational migration in Russia: A sad picture [Kitaiskaya obrazovatel'naya migratsiya v Rossii: neveselaya kartina]. *Society and State in China*. 2012;42(2):285–289. (In Russ.).
10. Tanatova D. K., Pogosyan V. G., Korolev I. V. Chinese students in the Russian higher education institutions: motivation and demotivating. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019;(5):150–157. (In Russ.). DOI 10.31857/S013216250004969-8.
11. Wang L., Baranova I. I. The state, tendency and prospect of the joint educational programs of Chinese universities with Russian universities. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 2017;8(1):134–141. (In Russ.). DOI 10.18721/JHSS.8116.
12. Lanyi L., Alikberova A. R. Analysis of academic mobility of Chinese students. *Society and State in China*. 2017;47(1):471–481. (In Russ.).
13. Guruleva T. L. Joint educational programs of Russia and China: Status and problems of implementation. *Vysshee Obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*. 2018;27(12):93–103. (In Russ.). DOI 10.31992/0869-3617-2018-27-12-93-103.
14. Donetskaya S. S., Li M. Chinese students abroad: Dynamics of the number and aims of educational travel. *Vysshee Obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*. 2020;29(6):153–168. (In Russ.). DOI 10.31992/0869-3617-2020-6-153-168.
15. Nikolaev V. K. Exporting Russian higher education in the conditions of a new reality. *Vysshee Obrazovanie v Rossii=Higher education in Russia*. 2022;31(2):149–166. (In Russ.). DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166.
16. Esipova M. V. On the peculiarities of studying Chinese music in Russia in the 21st century [Ob osobennostyakh izucheniya kitaiskoi muzyki v Rossii v XXI veke]. *Khudozhestvennaya kul'tura=Art and Culture Studies*. 2017;(3):8. (In Russ.).
17. Nekrasova-Karateyeva O. L. Chinese postgraduate students of the Herzen State Pedagogical University of Russia on Chinese art [Kitaiskie aspiranty RGPU im. A. I. Gertsena o kitaiskom iskusstve]. In: Anchukov S. V., Gorbunova T. V., Nekrasova-Karateyeva O. L., eds. *Art and dialogue of cultures [Iskusstvo i dialog kul'tur] : Proceedings of the 12th International interuniversity science-to-practice conference (St. Petersburg, March 27, 2018)*. St. Petersburg : Knizhnyi dom; 2018. Issue 12. P. 15–18. (In Russ.).
18. Ivanova L. V. The peculiarities of post-graduate training of Chinese students in the Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts. *Decorative Art and Environment. Herald of the RGHPU*. 2021;(2–2):275–285. (In Russ.).
19. Kononenko E. I. Once again about simulation of scientific activity in the humanities. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*. 2021;11(2):327–349. (In Russ.). DOI 10.21638/spbu15.2021.209.
20. Rostovtsev A. The “meat – chocolate” method: What does it mean? [Metod «myaso – shokolad»: chto eto znachit?]. *Diplomnyi proekt=Diploma Project*. 2015;(11). Available at: http://contrlist.ucoz.ru/index/diplomnyj_proekt_2015_11/0-1105 (accessed: 30.04.2024) (In Russ.).
21. Balykhina T. M., Zhao Yujiang. From methodology to ethnomethodology. Teaching Russian to Chinese: Problems and ways to overcome them [Ot metodiki k etnometodike. Obuchenie kitaitsev russkomu yazyku: problemy i puti ikh preodoleniya]. 2nd ed. Moscow : RUDN; 2010. 344 p. (In Russ.). ISBN 978-5-209-03404-9.
22. Bi Nan. Practice of teaching Russian oral speech to Chinese students in Russian universities. *Teaching Methodology in Higher Education*. 2022;11(4):48–56. (In Russ.). DOI 10.57769/2227-8591.11.4.04.

23. Vorobyeva I. M. Foreign students at a Russian university: Increasing competition in Russian education or forced necessity [Inostrannye studenty v rossiiskom vuze: povyshenie konkurentsii rossiiskogo obrazovaniya ili vynuzhdennaya neobkhodimost']. *Young Researcher=Molodoi uchenyi*. 2015;(10):1115–1119. (In Russ.).

Поступила в редакцию / Received 18.11.2024.

Одобрена после рецензирования / Revised 13.01.2025.

Принята к публикации / Accepted 10.03.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кононенко Евгений Иванович *j_kononenko@inbox.ru*

Доктор искусствоведения, заведующий сектором искусства стран Азии и Африки,
Государственный институт искусствознания, Москва, Россия
SPIN-код: 7487-2030

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenii I. Kononenko *j_kononenko@inbox.ru*

Doctor of Art Studies, Head, Department of Asian and African Art, the State Institute for Art Studies, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4579-8653
Scopus Author ID: 57197801366

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.12

EDN: QTPTDI

Научная статья

Research article

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ АССОЦИАЦИЙ В РОССИИ

**Валеева
Марина Владимировна¹**

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

**Левченко
Илья Евгеньевич¹**

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Для цитирования: Валеева М. В., Левченко И. Е. Становление и развитие социологических ассоциаций в России // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 177–191. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.12. EDN QTPTDI.

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления и развития профессиональных объединений социологов в России. В качестве источников используются сборники опубликованных архивных материалов и нормативных правовых актов, эго-документы (воспоминания, дневники и письма) и исследования отечественных социологов. Изучаются онтологические и гносеологические предпосылки возникновения и развития профессиональных объединений социологов. Проводится анализ институализации ведущих отечественных социологических сообществ (Русское социологическое общество им. М. М. Ковалевского, Советская социологическая ассоциация, Российское общество социологов, а также современные профессиональные объединения социологов). Исследуются история их возникновения и становления, цели, задачи и результаты их деятельности. Делается вывод о возможности периодизации генезиса и функционирования российских социологических ассоциаций.

Ключевые слова: история социологии, профессиональное сообщество, социологическое общество, социологические ассоциации, институализация социологии

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOCIOLOGICAL ASSOCIATIONS IN RUSSIA

Marina V. Valeeva¹, Ilya E. Levchenko¹

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

For citation: Valeeva M. V., Levchenko I. E. The formation and development of sociological associations in Russia. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):177–191. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.12.

Abstract. The article examines the process of the formation and development of professional associations of sociologists in Russia. The authors use collections of published archival materials and regulatory legal acts, ego documents (memoirs, diaries and letters) and studies pursued by Russian sociologists as sources. The ontological and epistemological prerequisites for the emergence and development of professional associations of sociologists are studied. We undertake an analysis of the institutionalization of the leading Russian sociological communities (M. M. Kovalevsky Russian Sociological Society, the Soviet Sociological Association, the Russian Society of Sociologists, as well as modern professional associations of sociologists). The history of their origin and formation, goals, objectives and results of their activity are discussed. The conclusion is made about the possibility of periodization of the genesis and functioning of Russian sociological associations.

Keywords: history of sociology, professional community, sociological society, sociological associations, institutionalization of sociology

ВВЕДЕНИЕ

Социологическая наука достигла своего «зрелого» состояния в результате процесса институционализации, который происходил в конце XIX – начале XX в. В этот период она укрепляла свои позиции как отдельная научная дисциплина, за рубежом и в России стали создаваться профессиональные объединения, которые способствовали развитию теорий и эмпирических изысканий. С течением времени число таких некоммерческих организаций увеличилось, ныне они играют ведущую роль в популяризации социологии, обмене знаниями и опытом между учёными, консолидации их усилий при проведении конференций и публикации научных работ.

За рубежом национальные объединения профессиональных социологов учреждены достаточно давно: так, Американская социологическая ассоциация основана в 1905 г., Британская социологическая ассоциация – в 1951 г., Французское социологическое общество – в 1962 г. Опыт их многолетней успешной деятельности весьма поучителен и может служить убедительным примером для российских специалистов, стремящихся к созданию единой общенациональной организации.

Именно поэтому генезис и функционирование ассоциаций отечественных социологов представляет несомненный интерес для исследователей: за более

чем вековой период на этом пути были свои «взлёты» и «падения», циклы «застоя» и роста. Проблема первоначальной институализации объединения профессиональных социологов детально проанализирована М. Б. Готовым, А. В. Малиновым, М. В. Ломоносовой и др. Различным аспектам формирования и работы официального объединения советских социологов посвящены монографии А. С. Капто, Л. М. Москвичева, Г. В. Осипова и др. В публикациях А. О. Бороноева, Б. З. Докторова, В. И. Жукова и др. рассматриваются вопросы деятельности социологических ассоциаций в современный период.

Цель данной статьи заключается в анализе процесса становления и развития профессиональных объединений социологов в нашей стране.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Науковедение как междисциплинарная область исследований, рассматривающая науку в широком социальном, историческом и философском контексте, задаёт ориентиры данного историко-социологического экскурса. Исходной посылкой при этом является признание того, что формирование профессиональных сообществ социологов определяется состоянием этого направления научного знания и востребованностью результатов его изысканий со стороны общества и государства. Безусловно, отраслевые социологии взаимодополнительны по отношению друг к другу. Социология науки анализирует процессы становления и развития науки в качестве социального института и её социальные функции. Социология профессий изучает группы работников интеллектуального труда как корпоративных акторов и как социальные институты, обеспечивающие нормативный социальный порядок. Социология организаций исследует механизмы функционирования и развития организаций, их структуру, динамику и проблемы. Исторический подход в социологии предполагает изучение социальных явлений в контексте исторического развития и их сопоставление с различными историческими событиями. В свою очередь генетический подход позволяет определить специфику возникновения и становления социальных институтов. Неоинституциональный подход акцентирует внимание на выявлении социальных ролей индивидов как реальных членов профессиональных ассоциаций. Совокупность подходов даёт возможность углублённо проанализировать генезис и развитие социологических ассоциаций (рис.).

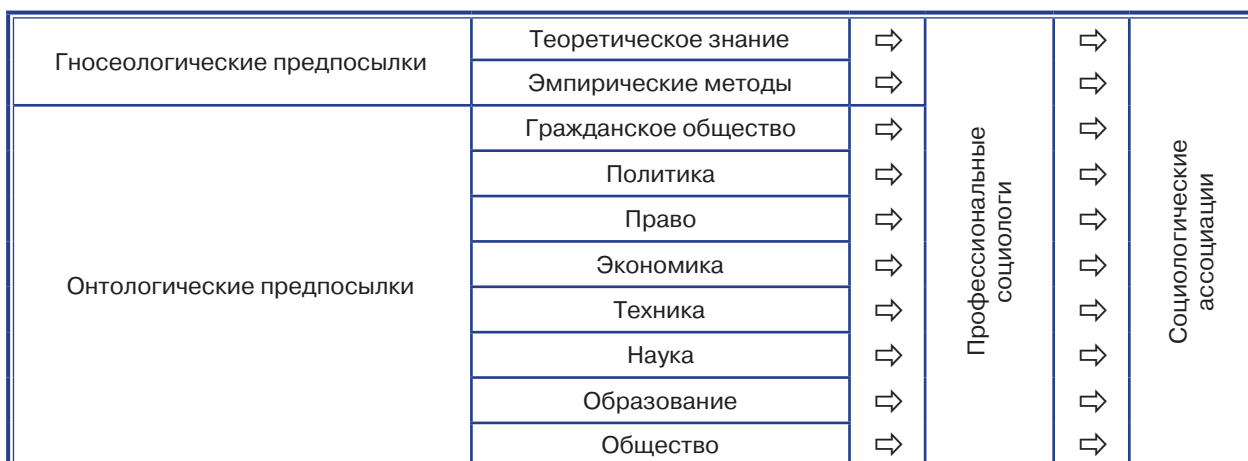

Рис. Генезис и развитие социологических ассоциаций
Fig. The genesis and development of sociological associations

К числу онтологических предпосылок возникновения и развития профессиональных объединений социологов относятся:

- 1) общество – тип (индустриальное и постиндустриальное), социальная структура и другие его характеристики влияют на формулирование и артикулирование интересов различных социальных общностей;
- 2) система образования обеспечивает подготовку кадров – профессиональных социологов;
- 3) научные институты вырабатывают и транслируют рациональное знание о социуме;
- 4) технические средства и технологии – их изобретение и использование влечёт за собою преобразования в мышлении и поведении специалистов и всего общества;
- 5) экономическая система финансирует проведение социологических исследований;
- 6) правовая система общества задаёт нормативные рамки функционирования профессиональных объединений;
- 7) политическая система социума стимулирует или препятствует развитию социологической науки;
- 8) состояние гражданского общества определяет возможности организации и мобилизации профессиональных ассоциаций для защиты корпоративных интересов во взаимодействии с другими социальными субъектами.

В гносеологическом плане фундаментальной предпосылкой для формирования специализированных объединений является достаточно высокий уровень развития теоретической социологии. Применение эмпирических методов (наблюдение, учёт, регистрация, контроль, анализ документов, опрос, эксперимент) и верификация полученных данных «подпитывают» прогресс науки, повышают престиж социологии в общественном мнении и использование её наработок властными структурами.

В качестве источников информации в статье используются сборники опубликованных архивных материалов и нормативных правовых актов, эго-документы (воспоминания, дневники и письма) и исследования отечественных социологов.

РУССКОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ИМ. М. М. КОВАЛЕВСКОГО

Следует учитывать, что в нашей стране в начале прошлого столетия преподавание социологии осуществлялось лишь в нескольких учебных заведениях и специалистов, профессионально занимавшихся социологическими исследованиями, было крайне мало. Вместе с тем широко печатались монографии и статьи социологического характера в периодических изданиях.

По имеющимся данным, под влиянием событий Первой русской революции К. М. Тахтарев в 1906 г. предложил М. М. Ковалевскому создать в России первое социологическое общество, но эта идея не нашла должной поддержки [1, с. 14–15]. Позднее в 1912 г. была предпринята попытка организовать в Петрограде объединение социологов, но всё ограничилось проведением лишь нескольких заседаний. Только после смерти корифея науки в 1916 г. его ученики (К. М. Тахтарев, П. А. Сорокин, Я. М. Магазинер) учредили ассоциацию, получившую в память о нём название «Русское социологическое общество имени М. М. Ковалевского» (далее – РСО). Родственник учёного пожертвовал организации небольшую сумму средств на осуществление её деятельности [2, с. 17].

Устав общества был утверждён 17 мая 1916 г., и 13 ноября 1916 г. состоялось его первое официальное собрание, на котором произошло избрание комитета и президиума РСО. Благодаря единодушной поддержке участников президентом организации стал признанный специалист в области исторической социологии А. С. Лаппо-Данилевский. Согласно уставу, общество имело задачей разработку вопросов социологии, научную их пропаганду, знакомство с социологией других стран, в том числе участие в международных конгрессах. В дальнейшем предполагалось расширение деятельности РСО в других городах страны. Участников ассоциации связывали «тесные узы социологического товарищества», «долгое умственное общение и великодушные дружеского отношения» (К. М. Тахтарев). Первоначальный список членов РСО включал 62 фамилии, среди них были не только социологи, но и представители других социальных наук и естествознания, а также политические и общественные деятели.

Вначале собрания общества проводились регулярно, на них обсуждались в основном организационные вопросы и научные доклады. В письме социального психолога В. А. Вагнера руководителю РСО был поднят вопрос о создании специализированного журнала: «...именно у нас в России, где по целому ряду причин интерес к Социологии запоздал, иметь свой постоянный орган печати, возле которого могли бы объединяться имеющиеся силы, и необходимо, и неотложно. На последнем я настаиваю потому, что для организации журнала по Социологии нужна большая предварительная работа: необходимо теперь же озаботиться приобретением для нашего издания заграничных журналов по социологии; нужно теперь же редакторам отделов снестись с сотрудниками заграничных журналов и учёными соответствующих организаций» [2, с. 20]. Но в условиях Первой мировой войны из-за отсутствия необходимых ресурсов журнал не был создан.

Революция 1917 г. и последовавшая затем Гражданская война негативно повлияли на РСО. Фактически деятельность общества была приостановлена и, несмотря на попытки К. М. Тахтарева, наладить нормальную работу общества не удалось.

После смерти А. С. Лаппо-Данилевского в 1919 г. должность президента общества занял Н. И. Кареев, который исполнял свои обязанности формально в силу возраста и болезней [3, с. 285]. Справедливости ради отметим, что учёный принимал активное участие в открытии кафедры социологии и чтении социологических курсов на факультете общественных наук Петроградского университета [4].

Возобновление работы РСО произошло в 1920 г. и, по свидетельствам его членов, она была регулярной и продуктивной: проводились научные собрания и обсуждение докладов по актуальным социологическим темам. Однако в 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановления о перерегистрации научных обществ в течение двух недель. В связи с тем, что в указанный срок руководством РСО требуемые документы не были представлены, официально сообщество завершило свою деятельность. Несколько месяцев оно ещё существовало нелегально, но, как писал П. А. Сорокин, «после преследований, заключений в тюрьмы и смерти многих членов общества оно окончательно прекратило своё существование» [5, с. 31].

Итак, первичная институализация сообщества российских социологов происходила в неблагоприятных политико-правовых и социально-экономических условиях войн и революций. Однако данный опыт был чрезвычайно полезен: элитарная по своему составу организация доказала свою нацеленность на научный поиск, патриотическое служение и решение практических вопросов, продемонстрировав цеховую солидарность.

СОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

Следующее отечественное социологическое объединение было сформировано спустя более чем через 30 лет после первого. Период его функционирования включает три стадии.

Стадия «повторной» институализации (1954–1964) в полной мере отражает специфику времени «оттепели», когда Н. С. Хрущёв, являясь главой КПСС и советского правительства, проводил динамичную внешнюю и внутреннюю политику. СССР позиционировал себя как страну, строящую коммунизм и выступающую за мирное сосуществование различных общественно-политических систем. В соответствии с заданным курсом в конце 1956 г. советские представители приняли активное участие в III Международном конгрессе социологов в Амстердаме, где обсуждались проблемы социальных изменений в XX в. и было налажено сотрудничество с зарубежными коллегами. После возвращения с форума директор Института философии АН СССР П. Н. Федосеев и главный редактор журнала «Коммунист» М. Д. Каммари направили в «высокие инстанции» письмо с просьбой санкционировать формирование национального социологического сообщества, что позволило бы

ему в дальнейшем вступить в Международную социологическую ассоциацию (далее – МСА). В итоге 11 февраля 1958 г. Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных связей по докладной записке Отдела науки ЦК партии приняла соответствующее постановление [6, с. 897–901].

Советская социологическая ассоциация (далее – ССА) стала работать под руководством секции общественных наук Президиума АН СССР. Первым её руководителем был избран Ю. П. Францев, а его заместителем – Г. В. Осипов. Организация объединила специалистов, работавших в НИИ Академии наук СССР и отраслевых институтах, имевших социологические лаборатории, а также преподавателей вузов и сотрудников партийного аппарата. Число членов объединения постепенно увеличивалось, поскольку социология стала «модной» и открывались всё новые региональные отделения ССА [7, с. 23]. По словам Г. В. Осипова: «В рамках этой ассоциации – практически и был поставлен вопрос о самостоятельности социологической науки» [8, с. 95]. Но при этом в вузах страны не осуществлялась подготовка социологических кадров и только в некоторых из них читались специализированные курсы.

Следующая стадия стабилизации (1965–1984) отличается рядом противоречий. С одной стороны, в 1968 г. был открыт Институт конкретных социальных исследований (далее – ИКСИ), с 1974 г. стал издаваться журнал «Социологические исследования» (первым его главным редактором (1974–1987) был профессор А. Г. Харчев), успешно развивалась заводская социология. К середине 1970-х гг. ССА объединяла в своих рядах 400 коллективных и 15 тысяч индивидуальных членов [9, с. 344].

С другой стороны, в «застойный» период по идеологическим причинам была затруднена разработка методологических проблем, слабо решалась задача организации базовой общесоюзной выборки для проводимых исследований, редко реализовывались общенациональные проекты по единой программе и методике. Зачастую получаемые социологические результаты не были востребованы из-за низкого научного уровня исследований либо из-за отсутствия финансовых средств на их внедрение в практику общественной жизни [9, с. 345]. К сожалению, ССА не вступалась за своих членов, когда они подвергались жёсткому партийному прессингу. Например, в 1969 г. Ю. А. Левада за «идеологические ошибки» был лишён звания профессора, М. Н. Руткевич, назначенный директором ИКСИ (1972–1976) для наведения «порядка», вынудил многих сотрудников уйти из института, часть из них в силу сложившихся обстоятельств сменила профиль профессиональной деятельности.

Заключительная – «перестроечная» – стадия (1985–1991) ознаменовалась важными переменами в жизни советских социологов. Благодаря усилиям «шестидесятников» во главе с Т. И. Заславской, президентом ССА (1986–1991), в 1988 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества», легитимизировавшее обучение социологов в системе высшего образования и окончательную дисциплинарную самостоятельность социологии. В начале 1990-х гг. ССА насчитывала около 6000 индивидуальных и 1300 коллективных членов. В её структуру входило 20 республиканских и региональных отделений, самыми крупными из них были Московское, Сибирское, Азербайджанское,

Уральское, Украинское, Прибалтийское, Поволжское, Белорусское, Северо-Западное отделения. При ассоциации функционировали исследовательские комитеты, координирующие и объединяющие деятельность учёных в разработке отдельных направлений в социологии. В ССА имелись комитеты по методике и технике социологических исследований, социологии труда, социологии семьи, социологии культуры, социологии отклоняющегося поведения, социологии молодежи и др. Они создавались в соответствии с перечнем исследовательских комитетов МСА и при наличии в регионе достаточного числа социологов, работающих в определённом направлении исследований [10, с. 126].

Вместе с тем помимо демократизации в ССА началось развёртывание негативных тенденций – распространение идеологически мотивированных обвинений и разрыв сложившихся профессиональных связей между её членами. Закономерно, что после распада Советского Союза организация прекратила своё существование, передав свои полномочия в МСА и региональным отделениям Российского общества социологов (далее – РОС).

Таким образом, возникновение ССА было обусловлено относительной либерализацией политического режима советского государства и необходимостью изменения его имиджа на международной арене. Партократия полностью контролировала формирование и функционирование профессионального социологического объединения, которое было не в состоянии защитить интересы своих индивидуальных участников. Однако именно прямая поддержка властей позволила ССА превратиться в массовую организацию, которая способствовала развитию социологической науки в нашей стране и завоевала авторитет в международном профессиональном сообществе.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СОЦИОЛОГОВ

РОС было сформировано в рамках ССА в 1989 г. на учредительной конференции, прошедшей в Москве и конституировавшей его статус как республиканской организации, но уже в 1991 г. она стала самостоятельной. Основателями РОС являются Ф. М. Бородкин, В. И. Добренёв, В. С. Дудченко, А. К. Зайцев, А. Г. Здравомыслов, Л. Н. Коган, Н. И. Лапин, В. А. Мансуров, А. В. Тихонов, В. А. Ядов и др. Показательно, что создание РОС поддержала Т. И. Заславская как президент ССА. Первым главой РОС был избран Н. И. Лапин, в последующем эту должность занимали А. К. Зайцев, В. С. Дудченко и В. А. Ядов, с 1997 г. президентом РОС является В. А. Мансуров¹.

В состав РОС включены более 5000 учёных, не только социологов, но представителей смежных дисциплин. Общество имеет региональные отделения почти во всех субъектах Российской Федерации (75 отделений) и для каждого перспективного и актуального направления исследований создан свой исследовательский комитет (42 комитета) под руководством заслуженных учёных, организация регулярно проводит собственные профессиональные конференции и чтения [11]. О результативности деятельности РОС свидетельствуют материалы регулярно проводимых Всероссийских социологических конгрессов (табл.)

¹ Российское общество социологов : [сайт]. URL: <https://www.ssa-rss.ru> (дата обращения: 20.12.2024).

Таблица

Всероссийские социологические конгрессы

Table

All-Russian Sociological Congresses

Тема	Год	Место проведения	Количество участников
I Всероссийский социологический конгресс «Общество и социология: новые реалии и новые идеи»	2000	Санкт-Петербург	около 1000
II Всероссийский социологический конгресс «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»	2003	Москва	около 1300
III Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия»	2008	Москва	1286
IV Всероссийский социологический конгресс «Социология в системе научного управления обществом»	2012	Москва	около 400
IV Очередной Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие»	2012	Уфа	1500
V Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость»	2016	Екатеринбург	около 1000
VI Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов»	2021	онлайн	230

РОС является коллективным членом Союза научных обществ России, а также национальным членом МСА и Европейской социологической ассоциации. Оно организует участие своих членов и других российских социологов в международных мероприятиях и организациях.

Ныне РОС – это крупнейшее профессиональное объединение социологов в стране, сумевшее сохранить и приумножить традиции своей предшественницы – ССА, выступая в качестве её правопреемника. Но есть насущные проблемы, которые решать сложно, но необходимо. Во-первых, укрепление собственной ресурсной базы, т. к. большинство проектов организации реализуется за счёт вузов и НИИ, где члены ССА занимают значимые должности. Во-вторых, многолетняя несменяемость президента организации гарантирует не только системность её деятельности, но и ведёт к утрате потенциала инновационного поиска. Только регулярная ротация руководителей ССА с неизбежным привнесением разнообразия в формы и методы её работы может создать при определённых условиях предпосылки для последующего эффективного развития ассоциации.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ СОЦИОЛОГОВ

В начале 1990-х гг. наряду с РОС появились другие самостоятельные социологические сообщества, членство в которых может быть как индивидуальным, так и корпоративным. Кратко рассмотрим наиболее известные среди них.

РСО имени М. М. Ковалевского – пример более-менее успешной попытки возродить первую отечественную профессиональную социологическую ассоциацию [12]. Инициатором акта выступил деканат факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (далее – СПбГУ) при активной поддержке со стороны студентов-социологов и членов Головного совета по социологии Госкомитета РФ по высшей школе. Руководство общества заявило о следующих приоритетах: объединение социологов и представителей других наук, заинтересованных в развитии социологии как фундаментальной науки и повышении её роли, просветительская деятельность и работа по популяризации социологии в обществе [13, с. 142]. РСО достигло весомых позитивных результатов: издаются книги классиков отечественной социологии, по предложению организации с 2004 г. российские исследователи празднуют неофициальный День социолога 14 ноября (в этот день в 1901 г. в Париже начала свою работу Русская высшая школа общественных наук), с 2006 г. в СПбГУ под эгидой общества ежегодно проходит Всероссийская научно-практическая конференция «Ковалевские чтения», в которых принимают участие сотни специалистов и студентов.

Сообщество профессиональных социологов (далее – СоПСо) – независимый общественный институт, объединяющий известных российских социологов, работающих в отечественных и зарубежных университетах, научных центрах и коммерческих организациях. СоПСо – правопреемник Профессиональной социологической ассоциации, созданной крупными российскими учёными в 1993 г. и нацеленной на поддержание и развитие высоких профессиональных стандартов в социологических исследованиях и преподавании социологии. В настоящий момент президентом организации является Н. Е. Покровский. В 2009–2014 гг. сообщество выпускало «Социологический ежегодник» с исследовательскими статьями на разные темы. В течение ряда лет (2003, 2005, 2006, 2007, 2011) проходили конференции СоПСо, а также при его участии проводились профессиональные конференции (2008, 2009, 2011, 2012, 2014)².

Союз социологов России (далее – ССР) был организован 27 июня 2007 г. на учредительном съезде в Российском государственном социальном университете (далее – РГСУ). Делегаты из субъектов Российской Федерации, ведущие отечественные (академики РАН Г. В. Осипов, В. Л. Макаров, В. И. Жуков, М. К. Горшков и члены-корреспонденты РАН А. В. Дмитриев и др.) и зарубежные учёные и практики поддержали это решение. На съезде была рассмотрена ситуация, сложившаяся на тот момент в социологическом сообществе России и мировой социологии, утверждён Устав ССР, избраны руководящие органы. В своём докладе ректор РГСУ, академик РАН В. И. Жуков заявил, что ССР

² Сообщество профессиональных социологов : [сайт]. URL: <http://www.sociolog.net> (дата обращения: 12.01.2025).

намерен объединить всех, кто «уважает историю отечественной социологии, критически воспринимает и признаёт доставшееся ей наследство и готов нести солидарную ответственность за авторитет социологического знания и восприятие социолога как личности профессиональной, ответственной, нравственной. Важно сплотить социологов России, что позволит нам защищать свои интересы, накапливать, исследовать и передавать знания, добиваться уважения к своему труду и быть влиятельной, узнаваемой в обществе силой» [14, с. 15].

Однако, как отмечают Б. З. Докторов и А. Н. Алексеев, «инициатива создания новой общественной организации, в дополнение (или в противовес?) имеющимся профессиональным объединениям социологов была с некоторым недоумением или весьма прохладно встречена» [15, с. 3] членами СоПСо, рабочей группой комиссии Общественной палаты РФ по вопросам интеллектуального потенциала нации, Исполкомом Президиума РОС. Спустя годы можно утверждать, что ССР не смог решить поставленных перед ним задач и в итоге свернул свою деятельность после смены руководства РГСУ – ресурсной базы этого объединения.

Кроме того, в нашей стране действует ещё ряд профессиональных социологических организаций: Санкт-Петербургская ассоциация социологов (СПАС), Объединение социологов Сибири, ассоциация исследовательских компаний «Группа 7/89», Гильдия исследователей общественного мнения и рынка (ГИОМИР) и др. Все они вносят свой вклад в проведение социологических исследований, сохраняя консенсус относительно легитимности РОС как национального профессионального объединения и правопреемника ССА.

ОБСУЖДЕНИЕ

Существуют разные точки зрения на обстоятельства создания, специфику функционирования, места и роли конкретных личностей в деятельности ассоциаций отечественных социологов.

Наиболее дискуссионными являются вопросы, связанные с ССА. Так, Г. В. Осипов утверждает, что именно он был инициатором создания этой ассоциации, которая должна была стать «своеобразной витриной советской социологии», ориентированной на зарубежные контакты. По его мнению, первый «временный» руководитель ССА Ю. П. Францев не являлся «настоящим социологом», отношения же между властью и социологией в период её возрождения оставляли желать лучшего [16].

Точку зрения Г. В. Осипова последовательно опровергает А. С. Капто. Основываясь на исторических документах, он аргументировано доказывает, что ССА не только налаживала взаимно полезные международные контакты, но и плодотворно занималась развитием социологии внутри страны. Что касается Ю. П. Францева, то он внёс значительный вклад в изучение зарубежной социологии и организацию социологических исследований в Советском Союзе. Благодаря ему и другим «бюрократам» новое профессиональное объединение получило весомую поддержку со стороны Президиума АН СССР и партийных кругов [17].

В связи с этим следует особо отметить плодотворность историко-биографических изысканий Б. З. Докторова, в которых нашла своё отражение палитра мнений ведущих российских социологов о процессах, протекающих в профессиональной среде [18].

Все эти и другие вопросы нуждаются в дальнейшем изучении – целенаправленной работе в архивах и проведении интервью с участниками событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс становления и развития социологических ассоциаций в России отражает изменения в социуме, науке и профессиональном сообществе. С известной долей условности можно выделить три основных периода в истории отечественных социологических ассоциаций.

В ранний период (1916–1923) действовало первое общество российских социологов, закрытое из-за несоответствия формальным требованиям в условиях «наступления» марксистской версии науки и последовавшего затем фактически запрета социологии. В советский период (1956–1991) была образована ССА, которая способствовала «второму рождению» науки, проведению социологических исследований и обмену опытом среди учёных. В современный период (с 1992) социология получила новый импульс для развития, вследствие чего возник ряд независимых социологических ассоциаций и центров. Несмотря на определённые вызовы и ограничения, само их функционирование отражает специфику состояния гражданского общества и взаимоотношений его субъектов с властными структурами. Они поддерживают научные связи между исследователями и помогают в распространении знаний об обществе, социальных институтах и процессах. Эти добровольные ассоциации работают преимущественно автономно, однако консолидация сил профессиональных социологов позволила бы полнее реализовать накопленный ими опыт, результативнее использовать их потенциал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Тахтарев К. М.* Русское социологическое общество имени М. М. Ковалевского // Социо-библиографический вестник. 1919. № 4–6. С. 14–19.
2. *Малинов А. В.* Социологическое наследие А. С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. СПб. : РХГА, 2017. 336 с. ISBN 978-5-88812-824-4. EDN YUDJIX.
3. *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое / подготовка текста, авт. вступ. ст. и комментариев В. П. Золотарев. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. 384 с. ISBN 5-288-00507-9.
4. *Глов М. Б.* Участие Н. И. Кареева в процессах институционализации социологии в России // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 2. С. 144–152. DOI 10.19181/socjour.2020.26.2.7270. EDN TUCGRI.
5. *Сорокин П. А.* О русской общественной мысли : Сочинения. СПб. : Алетейя, 2000. 221 с. ISBN 5-89329-263-4.
6. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991. Т. 2: 1952–1958 / отв. сост. В. Ю. Афиани, В. Д. Есаков. М. : РОССПЭН, 2010. 1279 с. ISBN 978-5-8243-1380-2. EDN RCJNPN.

7. Колбановский В. В. К истории постсталинской социологии: от Ренессанса до Реформации // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 19–41. EDN ZGIYWT.
8. Осипов Г. В. «Мы жили наукой» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 95–109.
9. Пилипенко Н. В. Институт конкретных социальных исследований и развитие социологической науки в СССР (1968–1978 годы) // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 331–345.
10. Канто А. С. Советская социологическая ассоциация в институционализации отечественной социологии // Социологические исследования. 2018. № 12 (416). С. 121–132. DOI 10.31857/S013216250003175-5. EDN YSBRWP.
11. Мансуров В. А., Попова И. П. «Социологи болеют за всё общество в своей стране...» (интервью с В. А. Мансуровым) // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 118–128. DOI 10.31857/S013216250021570-0. EDN DPADJA.
12. Ломоносова М. В., Миронов Д. В. Социологическое общество им. М. М. Ковалевского: история и современность (по материалам международной научной конференции «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке») // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8, № 2. С. 118–124. EDN YTAHNL.
13. Сохраняя отечественные традиции: возрождение социологического общества им. М. М. Ковалевского / А. О. Бороноев, М. В. Ломоносова, Д. В. Миронов, Н. Г. Скворцов // Социологические исследования. 2016. № 11 (391). С. 140–143. EDN WZJSAP.
14. Жуков В. И. Социология в современной России (доклад на Учредительном съезде Союза социологов России 27 июля 2007 г.) // Социологические исследования. 2007. № 12 (284). С. 1–18. EDN OPCWMJ.
15. Алексеев А. Н., Докторов Б. З. Открытое письмо группы петербургских социологов коллегам-социологам России (июль 2007) // Телескоп. 2008. № 6. С. 2–13. EDN KYWVHP.
16. Осипов Г. В., Москвичев Л. М. Социология и власть (как это было на самом деле). М. : Экономика, 2008. 645, [1] с. ISBN 978-5-282-02827-0.
17. Канто А. С. Социологический ренессанс: о том, как на самом деле это было и как не было. М. : У Никитских ворот, 2018. 656 с. ISBN 978-5-00095-505-5.
18. Докторов Б. З. Нескончаемые беседы с классиками и современниками: опыт историко-биографического анализа. М. : ЦСП и М, 2018. 440 с. ISBN 978-5-906001-52-8.

REFERENCES

1. Takhtarev K. M. M. M. Kovalevsky Russian Sociological Society [Russkoe sotsiologicheskoe obshchestvo imeni M. M. Kovalevskogo]. *Social and Bibliographic Bulletin=Sotsiobibliograficheskii vestnik*.1919;(4–6):14–19. (In Russ.).
2. Malinov A. V. The sociological heritage of A. S. Lappo-Danilevsky: Research and materials [Sotsiologicheskoe nasledie A. S. Lappo-Danilevskogo: issledovaniya i materialy]. St. Petersburg : Russian Christian Humanities Academy; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-88812-824-4.
3. Kareev N. I. The lived and experienced [Prozhitoe i perezhitoe]. Text preparation, introduction and commentaries by V. P. Zolotarev. Leningrad : Leningrad State University Publ.; 1990. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-288-00507-9.
4. Glotov M. B. N. I. Kareev's participation in the processes of institutionalizing sociology in Russia. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 2020;26(2):144–152. (In Russ.). DOI 10.19181/socjour.2020.26.2.7270.
5. Sorokin P. A. On Russian social thought : Works [O russkoi obshchestvennoi mysli : Sochineniya]. St. Petersburg : Aletheia; 2000. 221 p. (In Russ.). ISBN 5-89329-263-4.

6. The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) – VCP(b) – CPSU. 1922–1991. Vol. 2: 1952–1958 [Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TsK RKP(b) – VKP(b) – KPSS. 1922–1991. T. 2. 1952–1958]. Comp. by V. Yu. Afiani, V. D. Esakov. Moscow : ROSSPEN; 2000. 1279 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8243-1380-2.
7. Kolbanovskij V. V. On the history of post-Stalin sociology: From the renaissance to the reformation [K istorii poststalinskoi sotsiologii: ot renessansa do reformatsii]. In: Russian sociology of the sixties in memoirs and documents [Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh]. St. Petersburg : Russian Christian Humanities Institute; 1999. P. 19–41. (In Russ.).
8. Osipov G. V. “We lived in science” [«My zhili naukoj»]. In: Russian sociology of the sixties in memoirs and documents [Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh]. St. Petersburg : Russian Christian Humanities Institute; 1999. P. 95–109. (In Russ.).
9. Pilipenko N. V. Institute for Concrete Social Research and the development of sociological science in the USSR (1968–1978). In: Russian sociology of the sixties in memoirs and documents [Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh]. St. Petersburg : Russian Christian Humanities Institute; 1999. P. 331–345. (In Russ.).
10. Kapto A. S. The Soviet sociological association in institutionalizing sociology in the USSR. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;(12):121–132. (In Russ.). DOI 10.31857/S013216250003175-5.
11. Mansurov V. A., Popova I. P. “Sociologists are rooted for the whole society in their country...” (interview with V. A. Mansurov). *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(8):118–128. (In Russ.). DOI 10.31857/S013216250021570-0.
12. Lomonosova M. V., Mironov D. V. Maxim Kovalevsky Sociological Society: A history and modern state (based on the papers of the International conference “Russian Sociological Community: History, Contemporary State, and Position in Global Science”). *Sociology of Science and Technology=Sociologiya nauki i tekhnologii*. 2017;8(2):118–124. (In Russ.).
13. Boronoev A. O., Lomonosova M. V., Mironov D. V., Skvortsov N. G. Preserving traditions of Russian sociology: Maxim Kovalevsky Sociological Society role. A contribution to 100th anniversary of its establishing. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;(11):140–143. (In Russ.).
14. Zhukov V. I. Sociology in modern Russia (report at the Founding Congress of the Union of Sociologists of Russia on July 27, 2007) [Sotsiologiya v sovremennoi Rossii (doklad na Uchreditel’nom s’ezde Soyuzsotsiologov Rossii 27 iyulya 2007 g.)]. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2007;(12):1–18. (In Russ.).
15. Alekseev A. N., Doktorov B. Z. Open letter from a group of St. Petersburg sociologists to fellow Russian sociologists (July 2007) [Otkrytoe pis’mo gruppy peterburgskikh sotsiologov kollegam-sotsiologam Rossii (iyul’ 2007)]. *Telescope=Teleskop*. 2008;(6):2–13. (In Russ.).
16. Osipov G. V., Moskvichev L. M. Sociology and power (as it really was) [Sotsiologiya i vlast’ (kak eto bylo na samom dele)]. Moscow : Ekonomika; 2008. 645, [1] p. (In Russ.). ISBN 978-5-282-02827-0.
17. Kapto A. S. Sociological Renaissance: About how it really was and how it was not [Sotsiologicheskii renessans: o tom, kak na samom dele eto bylo i kak ne bylo]. Moscow : U Nikitskih vorot; 2018. 656 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00095-505-5.
18. Doktorov B. Z. Endless conversations with classics and contemporaries: An experience of historical and biographical analysis [Neskonchaemye besedy s klassikami i sovremennikami: opyt istoriko-biograficheskogo analiza]. Moscow : Center for Social Forecasting and Marketing; 2018. 440 p. (In Russ.). ISBN 978-5-906001-52-8.

Поступила в редакцию / Received 16.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Revised 17.02.2025.
Принята к публикации / Accepted 10.03.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Валеева Марина Владимировна *m.v.shcherbakova@urfu.ru*

Кандидат социологических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
SPIN-код: 3722-6137

Левченко Илья Евгеньевич *i.e.levchenko@urfu.ru*

Доктор социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
SPIN-код: 2499-3260

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Valeeva *m.v.shcherbakova@urfu.ru*

Candidate of Sociology, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-1623-8067
Scopus Author ID: 58064083400
Web of Science ResearcherID: L-9492-2016

Ilya E. Levchenko *i.e.levchenko@urfu.ru*

Doctor of Sociology, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-3619-4797
Scopus Author ID: 57226156016
Web of Science ResearcherID: F-8113-2015

DOI: 10.19181/sntp.2025.7.1.13

EDN: QUQJJC

Научная статья

Research article

НАУКА И ПОЛИТИКА: РИСКИ ВОЗМОЖНОГО СИМБИОЗА

**Ваганов
Андрей Геннадьевич¹**

¹ «Независимая газета», Москва, Россия

Для цитирования: Ваганов А. Г. Наука и политика: риски возможного симбиоза // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 192–205. DOI 10.19181/sntp.2025.7.1.13. EDN QUQJJC.

Аннотация. Наука и научное сообщество могут быть использованы различными политическими силами в своих интересах. В предлагаемой статье автором принята попытка проследить некоторые аспекты функционирования взаимосвязи между политической властью и научным сообществом. На примерах показаны эффекты возникновения обратных связей между властными структурами и научными организациями, отдельными учёными. Отмечается, что возникновение феномена недостоверной научной информации (*misinformation about science*) зачастую отвечает локальным, имиджевым интересам отдельных учёных и научных сообществ. В современной России эта ситуация усугубляется ещё и низким уровнем взаимодоверия между наукой и обществом, наукой и политическими силами, а также внутри самого научного сообщества. По-видимому, это связано с адаптацией науки к рынку труда, когда слабеют идеалы профессиональной автономии науки. Вместе с тем благодаря феномену *misinformation* антинаучная позиция может стать официальной идеологической и политической платформой даже несмотря на высокий уровень поддержки научных исследований государством. И в этом смысле можно говорить о научной идеологии и особой индивидуальной ответственности каждого учёного. Понятно, что это – идеальная модель, которую вряд ли удаётся полностью реализовать. Именно поэтому делается вывод о важности того, чтобы научное сообщество оставалось независимым и соблюдающим научные принципы и научную этику. Научные исследования должны проводиться в соответствии с академическими стандартами, а экспертные выводы должны основываться на фактах и доказательствах, а не на политических мотивах. Учёные должны стремиться к честному и объективному исследованию, что поможет предотвратить манипуляции и использование науки в политических целях.

Ключевые слова: недостоверная научная информация, научная политика, научная экспертиза, имидж науки, общественное мнение, академия наук, манипуляция научными данными

SCIENCE AND POLITICS: RISKS OF POSSIBLE SYMBIOSIS

Andrey G. Vaganov¹

¹ Nezavisimaya Gazeta, Moscow, Russia

For citation: Vaganov A. G. Science and politics: Risks of possible symbiosis. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):192–205. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.13.

Abstract. Science and the research community can be used by various political forces to their advantage. In the proposed article, the author attempts to trace some aspects of the functioning of the relationship between political power and the academic community. The examples show the effects of feedback loops between government structures and scientific organizations and individual researchers. It is noted that the emergence of the phenomenon of unreliable scientific information (misinformation about science) often meets the local, image-building interests of individual scientists and scientific communities. In modern Russia, this situation is further aggravated by the low level of mutual trust between science and society, science and political forces, as well as within the research community itself. Apparently, this is due to the adaptation of science to the labor market, when the ideals of the professional autonomy of science are weakening. At the same time, thanks to the phenomenon of misinformation, an anti-scientific position can become an official ideological and political platform, even despite the high level of government support for scientific research. And in this sense, we can talk about the scientific ideology and the special individual responsibility of each scientist. It is clear that this is an ideal model, which is unlikely to be fully implemented. That is why it is concluded that it is important that the scientific community remains independent and adheres to scientific principles and ethics. Scientific research should be conducted in accordance with academic standards, and expert conclusions should be based on facts and evidence, not on political motives. Scientists should strive for honest and objective research which will help prevent manipulation and the use of science for political purposes.

Keywords: scientific misinformation, scientific policy, scientific expertise, image of science, public opinion, academy of sciences, manipulation of scientific data

2025-й – четвёртый год Десятилетия науки и технологий, объявленного Президентом РФ В. В. Путиным. Помимо всего прочего, это означает и лишний раз подтверждает, что наука стала инструментом большой политики. Причём очень востребованным инструментом. Однако, как представляется, само научное сообщество склонно воспринимать себя как субъект политики.

Как раз в самый канун 2025 г. в США был опубликован солидный – 400 страниц – доклад “Understanding and Addressing Misinformation About Science” («Понимание и установление источников недостоверной информации о науке») [1]. Документ подготовлен Национальными академиями наук, инженерии и медицины США (National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine). Академик А. Р. Хохлов в своём Telegram-канале вносит важное терминологическое уточнение: «Термин “misinformation” переводится как “недостоверная информация” (в отличие от “disinformation” – дезинформации, которая намеренно вводит в заблуждение адресата такой информации)»¹.

¹ Хохлов А. Национальная академия наук США... // Алексей Хохлов. Блог в Telegram : [сайт]. 2024. 20 декабря. URL: <https://t.me/khokhlovAR/881> (дата обращения: 12.02.2025).

В докладе речь идёт именно о “*misinformation*”. «Если недостоверная информация о науке приводит к убеждениям, которые противоречат общепринятым научным данным, последствия могут быть глубокими. Ложные представления и убеждения могут привести к проведению и поддержке политики, которые не поддерживаются общепринятой наукой и/или не соответствуют индивидуальным предпочтениям и целям, что в свою очередь приведёт к негативным последствиям для отдельных лиц, сообществ и общества в целом, – отмечают руководители группы, которая готовила доклад, доктора философии Т. Э. Тейлор и К. Вишванат. – Фактически некоторые политики требуют принятия мер по пресечению недостоверной информации и прекращению её распространения и негативного воздействия. Многие действия в политической и законодательной сферах уже рассматриваются» [1, р. xiii] (здесь и далее пер. мой. – А. В.).

Исследовательские задачи, которые стояли перед ними, Т. Э. Тейлор и К. Вишванат формулируют так: «Нам ещё многое предстоит узнать о динамике недостоверной информации о науке в информационной экосистеме: мы мало знаем о том, как *misinformation* распространяется внутри и влияет на различные сообщества, особенно на малообеспеченные и социально уязвимые группы; мы меньше знаем о *misinformation*, которая распространяется через “офлайновые” социальные сети и старые средства массовой информации, такие как радио или телевидение, чем в онлайн-контексте; и нам необходимо лучше понять, как конкретные меры, направленные на борьбу с негативными последствиями недостоверной информации, могут работать в сочетании и в большом масштабе» [1, р. xiv].

Главный вывод, к которому приходят составители доклада: «Те, кто выбирает для себя роли публичных коммуникаторов науки, должны понимать, как научные доказательства, которые они сообщают, могут быть неверно истолкованы без соответствующего контекста, и они должны включать важные оговорки и ограничения применимости научных результатов в свою публичную коммуникацию» [1, р. 4].

С этим выводом трудно полемизировать. Вот и историк, академик РАН М. Д. Бухарин уверен: «В модель отношений государства и науки должна входить забота о ментальном и душевном здоровье нации, которое обеспечивается не только медикаментами и стационарами, но и средствами массовой информации, печатными и электронными, институтами массовой культуры. Засилье шарлатанов всех сортов на телевидении, беспроблемный выпуск печатной продукции, затуманивающей сознание “рядового гражданина”, обрекает общество на жизнь во мраке и гарантирует на многие поколения сохранение связанной с ним “власти тьмы”. Государство через науку должно выступать в роли “мягкой силы” по воспитанию общества» [2, с. 14].

Однако можно отметить: именно так, через «сознание “рядового гражданина”», науку и адаптируют под цели политической целесообразности. И в этом смысле доклад американских социологов интересен и полезен ещё и потому, что в нём не просто умозрительные рассуждения. Доклад исходит из анализа большого массива наукометрических и социологических данных. Американская традиция социометрики имеет уже почти двухсотлетнюю историю. И до сих пор остаётся самой авторитетной в мире.

Так, исследование компании Pew Research Center (опрос среди 9593 взрослых жителей США с 21 по 27 октября 2024 г.) было посвящено доверию общества к учёным и взглядам на их роль в формировании политики [3]. Большинство американцев (76%) уверены в том, что учёные действуют в интересах общества. Это немного больше, чем в 2023 г., что свидетельствует о переломе в тренде на снижение доверия во время пандемии COVID-19. В целом, 51% отмечают, что учёные должны играть активную роль в общественных политических дебатах по вопросам науки, в то время как 48% говорят, что они должны сосредоточиться на установлении фактов и не вмешиваться в политику. И это тоже – очень существенная величина. Причём обращает на себя внимание тот факт, что большее число демократов, чем республиканцев, уверены, что учёные действуют в интересах общества (88% против 66%).

Любопытно, как общественное мнение в США рисует себе портрет учёного. Большинство считает учёных-исследователей умными (89%) и сосредоточенными на решении реальных проблем (65%). Столько же, 65%, считает, что учёные – это честные люди, которые умеют работать в команде (71%).

Интересный штрих к этому словесному портрету обобщённого учёного добавляют результаты исследования, которое было опубликовано также в ноябре 2024 г. в журнале Nature. Оказывается, публика вовсе не «дура», и доверие общества к учёным, проявляющим скромность в своей научной деятельности, значительно выше. Скромность повышает уровень доверия к учёному и результатам его исследований, способствует намерению следовать его рекомендациям и опираться на представленную им информацию [4].

* * *

«...состояние знания в обществе измеряется тем, что знает обычный человек, а не эксперт-исследователь», – считает Стив Фуллер, профессор социологии Уорвикского университета (Великобритания) [5, с. 76].

«Неудивительно, что слово “рациональность” стало несколько пугающим. Прежде чем обвинять простых людей в том, что они не придают никакой ценности фактам, на которые указывают так называемые рационалисты, нам стоит обратить внимание на вопиющее извращение смысла этих фактов. <...> ...невежество публики столь драгоценно, что оно оправдывает самые крупные инвестиции», – отмечает французский социолог Бруно Латур [6, с. 116, 138].

Если согласиться с этими утверждениями, – а к этому есть все основания, – то становится вполне объяснимой тенденция «погрузить» научные, академические сообщества в сферу политическую, «растворить» в социальном. В этот момент как раз и возникает соблазн применения “misinformation” как политического инструментария.

Итак, наука и научное сообщество могут быть – и активно используются – различными политическими силами в своих интересах. Представляется, что здесь возможны несколько сценариев.

1. Использование научных исследований в политических целях.

Политики могут «адаптировать» результаты научных исследований, экспертные мнения учёных и научные факты для подтверждения своей позиции,

обоснования принимаемых политических решений или обвинения оппонентов. Они могут контролировать финансирование и направление научных исследований, чтобы получить желаемые результаты.

2. Манипуляция общественным мнением.

Политические силы могут влиять на научное сообщество и научные исследования, чтобы создать определённые общественные настроения или убедить общественность в необходимости определённых политических действий. Это может происходить через медиа, пропаганду или давление на учёных.

3. Контроль над научными ресурсами.

Государственные и политические акторы могут стремиться к контролю над институтами науки, научными журналами, академическими советами и финансированием научных проектов. Это позволяет управлять выводами и рекомендациями учёных, направлять научные исследования в соответствии с их сугубо политическими интересами.

4. Использование учёных в качестве консультантов.

Политические силы могут привлекать учёных в качестве консультантов или экспертов для разработки стратегий, принятия решений или разработки политики. Учёные могут становиться публичными лицами и защитниками определённых политических позиций.

В идеале, конечно, хорошо было бы, если бы научное сообщество оставалось предельно независимым и беспристрастным в предложенных обстоятельствах. Научные исследования должны проводиться в соответствии с академическими стандартами, а экспертные выводы основываться на фактах и доказательствах, а не на мотивах политической целесообразности. Это поможет хотя бы в некоторой степени предотвратить манипуляции и использование науки в политических целях.

На практике политика и массовая культура вполне эффективно формулируют науку, казалось бы – высокоинтеллектуальную сферу деятельности, по своим шаблонам.

«Академия (в данном случае имеется в виду не только академическая наука, но и университетская как пересекающиеся множества. – А. В.) так хорошо готовила людей и её исследования стали настолько социально релевантными, что ей пришлось непрерывно отстаивать свой дух свободного исследования от экономических и политических попыток его сдержать. Это сопротивление часто принимало умышленно антидисциплинарную позу, свойственную импровизационным формам выражения, – я имею в виду тот нечестивый союз плагиата и пустозвонства, который хитрые академики постоянно ловко выдают за истину», – замечает Стив Фуллер [5, с. 9]. Мы же, отметим, что это и есть *misinformation*, недостоверная научная информация.

Надо сказать, что государство в этой ситуации тоже рискует и не всегда обладает подходящим функционалом, чтобы отразить этот риск. Антинаучная позиция может стать официальной государственной доктриной, полностью соответствующей политическим целям и господствующей идеологии.

Так случилось, например, в случае с учением Т. Д. Лысенко о наследственности, которое было официально провозглашено позицией советской биологии. Оно – государство, – кажется, искренне поверило в «социобиологические сказки» агронома Т. Д. Лысенко. Следует подчеркнуть, что это происходило на фоне беспрецедентно высокого уровня господдержки науки и техники в СССР в послевоенный период. Если в 1940 г. число учёных в СССР составляло 98 тыс. человек, то в 1950 г. – 150 тыс. За этот же период доля затрат на науку в ВВП страны выросла с 0,93% до 1,82% [7, с. 70].

* * *

Приведём несколько примеров, когда, казалось бы, сугубо научная оценка становилась фактором принятия политических решений и, наоборот, когда политические интересы адаптировали научную фактуру в приемлемом для себя ключе.

В своём интервью в марте 2006 г., накануне 20-летия Чернобыльской радиационной катастрофы, первый президент СССР М. С. Горбачёв признавался: «...учёные всегда заверяли нас, руководителей страны, что реактор абсолютно безопасен. Академик Александров говорил, например, что РБМК можно ставить хоть на Красную площадь, так как опасности от него не больше, чем от самовара...»².

И это, возможно, стало одной из причин, которая задержала принятие радикальных решений по ликвидации последствий взрыва на АЭС. Впрочем, сам Михаил Сергеевич предлагал, как минимум, разделять ответственность между политиками и учёными: «Чернобыль ясно показал, какая огромная ответственность лежит не только на политиках, но и на учёных, инженерах, проектировщиках, ведь их ошибки могут стоить жизни и здоровья миллионам людей»³.

Другая, уже трафаретная ситуация в спорах о балансе во взаимоотношениях политики и науки – проблема глобальных климатических изменений. Эту коллизию хорошо формулируют английский социолог Райнер Грундманн (Астонский университет в Бирмингеме) и немецкий культуролог Нико Штерн из Университета Цеппелина. Они отмечают: «Что касается изменения климата, то здесь научные и политические дебаты вращаются главным образом вокруг вопроса о том, есть ли непосредственная угроза кризиса или нет. При этом часто приводят в пример озоновую политику, аргументируя, что, возможно, сейчас мы и не видим признаков актуального кризиса (hot crisis... однако в итоге изменение климата может иметь гораздо более серьёзные последствия, чем принято считать. Некоторые участники этих дебатов пытались спровоцировать ощущение кризиса при помощи различных средств риторики... упоминания беспрецедентно высоких средних температур на Земле или переломных моментов (tipping points), задающих такую траекторию климатической системы, из которой уже нет возврата и которая в конечном итоге направляет эту систему по нисходящей спирали, которая заканчивается климатическим коллапсом. Другие опровергали подобные антиутопические сценарии и настаивали на том, что паникёрство всегда контрпродуктивно» [8, с. 257].

² М. С. Горбачёв: «Чернобыль сделал меня другим человеком» // Горбачёв-Фонд : [сайт]. 2006. 2 марта. URL: https://gorby.ru/presscenter/publication/show_24883/ (дата обращения: 03.01.2025).

³ Там же.

Р. Грундманн и Н. Штерн приходят в итоге к довольно жёсткому выводу: «В климатическом дискурсе <...> когда дело доходит до политических мер, наука используется для разделения, а не объединения. Из-за ложного понимания отношения между авторитетным знанием и политической властью разгорелась борьба за “правильное” понимание климатической системы, которое должно было стать основой практических действий. В результате многие граждане, которые в целом были готовы обсуждать превентивные меры, вообще утратили интерес к проблеме. Многим кажется, что от них теперь ждут, чтобы они присоединились к научной платформе, которая либо выше их понимания, либо сомнительна сама по себе. Возможно, ирония как раз и заключается в том, что научный диспут об изменении климата имеет все признаки религиозной войны» [8, с. 261].

Ответственность за принятие значащих решений в итоге лежит всё-таки на акторах, обличённых политической властью. Но, «поскольку политические лидеры всё чаще оказываются “дилетантами”, контроль за экспертами становится задачей других экспертов. Правитель “контролирует одного специалиста при помощи других”... Кто контролирует бюрократический аппарат управления и господствует над ним?», – отмечают Р. Грундманн и Н. Штерн [8, с. 25].

Показательно, что, например, президент Российской академии наук руководит и научно-техническим советом правительственной Комиссии по научно-технологическому развитию РФ. Так политические решения превращаются, а точнее сказать – маскируются под научно-технические вопросы. Именно экспертная деятельность, похоже, стала той экологической нишей, в которой Российская академия наук нашла себя в новом качестве после реформы 2013 г. Академия наук уже и формально, и нотариально, так сказать, ведущая экспертная организация в стране. Какое отношение это имеет собственно к академической науке – интересная тема для специального науковедческого анализа.

Предметный урок использования экспертного знания в геополитике могут дать и классические «кабинетные», академические науки – философия, история, этнопсихология, лингвистика, теоретическая география... Так, сегодняшний спор вокруг юрисдикции части Арктического шельфа ведётся на основе геоморфологических аргументов. Создаются геофизические и математические модели, которые должны доказывать, что подводный хребет Ломоносова – это продолжение российского континентального шельфа. Оппоненты, учёные-геологи Норвегии, США, Канады и Дании, приводят не менее научно обоснованные данные о принадлежности части шельфа этим странам. Эксперты специальной комиссии ООН сейчас решают, на чью сторону встать в этой коллизии.

А вот пример беспримесной большой политики в научной сфере, но с налётом как бы этическим. В ноябре 2024 г. Европейская организация по ядерным исследованиям (ЦЕРН) в Женеве прекратила формальное сотрудничество примерно с 500 специалистами, имеющими связи с Россией. Запрет касается в том числе доступа к Большому адронному коллайдеру (Large Hadron Collider, LHC)⁴. Руководство ЦЕРН долго балансировало между научной целесообразностью сохранения мощной команды российских учёных и требованиями политкорректности. Победила политкорректность и, если можно так сказать, политпослушность научной администрации ЦЕРН.

⁴ ЦЕРН откажется от работы почти с 500 специалистами, связанными с Россией // РИА Новости : [сайт]. 2024. 19 марта. URL: <https://ria.ru/20240319/otkaz-1934142748.html> (дата обращения: 03.01.2025).

Ещё более характерный пример – научный (?) спор о происхождении коронавируса SARS-CoV-2 и вызванной им пандемии COVID-19. Солидный научный журнал Cell опубликовал осенью прошлого года статью, в которой на основе генетической информации, собранной в начале 2020 г. на рынке морепродуктов «Хуанань» в китайском городе Ухань, показывается, что первоначальный очаг распространения коронавируса COVID-19 связан именно с этим рынком [9]. «Это, по сути, отвергает модную гипотезу искусственного происхождения коронавируса в научной лаборатории...», – подчёркивает академик А. Р. Хохлов⁵.

Между тем, вслед, специальный подкомитет по проблеме пандемии коронавируса Комитета по надзору и отчётности Конгресса США обнародовал доклад, в котором, возможно, не менее обоснованно доказывается гипотеза о рукотворном происхождении коронавируса в лабораториях китайского города Ухань [10]. «Однако научное сообщество едино в том, что этот текст сильно политизирован и не имеет никакой научной ценности, в отличие от статьи в Cell», – уверен академик А. Р. Хохлов⁶.

Но в этом-то и парадокс недостоверной научной информации: отнюдь и далеко не все учёные выказывают согласие к консенсусу. Научные решения, знания, истина в конце концов «гидрофобны» к концепту «консенсус». По-другому: научные истины не утверждаются и не подтверждаются консенсусом. (Возможно, только за исключением закона всемирного тяготения и второго начала термодинамики. Но только – возможно!) Принятое консенсусом научное решение уже можно справедливо заподозрить в антинаучности.

Однако именно решения, принятые консенсусом, востребованы в политике. «Власть имущие – если они вообще приемлют науку – не любят универсалистских, бесформенных, сомневающихся в себе научных доктрин, модель которых нелегко передать массам и превратить в политический капитал», – замечает лингвист из Университета Теннесси (США) Стивен Блэкуэлл [11, с. 352].

Немецкий историк науки Флавио д’Абрамо, его итальянские коллеги Джулия Гандольфи, Джерардо Йенна и Пьетро Омодео, француз Шарль Вольф, авторы статьи «Политическая эпистемология борьбы с пандемией», подчёркивают: «Получив возможность опереться на использование больших массивов данных, сегодня самые передовые информационные технологии позволяют анализировать подобного рода проблемы с высокой эффективностью. Большие данные могут предоставить лицам, принимающим решения, важный инструмент для прогнозирования и принятия решений в области окружающей среды, медицины, социальной сферы, финансов, безопасности и так далее. Однако в то же время использование больших данных в научной сфере вызвало ожесточённые эпистемологические споры о сложности хранения данных, об их устаревании, об их необъективности и доступности для злонамеренных манипуляций. Однако все эти проблемы находятся не только в эпистемологическом поле, но являются, по сути, проблемами политическими. <...> О том, что наука и политика не могут быть разделены, свидетельствуют исторические примеры борьбы с пандемией, <...> начиная, по крайней мере, с позднего Средневековья» [12, с. 349, 351].

⁵ Хохлов А. Вчера и сегодня я напомнил о... // Алексей Хохлов. Блог в Telegram : [сайт]. 2024. 24 декабря. URL: <https://t.me/khokhlovAR/884> (дата обращения: 14.02.2025).

⁶ Там же.

И – самый свежий пример. Цитирую по агентству «Интерфакс»: «Разлив нефтепродуктов в Керченском проливе не окажет серьёзных негативных последствий на морское побережье Абхазии, сообщил... директор Института экологии Абхазии Роман Дбар. “Движение вод Чёрного моря происходят с востока на запад со скоростью 5–6 км в час. Но когда ветер дует в противоположную сторону, эти воды могут поменять направление и двигаться в сторону Кавказа. Этим и объясняется, что часть мазута достигла побережья Анапы. И за последнюю неделю основной объём оказавшихся в море нефтепродуктов выбросило на берег именно в этом районе, но другая часть продолжает находиться в акватории”, – отметил Дбар. По его словам, то, что “авария произошла не летом, а зимой имеет свои плюсы”»⁷.

То, что проблема экологическая превратилась в чувствительную проблему научно-политическую, подтверждает и последовавшее разъяснение пресс-секретаря Президента РФ Д. С. Пескова: введение режима федерального ЧС в связи с разливом мазута на черноморском побережье после крушения танкеров пока не планируется, заявил он. «Пока нет. *Всё будет зависеть от рекомендаций специалистов* (курсив мой. – А. В.), которые работают на местах», – сообщил Песков на брифинге 24 декабря 2024 г.⁸

Рекомендации специалистов, конечно, последовали. 20 января 2025 г., через месяц после разлива около 2,4 тыс. тонн мазута, Минобрнауки России сформировало межведомственную рабочую группу, которая занимается анализом научно-технических предложений по ликвидации последствий разлива мазута в Чёрном море. «Сведения о технологиях и научных разработках высокой степени готовности поступают от ведущих научных организаций и вузов, добавили в ведомстве. По словам вице-президента РАН Степана Калмыкова, которого цитирует пресс-служба (Минобрнауки. – А. В.), устранение последствий разлива мазута в Чёрном море прорабатывается и с правительственной комиссией, и с тем штабом, который функционирует в рамках Минобрнауки. “Там большое количество учёных – представителей академической науки из институтов Российской академии наук, из университетов. Уже тестируются разные методы, в том числе для поиска и для локализации обнаружений, и боновые защиты на поверхности”, – заключил вице-президент РАН»⁹.

Обратим внимание на слова научного руководителя химического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, академика С. Н. Калмыкова – «Уже тестируются разные методы». Между тем ещё в 2020 г. на выездной сессии РАН на Сахалине одним из приоритетных проектов для региона было названо создание опытного полигона для ликвидации последствий нефтяных разливов. Но, кажется, за пять лет никаких значимых результатов не было достигнуто, если тестирование методов борьбы с разливами нефтепродуктов приходится проводить уже непосредственно после случившегося. Остаётся только повторить вслед за Даниелом Беллом: «Отношение к научному знанию определяет ценностную систему общества» [13, с. 59].

⁷ Учёный уверен, что разлив мазута не окажет серьезного влияния на побережье Абхазии // Интерфакс : [сайт]. 2024. 24 декабря. URL: <https://interfax.ru/world/1000293> (дата обращения: 03.01.2025).

⁸ Введение федерального режима ЧС из-за разлива мазута будет зависеть от рекомендаций специалистов // Интерфакс : [сайт]. 2024. 24 декабря. URL: <https://interfax.ru/russia/1000365> (дата обращения: 03.01.2025).

⁹ Предложения по устранению последствий ЧП с танкерами в Черном море изучит рабочая группа // Интерфакс : [сайт]. 2025. 20 января. URL: <https://interfax.ru/russia/1003727> (дата обращения: 20.01.2025).

* * *

«В связи с усилением неопределённости и непредсказуемости глобальных политических и экономических процессов повышаются требования к эффективности государственных инструментов и институтов. Страны – лидеры по объёму внутренних затрат на исследования и разработки (ВЗИР) продолжают играть ведущую роль в мировом развитии, задавать “правила игры” на конкурентных технологических рынках», – отмечают авторы коллективной монографии «Будущее мировой науки» [14, с. 17].

Ещё один вывод из этого исследования: «Происходит своего рода политизация технологий, а зачастую и технологического развития в целом, с целью смягчения или даже исключения влияния конкурентов на критическую инфраструктуру. Перед учёными ставятся задачи по разработке технологий для решения социально-экономических и политических вопросов в своих странах. На этом фоне формируются соперничающие техноэкономические блоки – общества государств, ориентированные на технологического лидера» [Там же].

Кстати, в принятом 28 декабря 2024 г. Федеральном законе «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 523-ФЗ к субъектам, осуществляющим формирование технологической политики, отнесена и Российская академия наук. Наряду, например, с Правительством РФ, Федеральным Собранием и Центробанком.

Впрочем, с 2010 г. доля государственного сектора во ВЗИР, отражающая вовлечённость государства в выполнение исследований и разработок, в целом по ОЭСР сократилась с 12,1 до 8,9%, по ЕС-27 – с 13,8 до 11,6% [14, с. 113].

И всё же, если актуальная политическая целесообразность оказывается в такой зависимости от состояния интеллектуальной сферы исследований и разработок, то логично предположить, что и политика стала значимым фактором «формообразующего» влияния на науку. *Feedback*, обратная связь, прослеживается несомненно. Одно из проявлений этого взаимовлияния – образ науки и учёных в коллективном бессознательном общества.

Сошлюсь ещё на одно исследование Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Эмпирической базой для анализа послужили результаты репрезентативного опроса, проведённого в рамках Мониторинга инновационного поведения населения НИУ ВШЭ (6946 респондентов в возрасте 18–65 лет, 2023/2024). Данное исследование ИСИЭЗ НИУ ВШЭ реализует с 2003 г. [15]. Последняя волна опроса показала: 88% россиян считают, что научно-технологический прогресс позитивно влияет на качество их жизни. Значение этого показателя держится выше 80% уже более десяти лет. Такие положительные установки по отношению к науке формируют и позитивный образ учёных. По данным опроса 2023/2024, более половины (57%) респондентов были бы рады, если бы их дети захотели стать научными сотрудниками. Уровень одобрения такого карьерного выбора ещё совсем недавно был гораздо ниже (31–42% в 2003–2016 гг.).

Согласно этому же исследованию, имидж учёного за последнее десятилетие улучшился. Всё меньше россиян воспринимают исследователей как чуждаковатых людей (52% в опросе 2023/2024 гг. против 58% в 2014 г.), которые

интересуются только наукой (36% против 46%) и мало зарабатывают (22% против 42%). Подавляющее большинство считают учёных увлечёнными людьми, которые работают на благо человечества (83% в 2023 г. против 71% в 2014 г.) и помогают решать трудные проблемы (89% против 80%).

Обольщаться, впрочем, не приходится. Хотя всё больше россиян воспринимают работу в науке как хороший выбор для подрастающего поколения, непосредственно для себя этот карьерный трек, по данным опроса 2023/2024, рассматривают лишь 5% респондентов; 6% заявили, что ранее думали об этом; ещё 1% опрошенных в данный момент работают в науке; подавляющее большинство (85%) никогда не хотели стать учёными.

В чём причина? Возможно, в низком уровне доверия в нашем обществе.

Вспомним: 71% американцев считают, что учёные – это честные люди, которые умеют работать в команде. В России уровень социального доверия значительно ниже. Причём не только в обществе в целом, но и в самом научном сообществе. Мнение о том, что активное развитие партнёрств в науке способно изменить её будущее, высказывают 13% опрошенных учёных. Важно: различия между представителями гуманитарных, естественно-научных и технических наук минимальны. Только 22% опрошенных учёных среди трендов мировой науки в период 2023–2030 гг. выбрали развитие диалога науки и общества, популяризацию науки [14, с. 191, 297].

И эти данные в целом коррелируют, например, с индексом PDI (*Power Distance Index*) – индекс российской культуры по степени дистанции по отношению к власти по методике Г. Хофстеде: он составляет 90. Это признак очень жёсткой социальной структуры и высокого уровня социального неравенства; а индекс уровня индивидуализма IDV составляет 50. Для сравнения: у Нидерландов 38 и 80 соответственно [16, с. 312].

Другими словами, социальный капитал российской науки (качество социальных связей с обществом и внутри самого научного сообщества, т. е. возможность получения выгод) весьма скудный. Да, вычислительные компьютерные мощности эквивалентны тем, что имели американские астронавты при высадке на поверхность Луны в 1969 г., теперь у большинства людей в кармане – мобильные телефоны. Поэтому и не удивителен показатель в 88% россиян, которые уверены, что научно-технологический прогресс позитивно влияет на качество их жизни. Влияет, несомненно. Но вложиться в развитие или поддержание этого уровня качества жизни готовы в лучшем случае 15%.

А ведь появление любого гаджета, таблеток от ожирения, нейроимплантантов, электросамокатов, летающих и ползающих беспилотных устройств и проч., и проч. само по себе изменяет и общество, и политику, и даже законодательные системы – разнообразие механизмов влияния науки на общество и политику стремится *ad infinitum*. И это – исторический феномен.

В 1994 г. американский социолог Стивен Шапен высказал гипотезу: развитие экспериментальной науки в Англии в XVII в. стало возможным благодаря возникновению новой системы взаимодоверия между учёными, основанной на джентельменской этике. «...от Гилберта и Бэкона до Декарта и Бойля новые философы природы и их культурные союзники признали превосходство

непосредственного личного опыта или интуиции над авторитетом предшествующих писателей», – пишет Шапен [Цит. по: 17, с. 30].

Возможно, все эти коллизии (и многие другие, не упомянутые здесь) подтолкнут политических деятелей к пониманию того, что формирование образа будущего должно происходить не на основе телевыступлений «медиатических интеллектуалов» (термин Пьера Бурдьё), а на основе «скучных» монографий профессиональных учёных. Возможно, учёные, выступающие в качестве экспертов, будут немного сдержаннее и осторожнее... Увы, примеры ушедшего 2024 г. доказывают, что и политикум, и научное сообщество вряд ли движутся в сторону этой модели взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Understanding and addressing misinformation about science. Ed. by K. Viswanath, T. E. Taylor, H. G. Rhodes. Washington, DC : National Academies Press, 2024. xiv, 394 p. DOI 10.17226/27894.
2. Бухарин М. Д. Наука как возможность и смысл (или десять глав о науке и обществе) // Наука и общество в XX–XXI веках : в двух частях / сост. и отв. ред. акад. РАН М. Д. Бухарин. М. : Наука, 2024. Ч. 1. С. 5–16.
3. Tyson A., Kennedy B. Public trust in scientists and views on their role in policymaking // Pew Research Center : [сайт]. 2024. November 14. URL: <https://pewresearch.org/science/2024/11/14/public-trust-in-scientists-and-views-on-their-role-in-policymaking/> (дата обращения: 03.01.2025).
4. Humble scientists earn more trust // Nature. 2024. Vol. 636, № 8041. P. 11. DOI 10.1038/d41586-024-03858-5.
5. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Морозова и П. Хановой ; под науч. ред. С. Гавриленко. М. : Дело, 2021. 384 с. ISBN 978-5-85006-211-8.
6. Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации / пер. с фр. А. Шестакова ; науч. ред. О. Бычкова. СПб. : Издательство Европейского университета, 2019. 202 с. ISBN 978-5-94380-281-2.
7. Фрумкин К. Г. Любование учёным сословием: отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. 348 с. ISBN 978-5-4469-2055-6. EDN JAXWAN.
8. Грундманн Р., Штер Н. Власть научного знания. СПб. : Алетейя, 2015. 324 с. ISBN 978-5-9905769-3-3.
9. Genetic tracing of market wildlife and viruses at the epicenter of the COVID-19 pandemic / A. Crits-Christoph, J. I. Levy, J. E. Pekar [et al.] // Cell. 2024. September 19. Vol. 187, № 19. P. 5468–5482.e11. DOI 10.1016/j.cell.2024.08.010.
10. After action review of the COVID-19 pandemic: The lessons learned and a path forward // Congress.gov : [сайт]. 2024. December 4. URL: <https://congress.gov/118/meeting/house/117748/documents/HRPT-118-SSCPReport.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).
11. Блэкуэлл С. Перо и скальпель. Творчество Набокова и миры науки / пер. с англ. В. Полищук. СПб. : Academic Studies Press ; Библиороссика, 2022. 391 с. ISBN 978-5-907532-10-6.
12. Политическая эпистемология борьбы с пандемией / Ф. д’Абрамо, Дж. Гандольфи, Дж. Йенна [и др.] / пер. М. В. Григорьевой, Я. С. Богдановой // Наука и общество в XX–XXI веках : в двух частях / сост. и отв. ред. акад. РАН М. Д. Бухарин. М. : Наука, 2024. Ч. 1. С. 344–368.

13. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. CLXX, 783, [3] с. ISBN 5-87444-070-4.
14. Будущее мировой науки : коллект. моногр. / Л. М. Гохберг (рук. авт. колл.), Т. Е. Кузнецова, Ю. В. Мильшина [и др.] ; под ред. Л. М. Гохберга. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 312 с. ISBN 978-5-7598-3016-0 (в пер.). ISBN 978-5-7598-3103-7 (e-book). DOI 10.17323/978-5-7598-3016-0. EDN OPSAOW.
15. Карьера в науке: что россияне думают об учёных и их работе? / подг. И. Б. Юдин, В. В. Полякова // Наука. Технологии. Инновации. 2024. 29 ноября. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/992196329.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).
16. Фомотов А. Г. Россия: инновации и развитие. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. 431 с. ISBN 978-5-9963-0159-1. EDN SUSUGH.
17. Неклюдова М. С. «Живая и совершенная книга»: к вопросу об эпистемологическом статусе трактатов о вежестве XVII века // Теория и мифология книги. Французская книга во Франции и России : сб. трудов российско-французской конференции (Москва, РГГУ, 11–12 сентября 2006 г.). М. : РГГУ, 2007. С. 30–44. EDN SFXTBN.

REFERENCES

1. Viswanath K., Taylor T. E., Rhodes H. G., eds. Understanding and addressing misinformation about science. Washington, DC : National Academies Press; 2024. xiv, 394 p. DOI 10.17226/27894.
2. Bukharin M. D. Science as opportunity and sense (Ten chapters on science and society). In: Science and society in the 20th–21st centuries : in two parts. Comp. and ed. by academician RAS M. D. Bukharin. Moscow : Nauka; 2024. Part 1. P. 5–16. (In Russ.).
3. Tyson A., Kennedy B. Public trust in scientists and views on their role in policy-making. *Pew Research Center*. 2024. November 14. Available at: <https://pewresearch.org/science/2024/11/14/public-trust-in-scientists-and-views-on-their-role-in-policymaking/> (accessed: 03.01.2025).
4. Humble scientists earn more trust. *Nature*. 2024;636(8041):11. DOI 10.1038/d41586-024-03858-5.
5. Fuller S. The sociology of intellectual life: The career of the mind in and around the academy. Transl. from English by S. Gavrilenko, A. Morozov, P. Khanova ; ed. by S. Gavrilenko. Moscow : Delo; 2021. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-85006-211-8.
6. Latour B. Où atterrir? Comment s'orienter en politique [Gde prizemlitsya? Opyt politicheskoi orientatsii]. Transl. from French by A. Shestakov ; ed. by O. Bychkova. St. Petersburg : EUSP Press; 2019. 202 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94380-281-2.
7. Frumkin K. G. Admiring the academic class: Reflection of the social history of Soviet science in literature, art and public rhetoric [Lyubovanie uchenym sosloviem: Otrazhenie sotsial'noi istorii sovetskoï nauki v literature, iskusstve i publichnoi ritorike]. Moscow ; St. Petersburg : Nestor-Istoriya; 2022. 348 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4469-2055-6.
8. Grundmann R., Stehr N. Die Macht der Erkenntnis [Vlast nauchnogo znaniya]. St. Petersburg : Aletheia; 2015. 324 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9905769-3-3.
9. Crits-Christoph A., Levy J. I., Pekar J. E. [et al.] Genetic tracing of market wildlife and viruses at the epicenter of the COVID-19 pandemic. *Cell*. 2024;187(19):5468–5482.e11. DOI 10.1016/j.cell.2024.08.010.
10. After action review of the COVID-19 pandemic: The lessons learned and a path forward. *Congress.gov*. 2024. December 4. Available at: <https://congress.gov/118/meeting/house/117748/documents/HRPT-118-SSCPReport.pdf> (accessed: 03.01.2025).

11. Blackwell S. H. The quill and the scalpel. Nabokov's art and the worlds of science [Pero i skal'pel'. Tvorchestvo Nabokova i miry nauki]. Transl. from Engl. by V. Polishchuk. St. Petersburg : Academic Studies Press ; Bibliorossika; 2022. 391 p. (In Russ.). ISBN 978-5-907532-10-6.
12. D'Abramo F., Gandolfi G., Ienna G., Omodeo P. D., Wolfe C. Political epistemology of pandemic management [Politicheskaya epistemologiya borby s pandemiei]. Transl. by M. V. Grigorieva, Ya. S. Bogdanova. In: Science and society in the 20th–21st centuries : in two parts. Comp. and ed. by academician RAS M. D. Bukharin. Moscow : Nauka; 2024. Part 1. P. 344–368. (In Russ.).
13. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting [Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniia]. Transl. from English ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow : Academia; 1999. clxx, 783, [3] p. (In Russ.). ISBN 5-87444-070-4.
14. Gokhberg L. M., Kuznetsova T. E., Mil'shina Yu. V. [et al.] The future of world science [Budushchee mirovoi nauki] : A multi-authored monograph. Moscow : HSE University Publ.; 2024. 312 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-3016-0. ISBN 978-5-7598-3103-7 (e-book). DOI 10.17323/978-5-7598-3016-0.
15. Career in science: What do Russians think about scientists and their work? [Kar'era v nauke: chto rossiyane dumayut ob uchenykh i ikh rabote?]. Prep. by I. B. Yudin, V. V. Polyakova. *Science. Technologies. Innovation=Nauka. Tekhnologii. Innovatsii*. 2024. November 29. Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/992196329.pdf> (accessed: 03.01.2025). (In Russ.).
16. Fonotov A. G. Russia: Innovation and development [Rossiya: innovatsii i razvitie]. Moscow : BINOM. Laboratoriia znaniy; 2010. 431 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9963-0159-1.
17. Neklyudova M. S. "The living and perfect book": On the epistemological status of 17th-century treatises on politeness [«Zhivaya i sovershennaya kniga»: k voprosu ob epistemologicheskom statuse traktatov o vezhestve XVII veka]. In: Theory and mythology of the book. The French book in France and Russia : [Teoriya i mifologiya knigi. Frantsuzskaya kniga vo Frantsii i Rossii] : Proceedings of the Russian-French conference (Moscow, Russian State University for the Humanities, September 11–12, 2006). Moscow : RSUH; 2007. P. 30–44. (In Russ.).

*Поступила в редакцию / Received 10.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Revised 09.02.2025.
Принята к публикации / Accepted 11.03.2025.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ваганов Андрей Геннадьевич *andrewvag@gmail.com*

Ответственный редактор, приложение «НГ-наука», «Независимая газета»; член Комиссии РАН по истории химии, Москва, Россия
SPIN-код: 8758-9251

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey G. Vaganov *andrewvag@gmail.com*

Executive Editor, NG-Nauka Supplement, Nezavisimaya Gazeta; Member, RAS Commission on the History of Chemistry, Moscow, Russia
Web of Science ResearcherID: F-9864-2016

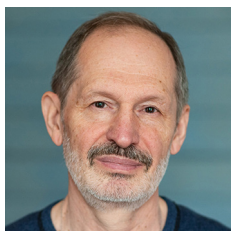
DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.14

EDN: TERKLY

Рецензия

Review

К ТАКОМУ ОПЫТУ СТОИТ ВЕРНУТЬСЯ... РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. А. ВЫБОРНОЙ, М. П. ФЕДУКА «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1959–1968)»¹

**Зырянов
Владимир Викторович¹**

¹ МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Для цитирования: Зырянов В. В. К такому опыту стоит вернуться... Рецензия на книгу В. А. Выборновой, М. П. Федорука «Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968)» // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 206–219. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.14. EDN TERKLY.

Аннотация. В монографии показана история Новосибирского государственного университета от его основания в 1959 до 1968 г., когда в основном завершилась трансформация структуры вуза, стабилизировались кадровый состав и учебный процесс. Авторы прослеживают механизмы адаптации модели МФТИ в ходе становления университета нового типа, созданного в комплексе с Сибирским отделением АН СССР и ориентированного на подготовку кадров для научной деятельности. В этом контексте показан процесс формирования профессорско-преподавательского коллектива, сделан акцент на принципе совмещения работы учёных в институтах СО АН и НГУ, отражена роль физико-математической школы в составе НГУ. Специальное внимание уделено личному вкладу в создание НГУ его организаторов. С этой целью авторы использовали просопографический метод, отобрав 176 ключевых персон. В книге также представлены траектории научного и преподавательского роста молодых учёных, работавших в университете, внеучебная деятельность студентов. Отдельное место авторы отводят описанию деятельности ключевых акторов НГУ по созданию имиджа вуза.

Ключевые слова: Сибирское отделение АН СССР, НГУ, основатели Новосибирского научного центра, модель Физтеха, профессура НГУ, молодые преподаватели НГУ, студенты НГУ, физико-математическая школа

¹ Выборнова В. А., Федорук М. П. Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968) / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2024. 294 с. ISBN 978-5-4437-1663-3.

IT IS AN EXPERIENCE WORTH REVISITING... REVIEW OF THE BOOK “NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY. THE FIRST DECADE (1959–1968)” BY V. A. VYBORNOVA AND M. P. FEDORUK²

Vladimir V. Zyryanov¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For citation: Zyryanov V. V. It is an experience worth revisiting... Review of the book “Novosibirsk State University. The First Decade (1959–1968)” by V. A. Vybornova and M. P. Fedoruk. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):206–219. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2025.7.1.14.

Abstract. The monograph shows the history of Novosibirsk State University (NSU) from its foundation in 1959 to 1968 when the transformation of the HEI’s structure was basically completed and the staff and educational processes were stabilized. The authors trace the mechanisms of adaptation of the Moscow Institute of Physics and Technology model during the development of a new type of university, created in conjunction with the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences and focused on training personnel for scientific activities. In this context, the process of the formation of the teaching staff is shown, the emphasis is made on the principle of combining the work of researchers in the institutes of the Siberian Branch of the Academy of Sciences and NSU, the role of the physics and mathematics school at NSU is discussed. Special attention is paid to the personal contribution of the organizers to the development of NSU. For this purpose, the authors used the prosopographical method and selected 176 key persons. The book also presents the trajectories of scientific and teaching growth of young researchers who worked at the university and examines extracurricular activities of students. The authors focus on the description of the activities of the key actors in making the image of the university.

Keywords: Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, NSU, founders of the Novosibirsk Scientific Center, Phystech model, NSU professors, NSU young lecturers, NSU students, physics and mathematics school

Монография посвящена истории возникновения и становления Новосибирского государственного университета (НГУ) в первые 10 лет, с 1959 по 1968 г. Её подготовили к. ист. н. В. А. Выборнова и ректор НГУ М. П. Федорук. Книга приурочена к 65-летию НГУ. Авторы, позиционируя свою работу, считают, что ретроспективный взгляд нужен для «формирования и поддержания корпоративной исторической памяти сообщества преподавателей и выпускников университета» (с. 3). Источниковой базой монографии послужили как внешние материалы, так и внутренние первичные документы университета: ведомости, штатные расписания, личные дела, справки, отчёты, докладные записки, автобиографии, стенограммы и протоколы заседаний, собраний, конференций. Наконец, исследователи уместно обращаются к работам, в которых

² Vybornova V. A., Fedoruk M. P. Novosibirsk State University. The first decade (1959–1968) [Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. Pervoe desyatiletie (1959–1968)]. Novosibirsk : Publishing and Printing Center of Novosibirsk State University; 2024. 294 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4437-1663-3.

так или иначе отражался путь НГУ от идеи создания до настоящего времени. Отдельно стоит отметить использование личных, мемуарных материалов – воспоминаний, интервью и др.

Первая глава – «НГУ как новационная система» – представляется ключевой частью монографии в том смысле, что именно здесь приводятся базовые идеи, принципы и механизмы, позволившие НГУ стать особенным вузом в пространстве высшего образования СССР, где руководство сверху было всеобщим и жёстким. НГУ был запланирован как часть комплексного проекта нового научного центра (Сибирского отделения АН СССР) с целью решения кадрового вопроса, поскольку к 1950-м гг. сложилась тенденция оттока научной элиты из Сибири как в силу реэвакуации, так и из-за замедления развития филиалов АН СССР в Сибири.

Авторы сосредоточили внимание на выявлении основных направлений научной рефлексии, накопленной в социально-гуманитарных областях знаний относительно принципов и механизмов взаимодействия двух мощных отечественных социальных институтов – науки и образования в реальностях эпохи НТР. Поэтому, хотя монография и посвящена НГУ, в ней достаточно много внимания уделяется причинам, обстоятельствам и процессам создания СО АН, т. к. институты СО АН и НГУ просто невозможно представить друг без друга. Технически организаторы СО АН и НГУ должны были пройти многочисленные этапы инициатив, одобрений, писем, согласований на различных уровнях советских, партийных, научных инстанций, но принципиально всё было с самого начала решено на высшем государственном уровне (с. 17–26).

4 мая 1957 г. на расширенном заседании ЦК КПСС акад. М. А. Лаврентьев озвучил идею основания нового университета как части единого научно-образовательного проекта. Неординарная задача требовала выхода за рамки сложившейся образовательной модели, в противном случае Сибирь, Новосибирск и страна в целом получили бы ещё один традиционно устроенный университет. Однако при наличии рядом уже давно сформировавшегося университета в Томске создавать его дублёра выглядело нерационально. Поэтому новый университет предполагалось строить по модели МФТИ. Обращение к опыту МФТИ имело в стратегии М. А. Лаврентьева два посыла. С одной стороны, эта модель действительно представляла суть замысла создания НГУ, но, с другой – упоминание о хорошо зарекомендовавшей в течение 10 лет образовательной системе облегчало отстаивание своих позиций. Плюс к этому М. А. Лаврентьев сделал тонкий дипломатичный ход – предложил приглашать на стажировку в институты Академгородка наиболее успешных студентов западносибирских вузов уже с 3-го курса. Тем самым академик сформулировал идею, ставшую концепцией и названную «треугольником Лаврентьева», суть которой в комплексном развитии «трёх китов – промышленности, науки и подготовки кадров» (с. 18–24).

Авторы считают, что следующим ключевым шагом в создании НГУ стало назначение первым ректором академика И. Н. Векуа (с. 26). Также в монографии неслучайно показан масштаб личностей тех, кто возглавил первые кафедры, – академиков М. А. Лаврентьева, С. Л. Соболева, П. Я. Кочиной, С. А. Христиановича, чл.-корр. Г. И. Будкера, Д. В. Ширкова; А. В. Бицадзе,

Ю. А. Косыгина (с. 27). В составе первого Учёного совета НГУ было 10 академиков и столько же чл.-корр. АН СССР. И это был принцип, заложенный М. А. Лаврентьевым, на котором создавался университет – определяющие позиции в нём должны были занимать авторитетные учёные и организаторы науки, представляющие перспективные научные направления (с. 33).

Далее авторы подробно анализируют метаморфозы «переваривания» опыта МФТИ в ходе создания и развёртывания работы НГУ. Образовательная модель МФТИ, несомненно, послужила платформой для его создания, стала основой для выработки базовых принципов работы. «Каждый в своё время – МФТИ и НГУ – стали кадровым фундаментом для современной науки. В опоре на физико-математическую компоненту науки как, по мнению М. А. Лаврентьева, “философию современного естествознания и инструмент решения прикладных задач”, ведущие учёные страны видели будущее науки. «В этой парадигме создавался МФТИ и аргументировался перенос его образовательной модели в НГУ. Однако заимствования НГУ “системы Физтеха”, служившие доминантой в первые годы, постепенно уступили место самоопределению, обретению самоидентичности» (с. 35). Действительно, принципиальные, стратегические основания обоих вузов совпадали. Первый принцип Физтеха – соединение науки и высшей школы, второй – привлечение к преподаванию активно работающих в науке учёных. В НГУ с самого начала сложилась пропорция между штатными преподавателями и совместителями из НИИ СО АН 1:5 (сейчас 1:4), в то время как в стране действовали жёсткие запреты на любое совместительство. Практически все приступившие к работе в НГУ учёные и преподаватели либо до приезда в Сибирь работали в МФТИ, либо были знакомы с «системой Физтеха», либо довольно быстро получили «физтеховскую прививку». А дальше началось «переваривание» модели и принципов Физтеха в новых условиях, что и привело к созданию оригинальной модели исследовательского университета, быстро показавшего верность выбранного вектора развития.

Авторы монографии специально подчёркивают – пути и механизмы становления и развития вузов существенно отличались. Характерно, что организаторы СО АН изначально видели как родовые связи, так и принципиальную разницу между НГУ и МФТИ.

- 1) МФТИ «создавался как физико-технологический факультет в рамках МГУ», а НГУ – как самостоятельный вуз.
- 2) МФТИ имел приоритетной целью подготовку кадров для научно-технической сферы, что со временем стало противоречить классической образовательной платформе МГУ и создало предпосылки для самостоятельного развития. Задачи, поставленные перед открытием в 1951 г. МФТИ, были сугубо практическими – кадровое наполнение научно-технической сферы. «Основная идея, заложенная при организации МФТИ, была призвана сделать процесс обучения подвижным, способным оперативно откликаться на остро актуальные требования промышленности» (с. 35).

Принципиальное отличие создания НГУ состояло в базовой задаче – подготовке кадров для академической науки и прежде всего – для СО АН. А раз так, то, значит, ограничиваться математикой и физикой было невозможно: структура СО АН была обширнее и разнообразнее, более

того, она строилась во многом на стыках наук (на Учёном совете СО АН в 1957 г. прописано, что университет будет готовить кадры в том числе на физико-техническом, геолого-географическом, медико-биологическом факультетах).

- 3) МФТИ создавался в Москве, а НГУ – в Сибири, вдалеке не только от столичных, но и от других университетских центров (кроме Томска).
- 4) МФТИ шёл от классического образования к более узкопрофильному, НГУ сразу мыслился как классический университет.
- 5) В МФТИ были сконцентрированы статусные научные кадры по узким профилям подготовки (физика и математика), в НГУ удалось привлечь крупных специалистов почти по всем направлениям науки того времени.
- 6) Особенностью СО АН и НГУ была логика формирования НИИ СО АН и факультетов НГУ. А именно: каждый НИИ создавался под сложившегося научного лидера определённого научного направления, который становился директором; каждый факультет НГУ призван был обеспечить научными кадрами определённые НИИ, поэтому наилучших результатов можно было достичь, если кафедры и факультеты НГУ возглавляли директора НИИ, точно знающие, под какие научные задачи нужно готовить кадры. Для реализации этого замысла НИИ СО АН должны были обеспечить студентов с 3-го курса научным руководством, местами практики, лабораторным и экспериментальным оборудованием, соответствующей тематикой и инфраструктурой. «Работа институтов стала неотъемлемой частью работы университета» (с. 39).
- 7) По оригинальным авторским программам (не типовым) было разрешено преподавать не только специальные дисциплины (по которым ещё не могло быть учебников), но и основные, базовые предметы.
- 8) Принципиальным для руководства НГУ был вопрос о ранних вступительных экзаменах (на две недели раньше остальных). Такой опыт уже был у МГУ и МФТИ. С 1960 г. к ним присоединился НГУ (с. 40).
- 9) Не без дискуссий, но в НГУ пришли к выводу, что итоговым испытанием должна быть дипломная работа, а государственный экзамен по специальности было решено не проводить. Доводы «за» и «против» госэкзаменов имели свои основания. «Против» все первые годы выступали основатели университета. Их аргументом была доминанта научных способностей перед академическими знаниями и навыками, т. к. университет готовит научные кадры и выпускные работы студентов являются пропуском в научные проекты их руководителей (акад. С. А. Христианович, Д. Г. Кнорре). С другой стороны, показательно высказывание ратовавшего за госэкзамены акад. С. Л. Соболева о том, что на экзаменах «мы обнаруживаем иногда совершенно удивительные, с точки зрения пятилетнего обучения в университете, провалы материала» (с. 40–41). Кстати, приоритет научной деятельности перед педагогической культивировался и в требованиях Учёного совета к кандидатам на конкурс при формировании кафедр (с. 34).
- 10) НГУ в советское время был «слугой двух господ» – фактически университет был плоть от плоти СО АН, а формально подчинялся Министерству высшего образования (с. 42). Отношения НГУ с обоими центрами силы всегда

строились на компромиссных началах, хотя и было несколько попыток передать НГУ в юрисдикцию СО АН и считать научным учреждением (с. 41). Положение, которое справедливо расценивалось как временное, сохранилось (как это часто бывает) на последующие десятилетия, обеспечив главный принцип университета особого типа и статуса – совмещение учёными работы в науке с преподаванием и научным руководством.

Вторая глава – «Профессорско-преподавательский состав» – начинается с параграфа «Акторы НГУ», в котором авторы обращаются к своеобразному портрету коллектива, создававшего новый вуз.

Для этого авторы прибегли к просопографическому методу³. Для исследования сущностных характеристик организаторов НГУ были отобраны 176 персон (в приложении представлены ФИО, должности в НГУ, академические и учёные степени и звания) (с. 151–163). По мнению авторов, именно они определяли в первое десятилетие все стороны работы НГУ от его структуры, учебных планов, научной и кадровой политики до финансовых, организационных, бытовых, досуговых и др. вопросов.

Сначала отобранная группа характеризуется по социально-демографическим параметрам. Так, преобладающему количеству акторов НГУ на начало работы в университете было от 40 до 50 лет. Пёстрой была картина социального происхождения: «из дворян» и «из крестьян» по 12%, при доминировании группы «из служащих» – 48%. Приведены и данные членов группы по признакам национальности, членства в КПСС и др. (с. 47–48).

Особое место в книге отводится путям в науку акторов НГУ. Подавляющее большинство – это выпускники вузов Москвы и Ленинграда. Примечательно то, что если в старшей возрастной группе 45% представляли вузы Ленинграда, а 33% – Москвы, то в младшей пропорция перевернулась: 12% на 48% в пользу вузов Москвы. Одновременно от старшей к младшей группе росла доля выпускников сибирских вузов. Для старшей и средней возрастных групп отобранной совокупности Москва и Ленинград преимущественно значились как места защиты кандидатских диссертаций. А вот молодые акторы НГУ почти все защитили свои первые диссертации, работая в НГУ (с. 66).

У тех, кто на момент прихода в НГУ уже были докторами наук, защиты происходили в среднем в 37 лет, т. е. путь от кандидатской до докторской занимал в основном 7–12 лет. А вот в младшей группе принятых на преподавательскую работу в НГУ срок от поступления на работу до защиты докторской диссертации варьировал от одного до шести лет. Что, конечно, говорит о стремительном статусном росте (с. 66).

Что касается академических званий, то к тем учёным, которые на момент переезда в Новосибирск уже были академиками и чл.-корр., за 1959–1968 гг. добавились ещё 25 коллег, ставших чл.-корр., и 14 – академиками во время

³ Цель просопографии «...определяют как изучение истории групп (как элементов в политической и социальной истории), достигаемое выделением последовательности личностей, имевших определённые общие политические и социальные характеристики... <...> Просопографический анализ занимается личностью, её окружением, её социальным положением, то есть личностью в контексте... социальных групп, а также местом или местами, в которых она была активна, и функцией, которую она выполняла внутри своего социума» [1, с. 940].

работы в СО АН. Причём средний возраст присвоения звания академика у них составил 48 лет (с. 52).

Для работы в НГУ важен был не только научный опыт, но и преподавательский. До 80% акторов НГУ старшей и средней групп обладали им, среди молодых им располагали только 30% (с. 54).

Ещё одним «штрихом к портрету» коллективного актора НГУ авторы выбрали знание иностранных языков. Навык чтения на основных европейских языках был у всех!!! Более того, свободно общаться на трёх языках могли 20% учёных в старшей группе. Но чем младше были учёные, тем меньшее их число владело более чем одним языком и тем более приоритетным становился английский язык (с. 55).

Название второй части главы – «Молодые преподаватели: перспективы карьерного роста» – говорит само за себя. Основатели НГУ изначально осознавали, что становление нового университета, его последующая жизнеспособность невозможны без стабильного и качественного кадрового обеспечения. Было ясно, что часть приехавших в Академгородок учёных, привлечённых к преподаванию в НГУ, не приживётся в Сибири: кто-то не осилит преподавательскую работу, кому-то будет тяжело совмещать науку и преподавание. Авторы приводят статистику, наглядно подтверждающую правоту этих тревог и забот. Всего за 1958–1966 гг. СО покинули 89 членов АН СССР и докторов наук, 511 кандидатов наук. На этом фоне надо было обеспечить развитие университета – появление новых факультетов и специальностей, их обновление в соответствии с векторами развития науки, увеличивать наборов студентов. Отсюда необходимость постоянного поиска кадров, воспитанных уже здесь, в НГУ, которые не нужно было адаптировать ни к климату, ни к условиям жизни, ни к работе в СО АН. И действительно, за тот же период в СО АН защищено 112 докторских и 960 кандидатских диссертаций (с. 82).

В этом контексте оправданным выглядит акцент авторов монографии на специальное изучение биографий молодых преподавателей, чтобы таким образом получить дополнительные сведения об успешности реализации базового принципа работы НГУ – совместительства. Для этого авторы сделали выборку из молодых учёных СО АН до 28 лет, которые работали в НГУ в первые 10 лет, имея основную занятость в одном из НИИ СО АН, и представляли все факультеты и кафедры. Целью стало выявление возможностей карьерного и научного роста молодых людей на базе университета (с. 59). В выборку попало 167 чел. Наиболее представленными среди них были выпускники МГУ – 45 чел., МФТИ – 18 чел., ЛГУ – 11 чел., ТГУ (Томск) – 9 чел. Отдельно отметим, что с 1964 г. в НГУ стали преподавать его первые выпускники, в референтной группе их оказалось 28 чел. (с. 61). Динамика пополнения ППС выпускниками разных вузов за эти 10 лет выглядела так: в 1959 г. больше всего прибывших в НГУ было из МФТИ, затем, до 1964 г. – из МГУ, а к концу десятилетия университет вышел на самовоспроизводство преподавательских кадров (с. 62).

Конечно, молодые преподаватели стремились подтвердить свой научный статус защитой кандидатской диссертации. В отобранной группе 70 чел. защитили диссертацию до 28 лет и ещё 57 чел. сделали это до 35 лет, у остальных защититься в этот период не получилось. Излишне говорить, что получение

учёной степени открывало карьерные возможности как в СО АН, так и в НГУ, причём не только научные, преподавательские, но и административные. Таким образом, к 31 году молодые учёные, преподававшие в НГУ, массово защищали диссертации, получали должности с. н. с. и доцента, а кто-то даже становился деканом или зам. декана. Успешно и динамично складывавшаяся карьера приносила соответствующие доходы, возможность участия в конференциях, в т. ч. и за рубежом, публикации научных результатов и учебно-методических работ, причём во многом новационных, эксклюзивных (с. 68). Авторы монографии сделали, на наш взгляд, очень правильный ход, проследив дальнейшую судьбу всех 167 членов референтной группы. Их научная и административная карьера впечатляет – 65 защитили докторские диссертации, причём трое в возрасте до 30 лет, 21 чел. – до 35 лет, остальные – после 40 лет. 12 чел. из этой группы были избраны академиками, из них двое (А. П. Деревянко и Н. С. Диканский) были в разное время ректорами НГУ, ещё трое стали чл.-корр. (с. 70–71).

Третья глава выглядит не столь цельно и логично, как предыдущие. Она называется «Образовательно-научный процесс», но, по сути, авторы только в первом параграфе – «Вектор развития академической структуры» – раскрывают перипетии формирования состава факультетов и специальностей, и логически он выглядит цельно. В то время как вторая часть главы посвящена студенчеству и, строго говоря, с предыдущим параграфом не связана. В четвёртой главе речь вновь идёт о студентах, их социокультурно-досуговой жизни. Поэтому, на наш взгляд, было бы логичнее объединить студенческие сюжеты в одной главе.

Возвращаясь к первому параграфу третьей главы, отметим, что авторы убедительно показывают, насколько нелинейным, противоречивым и сложным было становление факультетов и специальностей. Комплексное изучение вопроса показывает, что история создания структуры университета, происходившая в первые 10 лет, – это путь поисков и находок, надежд и разочарований, проб и ошибок, единодушия и размолвок. Отчасти они стали следствием (1) подспудного (а то и явного) противостояния «системы Физтеха» и линии на создание классического университета, (2) ограниченности кадровых возможностей, (3) невозможности полностью согласовать задачи подготовки кадров для науки и для народного хозяйства, включая и среднее образование, (4) парадоксально-несовпадения мотивов приехать в Академгородок для построения карьеры и покинуть его с той же целью.

Одной из главных болевых точек первых лет работы НГУ, по мнению авторов, был гумфак. Мало того, что его не предусматривали в начальном проекте университета, но к тому же не нашлось ни одного видного учёного-гуманитария, который изъявил бы желание работать в Академгородке (с. 73). Если видные математики и физики переезжали сюда со своими учениками, то у гуманитариев такой подпитки не было. Более того, если для всех факультетов работало правило: сначала создавался НИИ СО, а потом его «филиал» в НГУ, то с гумфаком было ровно наоборот: сначала появился он, а только в 1966 г. – Институт истории, филологии и философии СО АН. Факультет был очень маленьким, его признавали нерентабельным, пытались математизировать в соответствии

с «системой Физтеха», в т. ч. через открытие и развитие специальности «математическая лингвистика». В результате из «математики» остановились на курсе основы статистики для историков, которая была им не только понятна, но и полезна, а лингвистику и математику развели по привычным для них направлениям (с. 74).

Ворох проблем, накопившихся к 1968 г., вылился в «кризис гумфака», т. е. попытку части руководства университета передать факультет в Красноярский университет, который как раз оформлял самостоятельность, вырастая из стесняющих его рамок филиала НГУ. Однако этого не случилось, в т. ч. и благодаря достаточно активной и аргументированной позиции парткома НГУ, который считал, что гумфак надо сохранить, реформативировав учебную и воспитательную работу, подбор кадров (с. 77). В том же году была запущена перезагрузка факультета: сменился декан, постепенно расширился спектр направлений подготовки. Взгляд из сегодняшнего дня говорит о правильности и дальновидности принятых тогда решений. Сегодня в составе НГУ работает Гуманитарный институт, в его составе 14 кафедр и более 300 преподавателей (с. 78).

Другое проблемное поле НГУ в первые годы, отмеченное авторами, было биологическое направление ФЕНа. Первоначально планировалось профилировать его как медико-биологическое, но по ряду причин (объективных и субъективных, в частности, конфликт М. А. Лаврентьева и Е. Н. Мешалкина) планы остались планами, а биологов продолжили готовить по «системе Физтеха». Однако вскоре выяснилось, что биологам столь мощная математическая подготовка оказалась излишней: в практической и научной работе она была не востребована, а вот биологических навыков и знаний не хватало. Таким образом, после «медицинского зигзага» биологическое образование вернулось в «исходную точку» – к цитологии и генетике (с. 79).

В структуре гуманитарного образования для основателей университета было сразу понятно, как и на какой основе будет развиваться экономическое образование. Т. к., во-первых, уже был заложен ИЭиОПП СО АН, и во-вторых, математика весьма органично и многообещающе позволяла расширить горизонты изучения экономики. Также авторы не преминули заметить, что одним из возможных направлений в структуре НГУ могла стать «социология». Тогда в СССР она, как и генетика, была в опале, тем не менее был даже подготовлен учебный план (1966), идею активно поддерживал А. Г. Аганбегян, мысливший социологию в системе экономического образования. Тогда эти планы реализовать не удалось, но зато в 1989 г., когда эта специальность была открыта, на экономическом факультете НГУ, наряду с МГУ, ЛГУ и ещё четырьмя вузами страны, также началась подготовка социологов (с. 76).

Ещё одно заметное движение в становлении НГУ, выделенное авторами, – вечернее обучение. В первые годы оно выполняло роль подпитки для дневного отделения, но уже скоро стало очевидным его несоответствие цели подготовки кадров для науки. Ведь она предполагает мощную теоретическую базу и развитие навыков проведения экспериментов. Работавший весь день студент физически не мог выдержать такой темп освоения материала. Кроме того, вечерниками могли быть только жители Новосибирска, а этот контингент за несколько первых лет был практически выбран (с. 82–83).

Наконец, ещё одним важнейшим элементом НГУ, по замыслу отцов-основателей, должна была стать собственная физико-математическая школа (ФМШ). Обкатав принципы, формы и материалы отбора талантливых школьников на Всесибирских олимпиадах в 1961–1962 гг. и проведя необходимую организационную подготовку, уже в 1963 г. ФМШ приняла своих первых учеников. Кстати, такие же школы по решению Совета Министров СССР в том же году открыли МГУ и ЛГУ (с. 86). Авторы книги предметно показали, насколько органично ФМШ вписалась в систему НГУ – СО АН. Основные предметы в ней по оригинальным программам преподавались сотрудниками НГУ, которые выдерживали соответствующий научный уровень, ориентируя выпускников ФМШ на продолжение учёбы в НГУ. На первых порах (до 1966 г.) переход в НГУ был бесшовным, т. е. экзамены в школе были одновременно и вступительными. Но в последующем, становясь абитуриентами, выпускники ФМШ вынуждены были сдавать вступительные экзамены на общих основаниях. Через некоторое время, осознав, что часть абитуриентов, не получив льгот при поступлении в НГУ, уезжает в др. вузы, руководство нашло решение учитывать результаты выпускных экзаменов при поступлении в университет (с. 87).

Таким образом, к 1968–1969 уч. г. структура НГУ сложилась как отработанная жизнеспособная и эффективная модель.

Как было указано выше, дальше в монографии описаны процессы формирования контингента студентов, учёбы и внеучебной жизни. Сначала авторы показывают условия жизни и приводят факты об учёбе, характеризуя это как путь в науку.

О том, с каким вниманием основатели НГУ подходили к назначению университета готовить кадры для науки, свидетельствует первая приёмная кампания. Так, успешно выдержавшие экзамены абитуриенты ещё проходили собеседование с академиками и чл.-корр. АН. Их интересовала прежде всего осознанность выбора, круг интересов, логичность мышления (с. 95). Численность набора от года к году росла и к 1963 г. стабилизировалась на уровне 750–770 чел. Показательными являются данные, приведённые авторами, относительно географии абитуриентов. Так, в 1963 г. Сибирь и Дальний Восток представляли 1980 чел. (в т. ч. 590 из Новосибирска), 170 чел. приехали из европейской части страны и 110 – из Казахстана (с. 96).

Однако абитуриентам недостаточно было просто желаний учиться в новом университете, на порядок важнее было соответствовать высочайшим требованиям, которые с самого начала были установлены в качестве планки успеваемости. Вот какие данные приводят авторы по отчёту за 1963–1964 уч. г. Из приступивших к обучению 1695 студентов за год выбыло 273 (16%), в т. ч. по неуспеваемости 135 (8%) (с. 99). В учении, по Суворову, было реально тяжело... Но если подходить иначе, то в науку придут те, кто к работе в ней не готов ни по знаниям, ни по навыкам, ни по мышлению, ни по преданности (как бы пафосно это не звучало). Происходил действительно жёсткий отбор тех, кто мог и хотел заниматься наукой, у кого это получалось и кто не видел для себя других карьерных траекторий. Образование строилось таким образом, что общие лекции и лабораторные работы на 1–2 курсах читались в университете, а с 3–4 курсов

спецкурсы и подготовка дипломных работ проходили в НИИ. При этом все дипломные работы выполнялись как части плановых исследований, соответствующих институтам.

Касаясь распределения выпускников, авторы демонстрируют, как уже в первом десятилетии университет начинает совмещать статус классического университета и своё предназначение кузницы научных кадров. Т. к. НГУ был не только инкорпорирован в СО, но и напрямую подчинялся Министерству высшего и среднего специального образования, то вынужден был выполнять план распределения. В том числе на солидное число направлений в вузы Сибири и Казахстана, поскольку к этому времени возникла лакуна в подготовке преподавательских кадров. Поворотным стал 1967 г., к этому времени резко возросло количество выпускников, а доля СО АН по сравнению с другими местами распределения уменьшилась (до этого года в СО АН распределялись 57% выпускников, после – 4%), среди мест распределения появились СОШ (с. 104–105). Кстати, это обстоятельство, как и запуск ФМШ, подвигло руководство НГУ открыть кафедру педагогики.

Аспирантура в НГУ начала работу в 1960 г. В первые годы половина аспирантов представляла гуманитарные и социальные направления. Это объяснялось тем, что именно в этих областях в НГУ был заметный «кадровый голод». От четырёх человек в первый год приём аспирантов довольно быстро вырос до 184 (1968–1969 уч. г.). С этого времени аспирантура НГУ стала готовить кадры не только для себя, но и для вузов Новосибирска, Красноярска, Барнаула, Иркутска, Улан-Удэ и др. (с. 105–106).

Завершающую главу авторы называют «Социокультурная среда», правда, обращаются при этом только к двум её аспектам – студенческой жизни (параграф «Студенческие и инициативы») и очень важному аспекту внешней среды – имиджу университета.

Если оценивать содержание монографии с позиций сегодняшнего дня, то параграф, посвящённый внеучебной студенческой деятельности, на наш взгляд, имеет меньше всего «мостиков», связей с жизнью сегодняшних студентов и проблемами современных вузов в целом. Поэтому считаем, что целесообразно будет лишь пунктирно отметить основные положения параграфа, в котором авторы довольно подробно обрисовали инициативы, искания и заботы студентов.

Атмосфера «оттепели» 1960-х гг. и известный суверенитет Академгородка создали довольно уникальную для СССР ситуацию, когда общие для страны интеллектуальный поиск, свобода и демократичность самовыражения, активность в реализации своих идей, общий оптимизм были дополнены своеобразием условий жизни и учёбы (с. 107) и способствовали реализации студентами их творческих потенций. Креативность обучения и неординарность преподавателей побуждали студентов к самореализации и самовыражению (с. 108). Преподаватели увлекали не только новаторскими идеями в науке, но и стимулировали самостоятельность и нестандартность мышления. Немногочисленность студентов, простота общения, близкий возраст способствовали сокращению дистанции в отношениях «студент – преподаватель». Взаимная увлечённость создавала демократическую, доверительную атмосферу во взаимодействии даже

с докторами наук и академиками. Как следствие – чувство собственного достоинства, естественно возникавшее у студентов. Массовый десант в Академгородок харизматичных учёных, уже имевших имя в науке и с желанием принявшихся создавать новый научно-образовательный феномен, интенсивно формировал соответствующий научный этос (с. 109).

Среди активностей, которые оставили заметный след в истории университета и во многом повлияли на формы студенческой жизни и векторы начинающих складываться традиций, авторы отмечают:

- проведение Всесибирских олимпиад – их организовывал в том числе Совет молодых учёных, объединивший преподавателей и студентов (с. 109);
- сельхозработы – студенты университета занимались тем, чем и все студенты СССР, – выезжали на месяц на «на картошку»;
- стенную печать – сначала, как инициатива «снизу»; появился еженедельник «Щелчок», по сути выражавший в юмористической форме общественное мнение студентов университета; одновременно «сверху» возникла «Университетская жизнь» как орган комсомольской организации НГУ; в 1964–1967 гг. выходил откровенно оппозиционный «Треугольник»; жизнь студентов также отражали газеты факультетских студ. клубов – «Оракул», «Логос», «Оптима», «Прометей», «Кентавр» и др. (с. 115);
- студенческие строительные отряды (ССО) – первый ССО организовались в НГУ в 1964 г.; в той атмосфере поиска и самовыражения, что царила в университете, надо было только зажечь «спичку», что и сделали студенты, переведшиеся из ЛГУ и имевшие уже опыт работы в ССО; в дальнейшем, как отмечают авторы, «форма “летнего трудового семестра” до перестройки оставалась привычным инструментом» студенческой активности и заработка (с. 119);
- студенческие клубы – они были призваны решать проблему заполнения и направления культурно-досугового времени студентов и контролироваться партийными органами в части идеологической выдержанности. Но ближе к концу 60-х в деятельности клубов стала более заметной политическая составляющая. Авторы справедливо замечают, что дух «свободомыслия» оказался настолько сильным, что поощряемое сверху клубное студенческое движение из творческой, лояльной комсомолу инициативы породило активизм, политически окрашенный диссидентством (с. 124).

Непродолжительное, хотя и заметное место во внеучебной жизни НГУ занимали и такие формы студенческой активности, как маёвки, карнавал, студенческий театр.

Осмысливая уже сейчас опыт студенческой активности первого десятилетия можно прийти к пониманию того, что в нём в яркой, контрастной форме отразились практически все проблемы и противоречия советского общества. Насыщенность студенческой жизни в родившемся и бурно растущем организме НГУ была изначально обусловлена как объективными причинами, такими как концентрация пассионарной студенческой молодёжи в обособленном научном

центре, так и ситуативными: период «оттепели», установка основателей НГУ на развитие свободного исследовательского мышления и самоуправления. Поэтому неудивительно, что жизнь в университете буквально бурлила, пузырилась и периодически выбрасывала разнообразные инициативы, неординарные идеи, переваривала комсомольскую ангажированность и диссидентские выбросы, чтобы за весьма короткий период сформировать своеобразный и узнаваемый облик, традиции и дух университета.

В последнем параграфе «Имидж университета в информационном пространстве» авторы обратились к имиджевой стороне появления и становления НГУ, что выглядит совершенно оправданно. Дело в том, что, хотя открытие университета было одобрено руководством страны и обеспечено ресурсами, всё-таки создание не закрытого, а «гражданского» наукограда предпринималось впервые, к тому же не в европейской части страны, что несло определённые риски. Поэтому если государственно-общественный интерес к проекту университета нового типа был естественным, но всё же больше пассивным, то для основателей комплекса СО АН – НГУ работа со СМИ была настоящей необходимостью. Без этих усилий невозможно было создание желаемого образа Академгородка, затруднено кадровое наполнение СО АН и привлечение абитуриентов для учёбы в ещё непонятном новом университете.

В книге приведена хронология этой работы. Так, первым начал разговор со страной о НГУ на страницах центральной и местной печати академик С. А. Христианович в 1959 г. статьёй в «Советской Сибири». Затем в «Вечернем Новосибирске» вышла статья первого ректора НГУ И. Н. Векуа. Следом появилась публикация декана ФЕН Б. О. Солоноуца в столичном журнале «Вестник высшей школы». После такой «артподготовки» в «Комсомольской правде» опубликовал статью академик М. А. Лаврентьев, а к началу занятий, 26 сентября, опять в «Вечернем Новосибирске» выступил ректор И. Н. Векуа (с. 127). В следующем году основатели НГУ продолжили активное развитие идеологии «университета нового типа», разъясняя его цель, задачи и принципы обучения. Важно было показать опыт первого года работы университета и его успехи. Затем были статьи в «Правде», ответ журналисту «Литературной газеты». Круг авторов расширился – вышли статьи академика С. Л. Соболева и нового ректора Р. И. Солоухина. В последующие годы статьи выходили во многих центральных и местных газетах и журналах, среди них: «Известия», «Вестник АН СССР», «Наука и техника», «Техника и молодёжь», «Юность», «Огонёк», «За науку в Сибири», «Молодость Сибири» и др. (с. 130). К концу десятилетия острота восприятия центральной прессой феномена НГУ постепенно пропала, что было вполне естественно: вуз состоялся и даёт ожидаемый результат, трудности в основном преодолены, идёт текущая работа...

Отдельное место авторы отвели роли в создании благоприятного имиджа с помощью ресурсов кинодокументалистики, радио и телевидения. Они отдельно останавливаются на двух зарубежных фильмах о НГУ – французском «Виза в будущее» и английском – «Сибирь: великий эксперимент», вышедших в 1966 г. (с. 132) В английском фильме, кроме фактов о появлении и становлении университета, авторы отдельно останавливаются на НГУ, подчёркивая, что

«наряду с университетами Москвы и Ленинграда – это один из самых сложных для поступления». Далее приводятся такие шокирующие для англичан факты: студенты «приходят на занятия шесть дней в неделю на протяжении 42 недель каждый год. У английских студентов – почти шестимесячные каникулы. А здесь 6–8 недель. Этот университет особенный, поскольку студенты работают в исследовательских институтах на двух последних курсах пятилетнего обучения <...> можно сказать, что они получают образование, эквивалентное магистерскому» (с. 133). Как же актуально сегодня напомнить о «болонских мучениях» российского высшего образования, когда мы отошли от этих достижений для того, чтобы получить тот же уровень (а чаще худший) подготовки студентов только за шесть лет бакалавриата и магистратуры.

После прочтения книги возникает ощущение, что её значение не ограничивается внутрикорпоративной ценностью, на что указывают авторы в предисловии. Насыщенная конкретными сведениями, цитатами из воспоминаний участников тех событий, выдержками из документов, аналитическими выкладками и содержательными выводами, монография, безусловно, вносит дополнительные краски в имидж университета, дополняя впечатление, сформированное литературой, посвящённой вузу в прежние годы. Но, кроме того, книга подталкивает к переосмыслению процессов и результатов деятельности того, советского НГУ, и несколько другому взгляду на сегодняшний день российского высшего образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петрова М. С. Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя) // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 939–954. DOI 10.15826/qr.2022.3.710. EDN TFHTKH.

REFERENCES

1. Petrova M. S. The modern methods and approaches of prosopography (a researcher's workshop). *Quaestio Rossica*. 2022;10(3):939–954. (In Russ.). DOI 10.15826/qr.2022.3.710.

Поступила в редакцию / Received 12.02.2025.

Принята к публикации / Accepted 10.03.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зырянов Владимир Викторович zyryanovvv@my.msu.ru

Кандидат экономических наук, доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
SPIN-код: 7628-5292

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Zyryanov zyryanovvv@my.msu.ru

Candidate of Economics, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0349-0474

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.15

EDN: WWMQMV

Рецензия

Review

«ГЕРАСИМ-НА-ДОМУ» И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ CS-ПЛАТФОРМЫ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «НАУЧНОЕ ВОЛОНТЁРСТВО: ДЕЛАЕМ НАУКУ ВМЕСТЕ»¹

**Егерев
Сергей Викторович¹**

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия

Для цитирования: Егерев С. В. «Герасим-на-дому» и перспективы отечественной CS-платформы. Рецензия на книгу «Научное волонтерство: Делаем науку вместе» // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 220–225. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.15. EDN WWMQMV.

Аннотация. В рецензии отмечается важность монографии «Научное волонтерство: Делаем науку вместе». Коллектив авторов делится опытом создания первой российской национальной платформы «Люди науки» для проектов гражданской науки (citizen science, CS). Платформа действовала с 2021 по 2023 г. и стала важным CS-агрегатором. Книга уточняет роль волонтерства в современной науке, описывает основы этой исследовательской формы, а также вводит понятия, касающиеся сотрудничества учёных и общественности. Авторы предлагают новую классификацию проектов гражданской науки с учётом видов деятельности научных волонтеров. В качестве одного из первых российских проектов назван проект добровольческих вычислений Gerasim@Home. Книга предлагает практические рекомендации для менеджеров гражданской науки, включая методы привлечения и удержания волонтеров, а также принципы организации инфраструктуры проектов. Итоги деятельности платформы «Люди науки» показывают значительный рост количества волонтеров и объёма собираемых данных. Авторы оценивают, что число научных волонтеров в России достигнет 100 тыс. человек, что усилит общественную потребность в современных CS-агрегаторах.

Ключевые слова: citizen science, менеджмент распределённых проектов, общественное понимание науки, динамика мотивации добровольцев, национальные агрегаторы, научные коммуникации

¹ Научное волонтерство: Делаем науку вместе» / под ред. А. Борисовой-Сале, Я. Плехович. М. : Альпина нон-фикшн, 2025. 348 с. ISBN 978-5-00139-854-7.

“GERASIM-AT-HOME” AND PROSPECTS FOR A NATIONAL CS PLATFORM. REVIEW OF THE BOOK “CITIZEN SCIENCE: LET’S DO RESEARCH TOGETHER”²

Sergey V. Egerev¹

¹ Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russia

For citation: Egerev S. V. “Gerasim-at-home” and prospects for a national CS platform. Review of the book “Citizen Science: Let’s Do Research Together”. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):220–225. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.15.

Abstract. The review emphasizes the importance of the monograph “Citizen Science: Let’s Do Research Together”. The team of authors shares their experience in creating the first Russian national platform “People of Science” for citizen science (CS) projects. The platform operated from 2021 to 2023 and became an important CS aggregator. The book clarifies the role of volunteering in modern science projects, outlines the foundations of this research form and introduces concepts related to the collaboration between scientists and the public. The authors propose a new classification of citizen science projects taking into account the types of activities of scientific volunteers. One of the first Russian projects mentioned is the volunteer computing project Gerasim@Home. The book offers practical recommendations for citizen science managers, including methods for recruiting and retaining volunteers, as well as principles for organizing project infrastructure. The results of the activities of the “People of Science” platform show a significant increase in the number of volunteers and the volume of data collected. The authors estimate that the number of scientific volunteers in Russia will reach 100,000 people. This will strengthen the public need for modern CS aggregators.

Keywords: citizen science, distributed project management, public understanding of science, dynamics of volunteer motivation, national aggregators, science communication

Издательство «Альпина нон-фикшн» выпустило в свет коллективную монографию «Научное волонтерство: Делаем науку вместе». Девятнадцать авторов рассмотрели собственный опыт создания первой российской национальной платформы «Люди науки» для проектов *citizen science* (или «гражданской науки» в терминологии авторов). Проект «Люди науки» был инициирован Ассоциацией коммуникаторов в сфере образования и науки (АКСОН). Он стал возможен благодаря финансовой поддержке Фонда президентских грантов. Эта платформа просуществовала с 2021 по 2023 г. За это короткое время она получила признание исследовательского сообщества и собрала множество откликов как в специализированных изданиях, так и в СМИ. Платформа работала по принципу национального агрегатора для проектов *citizen science* (CS). Такие агрегаторы уже укоренились за рубежом. В книге они перечислены: это ECSA и SwafS (Евросоюз), Federal Crowdsourcing and Citizen Science Catalog и SciStarter (США), Citizen Science Portal (Канада), Ciencia Ciudadana en España (Испания) и др.

² Borisova-Sale A., Plekhovich Ya., eds. Citizen science: Let’s do research together. Moscow : Alpina non-fiction; 2025. 348 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00139-854-7.

Как известно, термин *citizen science* обозначает сотрудничество между учёными и любителями – людьми из разных слоёв общества. Благодаря развитию CS-культуры термин в 2014 г. вошёл в Оксфордский словарь английского языка в формулировке «научная работа, выполняемая представителями широкой общественности, часто в сотрудничестве с профессиональными учёными и научными учреждениями или под их руководством». Однако CS-идеология ещё задолго до официального признания, на протяжении веков привлекала и привлекает уже сегодня видных теоретиков и практиков гражданской науки, к числу которых относятся Эдмунд Галлей, Уэллс Кук, Уильям Уэвелл, Мэтью Мори, Джон Холм, Карен Купер, Ив Жангра, Алан Ирвин, Кис Меликер и мн. др. В книге уважительно перечисляются имена основоположников.

Отечественная литература по направлению гражданской науки ранее была представлена исключительно обзорами зарубежных проектов с обязательным примечанием: «В России проекты такого формата, к сожалению, распространения не получили». Действительно, до 2020 г. в России (при наличии единичных проектов) вообще не существовало единой CS-инфраструктуры, не было ни экспертного сообщества, ни теоретической базы научного волонтерства. Ценность книги «Научное волонтерство...» именно в том, что в ней освещён опыт отечественных добровольческих проектов. Почему же авторы обобщают свой опыт гражданской науки с позиций научного волонтерства? Научное волонтерство – это любая деятельность непрофессионалов в науке. Сегодня волонтеры собирают (анализируют) данные в сотнях исследований по всему миру или обеспечивают масштабные распределённые вычисления, а клинические испытания новых лекарств без научных волонтеров вообще невозможны. Таким образом, опираясь на инициативный и открытый характер соответствующих проектов, авторы вполне обоснованно соотносят научное волонтерство с концептом гражданской науки.

В первой, идеологической части книги со ссылкой на работы А. Уиггинс и К. Кроутона даётся сложившаяся типология проектов гражданской науки, основанная на учёте вида совершаемого действия. Это: собственно действие; охрана ресурсов; изучение (сбор данных); виртуальное участие; образование. Однако, фокусируясь на приоритетной роли волонтеров, авторы предлагают новую, более адекватную классификацию по типу деятельности волонтеров. Например, нашлось место для размещения геймифицированных проектов в отдельном таксоне. Геймификацию авторы выделяют особо: она играет всё более важную роль в процессах вовлечения и удержания волонтеров в проектах. Это приём, который может увлечь тысячи людей и произвести значительные изменения в практике научного менеджмента. Сегодня на слуху проекты, предлагающие игровую форму научного участия: Stall Catchers, Cell Slider, Crystal Crop Fever, SETI@Home, EyeWire, Foldit и др. Возможно, что геймификация и есть будущее научного волонтерства. Однако игры – самый сложный и наиболее затратный на старте тип CS-проектов. Соответственно, российский опыт в этой области пока отсутствует. «Люди науки» дали старт пилотной сателлитной платформе Exregion. С точки зрения перспектив геймификации проектов Exregion показала обнадеживающие результаты, но, увы, в 2023 г. была заморожена, как и основной проект.

Ещё одно важное место в предложенной типологии CS-проектов занимает т. н. «донорство ресурсов» для проектов добровольческих распределённых вычислений. Можно согласиться с авторами в том, что к самым первым российским проектам относится проект именно этого типа – Gerasim@Home («Герасим-на-дому», 2008). Донорство состоит в том, что владельцы компьютеров предоставляют доступ к своим неиспользуемым мощностям, а учёные проводят с их помощью сложные вычисления (например, моделирование). Так, известно, что в рамках проекта успешно вычисляются громоздкие «латинские квадраты» (важны в криптографии). Для этого используется сеть из тысяч домашних компьютеров. При этом волонтерам ничто не мешает останавливать сетевой счёт и переключаться на свои обычные рабочие задачи. Проект действует уже 17 лет и присоединиться к нему можно из любой точки мира.

Во втором разделе обнаруживаются практические рекомендации для менеджеров гражданской науки. Тут есть рецепты подготовки проектной инфраструктуры, есть техники привлечения и удержания волонтеров в проектах. Обсуждаются и приёмы декомпозиции больших технических заданий для превращения их в простые задания для волонтеров в соответствии с их ролями. Отметим, что навыками декомпозиции заданий владеет далеко не каждый руководитель традиционных проектов в больших НИИ и вузах. Обязательным для CS-менеджмента является и умение выстроить отношения со средствами медиа и руководством официальных организаций. В книге читаем о вузах и НИИ, которые с различной степенью энтузиазма включаются в такие проекты. К числу наиболее активных институций авторы относят Томский, Московский, Санкт-Петербургский государственные университеты, Тихоокеанский океанологический институт ДВО РАН, Университет ИТМО.

Увлекательные главы третьего раздела подготовлены руководителями и участниками российских добровольческих проектов последнего времени. Нейронауки, спутниковая океанология, ботаника, орнитология, экология, история – это неполный список охваченных направлений. Казалось бы, ничего общего у этих направлений нет, проекты можно рассматривать по отдельности, и нужда в интеграции усилий отсутствует. Однако с позиций волонтерского “modus operandi” определённое сходство проектов уже хорошо просматривается. Так, сбор данных лежал в основе проектов «Флора России» (ботаника), «Плоды науки» (фенология растений, агробиология), EkaterinBird (орнитология). Вовлечённость волонтеров в анализ данных сближает проект спутникового мониторинга внутренних волн в океане и надводной атмосферы с проектом упорядочения и изучения архивных материалов. Помимо анализа готовых данных, волонтеры добавляли данные собственные, например, загружали фотографии явлений на поверхности океана (первый проект) или стенограммы интервью с очевидцами исторических событий (второй проект). Привлечение обычных граждан для выполнения вспомогательных обязанностей характерно как для проектов в области медицинской психологии, так и для проектов работы в заповедниках. Для медицинских целей волонтеры привлекались и как испытуемые, и как эксперты. Если в качестве испытуемых выступали школьники, менеджеры улаживали дополнительные проблемы этического характера. Работа в заповедниках состояла в кольцевании птиц, их «инвентаризации», а также выполнялись другие функции.

Специфические волонтерские роли объединяют и т. н. «пограничные» CS-проекты, имеющие сильную социальную компоненту. Это, например, проекты экологического и климатического мониторинга. Эти исследования могут соседствовать с общественными инициативами, в которые учёные вообще не вовлечены или вовлечены слабо. Проектов много: от «Борщевика Сосновского» до экологии атмосферы Красноярска. Сюда относятся и всевозможное картирование лесных пожаров, вредных выбросов в атмосферу, городского шума и т. д. Предполагается, что пограничные проекты помогут наладить коммуникацию между увлечёнными представителями гражданского общества и научным сообществом.

Изложение промежуточных итогов платформы «Люди науки» было бы неполным, если бы авторы не дополнили волонтерские практики сводками показателей проектов. Этот раздел интересен как с точки зрения масштабов накопленных данных, так и с точки зрения достигнутой численности участников. Ещё пять лет назад сама возможность привлечения в российский проект 20 тыс. волонтеров представлялась фантастикой. Сегодня этот показатель превышен, по крайней мере, одним из проектов («Флора России»). Массивы данных также внушительны – упорядоченные «эго-документы», обработанные фотографии, задокументированные наблюдения живой природы, оцифрованные архивные дела, анкеты, вопросники. В какой степени эти данные будут востребованы научным сообществом, покажет ближайшее время.

Авторы книги задаются вопросом: замкнуто ли производство научного знания внутри науки как института? Нужно признать, что ещё задолго до взлёта популярности гражданской науки учёные отрицательно отвечали на этот вопрос, ведь научные исследования исторически взаимодействуют с самыми различными социальными, экономическими и культурными контекстами. Гражданская наука «всего лишь» ускорила проникновение научного понимания разнообразных процессов в широкие слои общества. Как мы знаем, старт российской гражданской науки в её современной форме был положен 17 лет назад проектом Gerasim@Home. И вот сегодня резонансный кросс-дисциплинарный проект «Люди науки» остановлен. Каковы же теперь перспективы отечественной CS-платформы?

Авторы рассчитывают, что в рамках Десятилетия науки и технологий 2022–2031 гг. численность научных волонтеров в России достигнет 100 тыс. человек. Если этот прогноз подтвердится не в качестве разового призыва, а в виде внушительной армии энтузиастов, занятых на постоянной «основе», то, действительно, доказавшая свою нужность платформа в том или ином виде, скорее всего, возродится. С учётом международного, а теперь и российского опыта, структуры, агрегирующие отдельные CS-проекты, играют важную роль: аккумулируют сведения о «горячем» резерве научных волонтеров, помогают с организацией и финансированием работ, повышают «видимость» проектов, поддерживают обмен опытом, независимую экспертизу и верификацию добровольческих данных. Отдельно следует сказать и о такой важной функции агрегаторов, как взаимодействие с разного рода официальными структурами.

Сегодня трудно представить облик будущей обновлённой CS-платформы, но опыт «Людей науки» в её работе будет очень востребован.

По прочтении книги становится ясно, что её подготовка силами большой команды авторов сама по себе явилась образцом успешного коллективного добровольческого проекта.

Поступила в редакцию / Received 26.01.2025.

Принята к публикации / Accepted 10.03.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Егеров Сергей Викторович *segerev@gmail.com*

Доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

SPIN-код: 9467-4883

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Egerev *segerev@gmail.com*

Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Chief Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6998-1060

Scopus Author ID: 55964415400

Web of Science ResearcherID: J-2310-2016

Управление наукой: теория и практика

Сетевой журнал

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор: Евгений Васильевич Семёнов

Заместители главного редактора: Сергей Викторович Егерев,
Виталий Леонидович Тамбовцев,
Михаил Федорович Черныш

Ответственный секретарь: Борис Николаевич Гайдин

Редакторы: Наталия Дмитриевна Крылова,
Анастасия Евгеньевна Семёнова

Макет: Елена Владимировна

Компьютерная верстка: Роман Яскович

ISSN 2686-827X

DOI: <https://doi.org/10.19181/sntp.2025.7.1>

Адрес редакции:

117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 24/35,
корп. 5, к. 416

E-mail:

science-practice@fnisc.ru

Телефон: +7(499) 724-18-95

Размещение журнала:

<https://www.science-practice.ru>

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Управление наукой: теория и практика» обязательна.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) от 12 июля 2019 г. ЭЛ № ФС77–76221

2025. Том 7, № 1. Дата выхода в свет: 25.03.2025.